

52 #1 2025 ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 52 #1 2025

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- *Streaming on the Edge of Private and Public Law*
- *Electronic Democracy and Digital People's Power*
- *Media Violence: Comprehension and Regulation*
- *Media in Information Security System: Russian and USA approaches*
- *Official Ceremonies and Formulas of Unceremoniousness*
- *Protection of Ideas as Intellectual Property*
- *Artificial Intelligence: in Parliament, in University, in Shipbuilding*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2025

Том 52 #1 2025

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Темы номера

- Стиминг на лезвии частного и публичного права
- Электронная демократия и цифровое народовластие
- Медиансилие: осмысление и регулирование
- Медиа в системе информационной безопасности: подходы России и США
- Официальные церемонии и формулы бесцеремонности
- Охрана идей как объекта интеллектуальной собственности
- Искусственный интеллект: в парламенте, в университете, на верфи

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2025

unesco
Chair

**UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation**

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ФС77-81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code
of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 52 #1 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v52

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФС77-45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)

DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)

FICSOR MIHALY (Hungarian Copyright Experts Body, Hungary)

GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)

GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)

IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)

IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)

KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)

KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)

MAGGS PETER (University of Illinois, USA)

NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)

NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)

PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)

POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)

POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)

RASSOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)

SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)

SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)

SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)

TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)

SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

SHAKHRAY SERGEY (HSE University, Russian Federation)

VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77-81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

Напечатано с готового оригинал-макета.
ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва,
Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 12.03.2025.
Формат 60×90 1/8. Усл.печл. 18,375.
Тираж 150 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 52 #1 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v52

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28.05.1999 и ФС77-45963 от 15.07.2011)

Учредитель
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор
ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

Заместитель главного редактора
БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

Ответственный секретарь
КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

Редакционный совет:
БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российской Федерации)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российской Федерации)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российской Федерации)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российской Федерации)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российской Федерации)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российской Федерации)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российской Федерации)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российской Федерации)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российской Федерации)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шенъчжене, КНР)

ФИЧОР М. (Венгерский совет экспертов по авторскому праву, Венгрия)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российской Федерации)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российской Федерации)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

DEYNEKO A.G. Streaming on the Edge of Private and Public Law.....	8
LOLAEVA A.S. Electronic Democracy: Evolution of People's Power in the Digital Age	19
SHAYKHITDINOVA S.K. On the Problem of Normative Regulation of Media Violence: the Concept and Models of Comprehension	30
KOCHKIN A.V. Evolution of Doctrinal Approaches to the Role of Media in Information Security Issues in the Russian Federation and the USA in the 21st Century	37
AJENE A.M.J., ADAMS S. Galamsey: Formal and Informal Fight of Political Elites in Ghana	45

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

FEDOTOV M.A. Official Ceremonies and Formulas of Unceremoniousness	56
KOMASHKO M.N. Protection of Ideas as Intellectual Property: Backgrounds, Experience, Perspectives	71
BUZOVA N.V., LUKYANOV R.L. On Perspectives in the Protection and Defense of Creative Products	84
POKROVSKAYA A.V. Use of New Technologies for Copyright Protection on E-Commerce Platforms: International Experience.....	95

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

SAIDOV A.Kh. Artificial Intelligence and the Future of the Digital Parliament: Current Challenges, Global Regulation and the Role of Parliamentarians	109
ARHIPOV V.V., NAUMOV V.B., STAROSTENKO V.A., NESTEROV A.A. The Use of Artificial Intelligence in Higher Education: Experience of SPbU	122
SOMONOV V.V., EGOROVA L.D. TARASOV A.S. Study of Intellectual Property Right Problems in Practical Application of Artificial Intelligence in Shipbuilding	136

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY.....

144

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ДЕЙНЕКО А.Г. Стриминг на лезвии частного и публичного права	8
ЛОЛАЕВА А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху	19
ШАЙХИТДИНОВА С.К. К проблеме нормативного регулирования медианасилия: понятие и модели осмысления	30
КОЧКИН А.В. Эволюция доктринальных подходов к роли медиа в вопросах информационной безопасности в РФ и США в XXI в.	37
АЖЕНЕ А.М. Дж., АДАМС С. Галамсей: формальная и неформальная борьба политических элит в Гане	45

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ФЕДОТОВ М.А. Официальные церемонии и формулы бесцеремонности	56
КОМАШКО М.Н. Охрана идей как интеллектуальной собственности: предпосылки, опыт, перспективы	71
БУЗОВА Н.В., ЛУКЬЯНОВ Р.Л. О перспективах охраны и защиты прав на креативные продукты	84
ПОКРОВСКАЯ А.В. Использование новых технологий для защиты авторских прав на платформах электронной коммерции: международный опыт	95

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

САИДОВ А.Х. Искусственный интеллект и будущее цифрового парламента: современные вызовы, глобальное регулирование и роль парламентариев	109
АРХИПОВ В.В., НАУМОВ В.Б., СТАРОСТЕНКО В.А., НЕСТЕРОВ А.А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании: опыт СПбГУ	122
СОМОНОВ В.В., ЕГОРОВА Л.Д., ТАРАСОВ А.С. Исследование проблем права интеллектуальной собственности при практическом применении искусственного интеллекта в судостроении	136

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

Научная статья

УДК 347.78.01

DOI: 10.17323/tis.2025.24874

Original article

СТРИМИНГ НА ЛЕЗВИИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

STREAMING ON THE EDGE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

Алексей Геннадьевич ДЕЙНЕКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
adeineko@hse.ru,
ORCID: 0000-0003-3700-7364,
SPIN РИНЦ: 8899-7709,
AuthorID: 704121

Информация об авторе

А.Г. Дейнеко — профессор Департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2-го класса

Аннотация. Изложены подходы к правовому анализу стриминга, характерные для частноправовой и публично-правовой наук. В сфере частного права стриминг рассматривается преимущественно через призму способа использования исключительного права на аудиовизуальное или иное сложное произведение (видеоигру, сообщение телепередачи и т.п.), которое может быть как легальным, так и нелегальным. Дискуссионным является вопрос о допустимом объеме творческого вклада лица, организовавшего стриминг, в контексте возможности признания его переработкой произведения. В целом, многие термины права интеллектуальной собственности, разработанные в доцифровую эпоху, с большим трудом могут быть применены к стримингу.

- Кроме того, продемонстрированы различные подходы судебных органов к определению соотношения понятий стриминга и продукции электронного средства массовой информации.
 - С позиций публичного права стриминг рассмотрен в контексте правовых новелл 2024 г., включивших информационное законодательство нового вида запрещенной информации (треш-стримы) и дополнивших уголовное законодательство новым отягчающим обстоятельством — публичной демонстрацией преступных действий.
 - Подведены итоги проведенного анализа и сформулированы некоторые предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.
 - **Ключевые слова:** стриминг, информационное право, уголовное право, авторское право, переработка, аудиовизуальные произведения, СМИ, треш-стримы, цифровые платформы, киберпространство
 - Для цитирования: Дейнеко А.Г. Стreamинг на лезвии частного и публичного права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 8–18; DOI: 10.17323/tis.2025.24874
 -
- Alexey G. DEYNEKO**
- National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, adeineko@hse.ru,
 - ORCID: 000-0003-3700-7364,
 - SPIN RSCI: 8899-7709,
 - AuthorID: 704121

Information about the author

A.G. Deyneko — Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of the Digital Technology Law and Bio Law, Faculty of Law, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University, State Councilor of the Russian Federation of 2nd Class

Abstract. The article discusses various approaches to the legal analysis of streaming, typical for private law and public law sciences. In the field of private law, streaming is considered mainly through the prism of the method of using the exclusive right to an audiovisual or other complex work (video game, TV broadcasting, etc.), which can be both legal and illegal. The issue on the permissible amount of creative contribution of the person, who organized the streaming in the context of the possibility of recognizing it as a reworking, is debatable. In general, many IP law terms developed in the pre-digital era can be applied to streaming with great difficulty.

In addition, the article demonstrates various approaches of judicial authorities to determining the relationship between the concepts of streaming and electronic media products.

Also, from the standpoint of public law, streaming is considered in the context of the 2024 legal novels, which included in the information legislation a new type of prohibited information — trash streams, and supplemented the criminal legislation with a new aggravating circumstance — a public demonstration of criminal actions. These novels are interconnected, but at the same time semantically and logically do not quite fit seamlessly into public legislation, and also create legal conflicts with certain norms of private law.

In conclusion, the results of the analysis are summarized and some proposals for improving legislation in the field under study are formulated.

Keywords: streaming, information law, criminal law, copyright law, reworking, audiovisual works, media, trash streams, digital platforms, cyberspace

For citation: Aleksei G. Deineko Streaming on the Edge of Private and Public Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 8–18; DOI: 10.17323/tis.2025.24874

-
-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ

- В августе 2024 г. в российском информационном законодательстве появился новый вид информации, запрещенной к распространению в отдельных частях киберпространства. Обязанность владельцев социальных сетей осуществлять мониторинг информации, размещаемой на подконтрольных им ресурсах, закрепленная в подп. 5 п. 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), была расширена подпунктом «к», в котором указана «информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражаясь явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений»¹. Такое сложное и, как будет показано далее, недостаточно точное определение было избрано законодателем для обозначения явления, известного как *треш-стримы*.
- Во взаимосвязи с этой новеллой перечень отягчающих обстоятельств, закрепленный в ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ), был дополнен подпунктом «т», указывающим на совершение умышленного преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)³. Названные законы в своей совокупности неоднократно упоминались в средствах массовой информации как «законы

- _____

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 9 ноября 2024 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 20 ноября 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

о запрете треш-стримов», в том числе самими законотворцами⁴.

Эти правовые новеллы вызвали ожидаемый всплеск научных публикаций, посвященных уголовно-правовым аспектам противодействия треш-стримам, что может свидетельствовать об укоренении данного термина в отечественной правовой науке [1, 2 и др.]. Замечу, что отечественная криминологическая школа обращалась к этой проблеме с 2021 г. Так, тезис о необходимости квалификации треш-стримов в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений можно встретить в работах Ю.В. Грачевой и С.В. Маликова [3], А.В. Антоновой и Е.Н. Полуниной [4], А.П. Фильченко [5] и других исследователей.

Параллельно с этим в отечественной правовой науке развивались исследования, посвященные правовой квалификации стриминга как творческого продукта, не связанного с проявлением насилия или оскорбительными действиями. Вопросы правовой квалификации стриминга с позиций права интеллектуальной собственности исследовали в последние годы Р.И. Ситдикова [6], Н.Ю. Сергеева [7] и другие авторы.

Представляется важным соотнести базовые подходы к пониманию стриминга и его правовой квалификации, представленные в частноправовой и публично-правовой науках, чтобы ответить на вопрос о возможности синхронизации этих подходов в условиях дальнейшего развития российского законодательства.

СТРИМИНГ И JUS PRIVATUM

Одними из первых на явление стриминга обратили внимание правоведы, занимающиеся изучением влияния современных информационных технологий на развитие законодательства об интеллектуальной собственности. Не претендуя на первенство в этом вопросе, автор отмечает, что еще в 2010-2011 гг.ставил вопросы правовой квалификации интернет-радио и интернет-телеvidения [8, 9]. Представляется, что стриминг в этом контексте вполне можно рассматривать как дальнейшее развитие указанных технологий, обусловленное повсеместным ростом скорости доступа к киберпространству и расширением его аудитории. Впрочем, имеются и значимые различия.

Проблематика правовой квалификации интернет-трансляций 10–15 лет назад в основном была

⁴ См., например: Приняты законы о запрете треш-стримов // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс]. — URL: <http://duma.gov.ru/news/59795> (дата обращения: 10 декабря 2024 г.).

обусловлена попытками адаптировать новые технологические способы распространения контента к устаревшим правовым конструкциям, закрепленным в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее — ГК РФ) и международных правовых актах⁶. Аналогично в отношении современных экономических и технологических моделей стриминга можно наблюдать попытки квалифицировать его в качестве одного из способов использования исключительных прав на произведение, поименованных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Во-первых, квалификация стриминга как *публичного показа*, описанного в подп. 3 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, имеет своих сторонников и противников. Так, Э.Э. Сулейманов и А.К. Шульга утверждают, что к демонстрации аудиовизуальных произведений в интернете в целом применимы конструкции публичного показа и публичного исполнения [10]. Им возражает Е.А. Артемьева, ссылаясь на правовые позиции российских арбитражных судов, которые обычно не признают сеть Интернет «местом, открытым для свободного посещения» [11].

Во-вторых, при поверхностном взгляде трудно устоять перед соблазном отнести стриминг к *ретрансляции*, указанной в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, поскольку семантически именно этот термин тяготеет к нему в наибольшей степени в случаях, когда для стриминга используются сообщения телепередач. Однако в соответствии с подп. 8.1 п. 2 ст. 1270 и ст. 1329 ГК РФ осуществлять ретрансляцию могут только организации эфирного или кабельного вещания — юридические лица. Владельцами пользовательских аккаунтов, на которых осуществляется стриминг, как правило, являются физические, а не юридические лица; следовательно, стриминг не является ретрансляцией. Что же касается юридического лица, владеющего стриминговой платформой, то оно, на взгляд автора этой статьи, выступает в роли информационного посредника, а не вещательной организации.

В-третьих, многие исследователи приходят к выводу, что стриминг следует квалифицировать как *переработку* произведения, описанную в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. В пользу такой квалификации говорит открытый перечень возможных способов созда-

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ В первую очередь, но не ограничиваясь перечисленным: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.); Договор ВОИС по авторскому праву и Согласованные заявления в отношении него (приняты Дипломатической конференцией в Женеве 20 декабря 1996 г.) // СПС «Консультант Плюс».

ния производных произведений, закрепленный в п. 1 ст. 1267 ГК РФ. Вместе с тем Д.А. Залялов высказывает сомнения в принципиальной возможности признания переработкой даже игрового стриминга со значительным уровнем творческой переработки (когда трансляция видеоигры дополняется отображением вида игрока при помощи веб-камеры, его комментариями и пр.) [12, с. 64–65].

Представляется, что признаки переработки можно найти даже в видеозаписи прохождения игры без каких-либо комментариев (так называемых *лэпсплеях*), если действия игрока в пространстве видеоигры обладают достаточной долей оригинальности. Так, широко практикуется использование игрового пространства жанра *TPS Action (third-person shooter action)* в виде городских и загородных массивов для копирования известных киносцен, имитации погонь, проведения краш-тестов различной техники и прочих действий, не предусмотренных базовым сценарием прохождения видеоигры. Признаки переработки можно наблюдать и при использовании в стримах трансляций спортивных событий, если к ним добавляются переозвучка другим комментатором, банковские реквизиты и иные способы поддержки нелегальных «вещателей», возможности голосований и викторин, а также ставок на исход спортивного события.

Проблемным аспектом квалификации стриминга как переработки является необходимость получения согласия правообладателя исходного произведения. Здесь справедливо замечание Д.Д. Тюпича о том, что разработчики видеоигр «вряд ли смогут ответить на обращение каждого стримера о предоставлении права использовать видеоигру» [13, с. 1016]. Кроме того, высокая степень участия зрителей в процессе стриминга заставляет задаться вопросом о границах такого переработанного произведения: например, будет ли оно включать комментарии зрителей и их взаимодействие между собой на площадке трансляции? Нередко действия лица, организовавшего стриминг, зависят от выбора зрителей, подкрепленного пожертвованиями во время прямого эфира (так называемыми донатами). В абсолютном выражении соавторами такой переработки могут оказаться тысячи пользователей, хоть как-то поучаствовавших в стриме (при труднореализуемом условии, что правообладатель разрешил им такие действия).

В-четвертых, большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что наиболее подходящим для стриминга способом использования исключительных прав (из поименованных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ) остается *доведение до всеобщего сведения*. В этом смысле сущность правовой охраны сообщений телепередач, видеоигр и иных аудиовизуальных произведений в киберпространстве сводится к понятной для

правообладателя модели по недопущению их использования на сторонних информационных ресурсах, которые могут забрать часть аудитории у легальных каналов доставки контента. Однако и здесь есть основания ставить вопрос о границах произведения — ведь оригинальная видеоигра или телепередача не обладает такой степенью зрительского участия, как стриминг.

В-пятых, возможен подход с квалификацией стриминга в качестве *цитирования* обнародованного произведения, которое в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ является частным случаем правомерного использования произведения без согласия правообладателя. А.Ю. Чурилов отмечает, что при игровом стриминге используется лишь незначительная часть видеоигры, а ее программный код не используется вовсе [14]. Но на взгляд автора этой статьи, такая квалификация подходит, скорее, для небольшой доли стриминга, представляющего собой обзоры видеоигр, спортивных или (реже) телевизионных событий. Здесь от стримера («обзорщика») требуется обостренное чувство меры, поскольку обязательным условием цитирования является соблюдение объема, оправданного данной целью. В качестве примера обзора телевизионного, а не спортивного события можно привести обзоры игр Клуба веселых и находчивых (КВН), выполняемые известными юмористами на различных площадках. Их следует отличать от популярных в социальных сетях обзоров различных товаров и услуг, которые представляют собой самостоятельные аудиовизуальные произведения.

С учетом описанной специфики нельзя исключать и возможность признания стриминга непоименованным способом использования исключительного права на произведения, поскольку перечень, закрепленный в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, является открытым. В этой связи компромиссным и непротиворечивым разрешением описанной дискуссии могло бы стать закрепление легального определения стриминга в новом подп. 12 п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Для формулирования контуров возможного легального определения стриминга следует обратиться к проблеме его типологизации. Исходя из степени творческого вклада лица, организовавшего стриминг, И.Ю. Пащенко предлагает выделять лицензионный и пользовательский стриминг [15]. В первом случае речь идет о сервисах, которые предоставляют доступ к контенту «идентифицированным пользователям по подписке», во втором — о деятельности многочисленных пользователей на различных цифровых платформах [17]. А.С. Вартанов предлагает дополнить указанную классификацию разделением пользовательского стриминга на «собственный контент (например, прямые эфиры в [социальной сети] VK)

и дублируемый (трансляция материала, созданного другим человеком)» [16, с. 111]. На взгляд автора этой статьи, лицензионный стриминг, по существу, невозможно отграничить от доведения до всеобщего сведения, поскольку в нем отсутствует специфика «прямого эфира» и творческого вклада лица, организовавшего стриминг.

Представляется целесообразным использовать соодержательный критерий, который отражал бы объект, взятый за основу для стриминга в каждом конкретном случае. Выше упоминались игровые стриминги, основой которых является видеоигра, доступная неограниченному кругу лиц на возмездной или безвозмездной основе. Творческий вклад лица, организовавшего игровой стриминг, как правило, наиболее высок, а зрители, задействованные в нем посредством опросов, pari, викторин, конкурсов и других интерактивных элементов, формируют сложный объект коллективного творчества. Наиболее успешные организаторы игровых стримингов получают высокие прибыли от монетизации производимого контента.

Вторым возможным видом стриминга в этой классификации будут обзоры видеоигр, спортивных и телевизионных событий. Положительные оценки новой видеоигры от популярных стримеров способны значительно подогреть пользовательский интерес к ней, а жесткая (иногда намеренно) критика недостатков видеоигры, напротив, может заметно сократить ее аудиторию. Распространены случаи рекламного сотрудничества производителей видеоигр и известных блогеров, в основе которого, как можно предположить, лежат договорные модели авторского заказа либо договора оказания рекламных услуг.

В качестве третьего вида стриминга можно назвать «ретрансляцию» сообщений телепередач, прежде всего спортивных событий. Этот вид стриминга обоснованно вызывает наибольшее беспокойство у правообладателей, хотя можно наблюдать и обратные эффекты. Так, значительную долю доходов Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) и участвующих в ней профессиональных спортивных клубов составляют доходы от рекламных контрактов и исключительных прав на телевизионные трансляции хоккейных матчей. В этих условиях правообладатель проводит активную политику по противодействию нелегальному стримингу хоккейных матчей в киберпространстве. При этом любительские хоккейные лиги, например Офицерская хоккейная лига (ОХЛ) или лига «Трудовые резервы», обладают на порядок более скромными аудиториями, трансляции игр таких лиг в социальных сетях собирают от нескольких десятков до нескольких сотен зрителей. В этих условиях любительские лиги на данном этапе своего развития

вряд ли заинтересованы в блокировке стриминга, осуществляемого третьими лицами без их разрешения, поскольку это повышает их узнаваемость.

Резонансным примером судебного преследования стриминговой платформы за нарушение ее пользователем исключительных прав на спортивную трансляцию стало решение по делу № 3-263/2021, вынесенное Московским городским судом в 2021 г. Согласно фабуле дела, в 2019 г. один из пользователей стриминговой платформы *Good Game*, не имея на то разрешения правообладателя, создал на двух своих аккаунтах копию трансляции хоккейного матча КХЛ, осуществляющей телеканалом «КХЛ ТВ». Администраторы стриминговой платформы, получив претензию правообладателя, заблокировали обе трансляции через 9 минут после их начала, совокупная аудитория трансляций за это время составила 42 человека. Несмотря на это, правообладатель обратился в суд и запросил максимально возможную (из твердых сумм, предусмотренных ст. 1301 ГК РФ) компенсацию за нарушение исключительного права на произведение в размере 5 млн рублей за каждый из двух выявленных случаев нарушения исключительных прав.

Ответчик по делу, владеющий стриминговой платформой, заявил в суде, что считает себя информационным посредником, не вносил никаких изменений в трансляцию до момента получения претензии правообладателя и готов предоставить регистрационные данные пользователя, осуществившего незаконное доведение до всеобщего сведения, в целях обращения к нему претензий правообладателя. Ответчик обоснованно сослался на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, который рекомендовал судам оценивать возможность признания владельцев сайтов информационным посредником в каждом конкретном случае, исходя из оценки характера осуществляющей ими деятельности⁷.

При рассмотрении дела № 3-0400/2019 суд первой инстанции согласился с доводами истца и обязал ответчика выплатить штраф, возместить истцу судебные издержки и удалить спорный контент. В данном случае против ответчика сыграл тот факт, что он был учредителем средства массовой информации в виде электронного периодического издания *GoodGame.ru*, а по смыслу ст. 26, 42 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»⁸ редакция

⁷ Пункты 77, 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 11 марта 2024 г.) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант Плюс».

средства массовой информации обязана соблюдать права на используемые произведения, а выпуск продукции СМИ возможен только после того, как главным редактором дано соответствующее разрешение.

Решение Мосгорсуда 2019 г. устояло в апелляционной и кассационной инстанциях, однако 1 декабря 2020 г. Коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение № 5-КГ20-96-К2, в котором указала, что спорная трансляция не является продукцией средства массовой информации и ответчик не должен нести ответственность за ее содержание. Дело было направлено на новое рассмотрение, и 19 марта 2021 г. Московский городской суд постановил отказать истцу в удовлетворении заявленных исковых требований. Впоследствии это решение устояло в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Таким образом, можно констатировать, что стриминговые платформы наряду с видеохостингами, социальными сетями и иными цифровыми платформами рассматривают закрепленный в ст. 1253.1 ГК РФ институт информационного посредника как «тихую гавань» и видят в нем средство для хеджирования своих рисков. С этой целью платформы реализуют определенную правовую политику.

Во-первых, еще на стадии формулирования пользовательских соглашений стриминговые платформы перекладывают всю полноту ответственности за соблюдение интеллектуальных прав на пользователей. В приведенном примере из судебной практики стриминговая платформа среди прочего указала в пользовательском соглашении запрет на трансляцию контента, который может нарушать права третьих лиц. Самы пользователи, не вникая в условия лицензионных соглашений, вынуждены соглашаться с условиями, безальтернативно предлагаемыми платформами.

Во-вторых, стриминговые платформы обычно воздерживаются от регистрации в качестве электронного средства массовой информации (сетевого издания), поскольку данный статус, с их точки зрения, скорее, налагает дополнительные обязанности, а не предоставляет дополнительные права.

В-третьих, стриминговые платформы внедряют технические средства защиты авторских прав, предусмотренные ст. 1299 ГК РФ; одним из самых известных технических средств такого рода является система *Content ID* на платформе *YouTube*, обладающей стриминговым функционалом.

В-четвертых, при возникновении претензий со стороны правообладателей платформы стараются оперативно блокировать или удалять спорный контент, устранившись от спора по поводу интеллектуальных прав.

В отношении последних двух пунктов замечу, что претензии правообладателей или применение технических средств защиты авторских прав могут быть обусловлены использованием объектов авторских прав, принадлежащих третьим лицам. В частности, разработчики видеоигр обычно указывают в пользовательских соглашениях, что игроки могут осуществлять стриминг при условии получения согласия правообладателя (-ей) музыкальных произведений, использованных при создании видеоигры. Это вызвано тем, что лицензионный договор правообладателя с разработчиком видеоигры с очевидностью не предусматривает такого способа использования произведения, как стриминг.

При этом сами платформы, очевидно, осознают коммерческую привлекательность стриминга с точки зрения расширения пользовательской аудитории, поэтому в отсутствие явных признаков нарушений авторских прав (например, непрерывной трансляции эфира телеканала) склонны разрешать такую деятельность пользователей до тех пор, пока она не станет объектом претензий со стороны правообладателей.

СТРИМИНГ И JUS PUBLICUM

При буквальной трактовке новеллы Закона об информации можно прийти к ложному выводу о том, что распространение треш-стримов несет в себе риски лишь для владельцев социальных сетей. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) за неисполнение владельцем социальной сети обязанности по осуществлению мониторинга для юридических лиц предусмотрен административный штраф в размере от 800 тыс. до 4 млн. рублей⁹. Напомню, что в КоАП РФ и тезаурусе Закона об информации определение социальной сети отсутствует, но ст. 10.6 Закона об информации определяет ее, как «сайт и (или) страницу сайта в сети Интернет, и (или) информационную систему, и (или) программу для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направ-

⁹ Часть 2 ст. 13.50 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

ленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации».

Автору пришлось привести это объемное определение, чтобы напомнить о проблеме трансграничности киберпространства, которую законодатель в каждом конкретном случае вынужден решать разными путями. В процитированной норме выбор был сделан в пользу привязки к национальной юрисдикции через язык распространения информации, гипотетическую направленность гипотетической рекламы и показатели посещаемости социальной сети в нашей стране. Нетрудно заметить, что каждый из критериев может трактоваться субъектами информационных правоотношений по-разному и в этой связи вполне может стать предметом отдельного спора в судебном процессе.

Тот факт, что на владельцев социальных сетей возложена обязанность по мониторингу такого рода информации, относит ее к широкому перечню видов информации, запрещенной к распространению в российском сегменте киберпространства. Здесь мы выходим на общую проблему информационного права, заключающуюся в несистемности его понятийного аппарата. Подпункт 4 п. 4 ст. 3 Закона об информации называет в числе одного из видов информацию, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается, однако в последующих нормах Закона об информации можно встретить лишь отдельные примеры такой информации, чередующиеся с многочисленными ссылками к другим нормативным правовым актам. В числе таких ссылок — запрет на распространение информации с нарушением авторских и (или) смежных прав, который появился в ст. 15.2 Закона об информации в 2013 г.

Автор неоднократно критиковал, в том числе и на страницах данного журнала [17], законодательные поправки, связанные с блокировкой информационных ресурсов, на которых распространяется информация, нарушающая авторские или смежные права, за неэффективность предлагаемых механизмов. Одним из проблемных аспектов, на которые он обращал внимание, является противоречие кругов объектов гражданских и информационных правоотношений. Поскольку с 2006 г. информация исключена из числа объектов гражданских прав, стриминг, не нарушающий публично-правовых норм, следует относить к объектам интеллектуальных прав (как отмечено выше, скорее всего, — к переработанному аудиовизуальному произведению). Однако в случае появления в составе такого произведения оскорблений и (или) изображения противоправных действий, оно ста-

новится одним из видов информации, запрещенной к распространению (треш-стримом), при этом, похоже, не переставая быть произведением. Вопрос о том, может ли произойти обратное перевоплощение, когда художественное или документальное произведение, в котором демонстрируются случаи насилия или звучат оскорблений, признается треш-стримом, пока остается без ответа.

Безусловно, в рамках публичного права остается огромное количество примеров стриминга, не нарушающего интеллектуальные права и не содержащего оскорблений или изображений противоправных действий. Сюда относятся многочисленные интерактивные шоу, научно-популярные проекты, пресс-конференции и т.п. Е.Е. Семенов описывает любопытный опыт организации в Нижегородской области стриминга в ходе Единого дня голосования в 2022 г. В ходе стриминга видеотрансляция процедуры голосования на различных избирательных участках области перемежалась прямыми включениями корреспондентов с мест, студийными интервью и интерактивным взаимодействием со зрителями. Как отмечает Е.Е. Семенов, «посредством стримингового вещания была создана полиформатная, насыщенная событиями и живыми человеческими эмоциями форма интерактивной социальной коммуникации» [18, с. 96], что привело к росту просмотров в 60 раз в сравнении с форматами, применяемыми в предыдущие избирательные кампании. Таким образом, сам по себе стриминг как форма пользовательской активности в киберпространстве не является противозаконным.

Включение треш-стримов в уголовное законодательство существенным образом расширило проанализированное выше понимание стриминга как способа использования исключительного права на произведение. Применяемая законодателем формулировка «публичная демонстрация» понимается в публичном праве значительно шире, чем в частном. На примере публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, запрещенной ст. 282.4 УК РФ, видно, что этот термин охватывает бесчисленное количество вариантов действий в реальном мире и в киберпространстве. Случайно или намеренно декларируемая законодателем цель пресечь практику треш-стримов (которую, как указывают исследователи, в нашей стране поддерживают 87% интернет-пользователей [19, с. 140]) выразилась на практике в неопределенном критерии публичности совершения умышленных преступлений.

В современном информационном обществе едва ли не каждое преступление мгновенно попадает в киберпространство, обрастаю подробностями и слухами, в связи с чем о его совершении узнают на порядок

больше людей, чем в эпоху традиционных (нецифровых) средств массовой информации. Означает ли это, что каждое умышленное преступление, попавшее в новостные сводки, совершено с публичной демонстрацией и должно наказываться более строго? Здесь автор этой статьи поддерживает точку зрения О.А. Петряиной и С.Т. Сулейманова, которые на примере треш-стримов подчеркивают взаимосвязь эффективности противодействия киберпреступлениям с применением унифицированных уголовно-правовых механизмов [20, с. 147].

Другой актуальный вопрос правовой квалификации, который ставит, в частности, Е.Н. Рахманова, — ограничение треш-стримов от экстремистской деятельности, поскольку данные действия нередко осуществляются пользователями вследствие иррациональной тяги к насилию и жажды заработка, но не по мотивам ненависти к той или иной группе лиц [19, с. 140]. В связи с этим обстоятельством Ю.В. Грачева и С.В. Маликов настаивают на выделении треш-стримов в качестве самостоятельного преступления против общественной нравственности [3, с. 208]. Кроме того, А.П. Фильченко [5, с. 90], Г.А. Решетникова [21, с. 57] и другие авторы верно обращают внимание на то, что внешнее проявление признаков насилия в треш-стримах часто является лишь имитацией, а это в сочетании с отсутствием заявления от «потерпевшего» не всегда позволяет обнаружить основания для уголовной или административной ответственности.

На взгляд автора этой статьи, публично-правовое регулирование деятельности социальных сетей и иных цифровых платформ, используемых для стриминга, должно предусматривать и алгоритм их действий в случае обнаружения трансляции насилия или иного шокирующего контента. Так, попытки террористов в различных странах вести прямую трансляцию своих преступлений в крупных социальных сетях довольно быстро пресекались модераторами, хотя небольшие фрагменты записей таких трансляций продолжают стремительно распространяться в киберпространстве. Более сложный этический вопрос ставит Д.В. Мильчина, анализируя ужасающую практику трансляции пользователями социальных сетей самоубийств в прямом эфире. В таких ситуациях перед администраторами социальных сетей возникает не-простая дилемма: прерывать любой стриминг, в ходе которого пользователи заявляют о предстоящем самоубийстве (например, путем автоматизированного контент-анализа), либо оставлять подобные трансляции «в эфире», надеясь на то, что близкие пользователи смогут прийти к ним на помощь [22, с. 259].

В условиях крайне расплывчатых формулировок обеих проанализированных правовых новелл остает-

ся выразить надежду на то, что высшими судами будут сформулированы более точные критерии для выявления треш-стримов. Многие авторы [20, 21 и др.] спрашивали указывают на особую восприимчивость несовершеннолетних к просмотру треш-стримов, и здесь следует задаться вопросом о наиболее распространенных каналах доступа к ним. В пространстве социальных сетей и стриминговых платформ любая трансляция, вызывающая интерес пользователей, довольно быстро попадает в рекомендации. В связи с этим общий запрет на применение рекомендательных технологий по отношению к пользователям младше 18 лет мог бы если не прекратить, то заметно сократить поток вредного контента. Безусловно, это потребует также совершенствования механизмов идентификации и проверки возраста пользователей.

В целом же, проблема соотношения методов и терминологии частноправового и публично-правового регулирования является общей едва ли не для всех видов общественных отношений, происходящих в киберпространстве. Цифровые платформы, в том числе стриминговые, предсказуемо стремятся к частноправовой модели регулирования, в рамках которой они могут минимизировать свою ответственность и навязать пользователям выгодные для себя условия пользовательских и лицензионных соглашений. При этом законодатель, принудительно вводя отдельные цифровые платформы в российскую юрисдикцию, создает необходимую основу для применения к ним публично-правовых регуляторных механизмов. Иллюстрацией терминологических коллизий между частным и публичным правом служат также различные подходы к определению самих цифровых платформ, возможным подвидом которых являются стриминговые.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные в настоящей статье проблемы частноправового регулирования стриминга основаны на устаревших правовых конструкциях, которые законодатель с большим трудом может адаптировать к современным реалиям. Понятия «ретрансляция» и «публичный показ» пришли к нам из доцифровой эпохи, а понятия «переработка», «цитирование» и «доведение до всеобщего сведения» характеризуются чрезмерной расплывчатостью. В частности, неясно, где проводить границу между неправомерным доведением до всеобщего сведения исходного и переработанного стримером аудиовизуального произведения.

На стыке между частноправовым и публично-правовым регулированием находится законодательство о средствах массовой информации, которое создает

правовые коллизии в случаях, когда стриминговые платформы получают регистрацию в качестве средств массовой информации. На практике встречаются ситуации, когда стриминговая платформа предпринимает усилия, для того чтобы подпадать под гражданско-правовой статус информационного посредника, но как средство массовой информации несет прямую ответственность за соответствие публикуемого контента (в том числе пользовательского) требованиям законодательства.

Появление одной из разновидностей стриминга в информационном и уголовном законодательстве, к сожалению, не добавило определенности его правовому регулированию. В части информационного права оно обострило проблему хаотичного понятийного аппарата и отсутствия системного перечня видов информации, запрещенной к распространению в киберпространстве. Неясен по-прежнему вопрос об информационно-правовом статусе аудиовизуального произведения (записи стриминга), в котором есть признаки, закрепленные для треш-стримов. При этом стриминг, не нарушающий требования законодательства, остается одной из форм допустимой пользовательской активности и нуждается в урегулировании, например, в части налогообложения.

Наша научная и практическая специализация не позволяет с должной глубиной оценить криминологическую обоснованность закрепления треш-стримов в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений против личности. Вместе с тем стоит отметить обеспокоенность коллег вопросом о выделении объекта преступного посягательства, особенно в тех случаях, когда экранное насилие является имитацией, а пострадавшие лица по тем или иным причинам не обращаются с заявлениями в правоохранительные органы.

В числе предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения выделяю необходимость уточнения критериев треш-стримов (возможно, посредством судебного активизма), закрепления формулировки легального стриминга как способа использования исключительного права на произведение и способа создания нового произведения, а также необходимость запрета для цифровых платформ применять рекомендательные технологии к пользователям, не достигшим 18 лет.

Кроме того, наряду с мерами уголовной и гражданской ответственности, предусмотренными за описанные правонарушения, представляется обоснованной постановка вопроса о выделении мер информационно-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности (см., например, [23]). Применительно к рассмотрен-

ным в настоящей статье вопросам в качестве примера можно привести действия стриминговых платформ по отношению к нарушителям пользовательских соглашений. Они могут выражаться во временных или постоянных блокировках пользовательских аккаунтов, лишении пользователей премиальных статусов, приостановлении монетизации контента и иных мерах, напрямую не предусмотренных законодательством. Автор этой статьи склонен относить такие меры к особому подвиду договорной информационно-правовой ответственности, однако вопрос о ее доктринальном закреплении заслуживает отдельной дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А., Маланьин А.А., Савельева Д.Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 312–316.
2. Хмелевский И.О. Треш-стримы: оценка необходимости криминализации // Вестник науки и образования. 2024. № 5-1(148). С. 94–96.
3. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6 (127). С. 202–210. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202–210.
4. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90-91. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-90-91.
5. Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 90–100. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-460-90-100.
6. Ситдикова Р.И., Васильев Э.Э. Потоковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 59–64. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-9-59-64.
7. Сергеева Н.Ю. Стreamинг и законодательство об интеллектуальных правах // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 12. С. 17–24.
8. Дайнеко А.Г. Интернет-радио: проблемы правовой квалификации // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2010. № 4. С. 205–222.
9. Дайнеко А.Г. Проблемы правовой квалификации интернет-телевещания в Российской Федерации // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 11(14). С. 578–584.
10. Сулейманов Э.Э., Шульга А.К. Публичный показ и публичное исполнение как способы использования

- исключительного права на аудиовизуальное произведение // Эпомен (с сентября 2024 г. выходит под названием «Вестник экономики и права»). 2021. № 57. С. 351–358.
11. Артемьева Е.А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3(33). С. 112–123.
 12. Заялов Д.А. Границы правомерной и неправомерной трансляции видеоигр // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6. С. 62–70. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070.
 13. Тюпич Д.Д. Правовая природа стриминга видеоигры с точки зрения российского законодательства // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 6 (81). С. 1012–1023.
 14. Чурилов А.Ю. Некоторые вопросы правового режима и охраны трансляций компьютерных игр // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 43–50.
 15. Пащенко И.Ю. Авторские права и пользовательский стриминг: нарушения в прямом эфире // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. мат. VIII Междунар. юридического форума (IP Форума). М.: МГЮА, 2020. С. 350–354.
 16. Вартанов А.С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49. № 2. с. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719.
 17. Дейнеко А.Г. Антиpirатский закон — эволюция, или революция? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2014. Т. 16. № 1. с. 115–131.
 18. Семенов Е.Е. Стreamинговые технологии в наблюдательном процессе за выборами: новые горизонты политической публичности // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 4 (26). С 91–99.
 19. Рахманова Е.Н., Берестовой А.Н., Цветков П.В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 137–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
 20. Петрянина О.А., Сулейманов С.Т. Конституционные и уголовно-правовые вопросы дифференциации ответственности за криминальное использование телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: теория, техника, практика // Вестник РУК. 2019. № 2 (36). С. 145–148.
 21. Решетникова Г.А. Пропаганда противоправного и аморального антиобщественного поведения, как преступление против общественной нравственности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 54–59. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-54-59.
 22. Мильчина Д.В. Этические и правовые аспекты онлайн-трансляций // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 10. С. 255–261.
 23. Информационное право: учеб. для вузов / М.А. Федотов [и др.]; под редакцией М.А. Федотова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.

REFERENCES

1. Pisarevskaya E.A., Dvorzhickaya M.A., Malan'in A.A., Savel'eva D.E Tresh-strim: problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. No 2 (189). S. 312–316.
2. Hmelevskij I.O. Tresh-strimy: ocenka neobhodimosti kriminalizacii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2024. No 5-1(148). S. 94–96.
3. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Tresh-strim: social'naya obuslovnost' kriminalizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. No 6 (127). S. 202–210. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210.
4. Polunina E.N., Antonova A.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za "tresh-strim" v Internete // Zakon i pravo. 2021. No 3. S. 90-91. DOI: 10.24412/207-3313-2021-3-90-91.
5. Fil'chenko A.P. Ohrana obshchestvennoj nравstvennosti ot posyagatel'stv v forme pryamyh translyacij protivopravnogo povedeniya (tresh-strimov) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. No 4 (60). S. 90–100. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-460-90-100.
6. Sitdikova R.I., Vasil'ev E.E. Potokovaya videozapis' (striming) kak ob'ekt intellektual'noj sobstvennosti // Jurist. 2021. No 9. S. 59–64. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-9-59-64.
7. Sergeeva N.Yu. Striming i zakonodatel'stvo ob intellektual'nyh pravah // Patenty i licenzi. Intellektual'nye prava. 2022. No 12. S. 17–24.
8. Dejneko A.G. Internet-radio: problemy pravovoj kvalifikacii // Vserossijskij nauchnyj zhurnal "Voprosy pravovedeniya". 2010. No 4. S. 205–222.
9. Dejneko A.G. Problemy pravovoj kvalifikacii Internet — televeshchaniya v Rossijskoj Federacii // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. 2011. No 11(14). S. 578–584.
10. Suleimanov E.E., Shul'ga A.K. Publichnyj pokaz i publichnoe ispolnenie kak sposoby ispol'zovaniya isklyuchitel'nogo prava na audiovizual'noe proizvedenie // Epomen. 2021. No 57. S. 351–358.
11. Artem'eva E.A. Pravovoe regulirovanie igrovogo strimingu po rossijskomu zakonodatel'stu // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2021. No 3(33). S. 112–123.

12. Zalyalov D.A. Granicy pravomernoj i nepravomernoj translyacii videoigr // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. T. 19. No 6. S. 62–70. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070.
13. Tyupich D.D. Pravovaya priroda strimminga videoigry s tochki zreniya rossijskogo zakonodatel'stva // Alleya nauki. 2023. T. 1. No 6 (81). S. 1012–1023.
14. Churilov A.Yu. Nekotorye voprosy pravovogo rezhima i ohrany translyaciij komp'yuternyh igr // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2020. T. 17. No 1. S. 43–50.
15. Pashchenko I.Yu. Avtorskie prava i pol'zovatel'skij strim: narusheniya v pryamom efire // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sb. mat. VIII Mezhdunar. yurid. foruma (IP Forum). M.: MGYUA, 2020. S. 350–354.
16. Vartanov A.S. Zashchita avtorskih prav na format onlajn-shou // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. T. 49. No 2. S. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719.
17. Dejneko A.G. Antipiratskij zakon — evolyuciya, ili revolyuciya? // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2014. T. 16. — № 1. — S. 115–131.
18. Semenov E.E. Strimingovye tekhnologii v nablyudatel'nom processe za vyborami: novye gorizonty politicheskoj publichnosti // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2022. No 4 (26). S. 91–99.
19. Rahmanova E.N., Berestova A.N., Cvetkov P.V. Tresh-strim — forma setevoj agresii: ugolovno-pravovoj analiz // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. No 1 (97). S. 137–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
20. Petryanina O.A., Sulejmanov S.T. Konstitucionnye i ugolovno-pravovye voprosy differenciacii otvetstvennosti za kriminal'noe ispol'zovanie telekommunikacionnyh setej, vklyuchaya set' Internet: teoriya, tekhnika, praktika // Vestnik RUK. 2019. No 2 (36). S. 145–148.
21. Reshetnikova G.A. Propaganda protivopravnogo i amoral'nogo antiobshchestvennogo povedeniya, kak prestuplenie protiv obshchestvennoj nравственности // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. No 3 (42). S. 54–59. DOI: 10.47475/2311-696H-2024-42-3-54-59.
22. Mil'china D.V. Eticheskie i pravovye aspekty onlajn-translyacij // Uspekhi gumanitarnyh nauk. 2020. No 10. S. 255–261.
23. Informacionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov [i dr.]; pod redakciei M.A. Fedotova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2025.

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ELECTRONIC DEMOCRACY: EVOLUTION OF PEOPLE'S POWER IN THE DIGITAL AGE

Альбина Славовна ЛОЛАЕВА

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия,
mirag.8184@yandex.ru,
ORCID:0000-0002-9021-7531

Информация об авторе

А.С. Лолаева — доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассмотрены современные вызовы и возможности, связанные с внедрением электронно-цифровых технологий в социально-политическую сферу, особенно в контексте формирования электронной демократии. Проанализированы изменения формата взаимодействия между государством, обществом и гражданами, подчеркивается, что технологические инновации способствуют не только повышению прозрачности и доступности государственного управления, но и изменению механизмов народовластия. Особое внимание уделяется рискам цифровизации, таким как угроза безопасности данных и потенциальные угрозы конфиденциальности граждан. Акцентируется внимание на необходимости обеспечения эффективного и безопасного функционирования электронной демократии как важного элемента постиндустриального общества.

Ключевые слова: электронная демократия, традиционная демократия, народовластие, цифровизация, электронные технологии, информация, информационное общество, сетевое государство, права граждан

Для цитирования: Лолаева А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 19–29; DOI: 10.17323/tis.2025.24875

Albina S. LOLAEVA

• Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia,
• mirag.8184@yandex.ru,
• ORCID:0000-0002-9021-7531

• [Information about the author](#)

• A.S. Lolaeva — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Associate Professor

• **Abstract.** The article considers the current challenges and opportunities associated with the introduction of electronic and digital technologies in the socio-political sphere, especially in the context of the formation of e-democracy. The article analyzes the changes in the format of interaction between the state, society and citizens, emphasizing that technological innovations contribute not only to increasing the transparency and accessibility of public administration, but also to changing the mechanisms of people's power. Particular attention is paid to the risks of digitalization, such as threats to data security and potential threats to citizens' privacy. The article emphasizes the need to ensure the effective and secure functioning of e-democracy as an important element of post-industrial society.

• **Keywords:** e-democracy, traditional democracy, people's power, digitalization, electronic technologies, information, information society, network state, citizens' rights

For citation: Lolaeva A.S. Electronic Democracy:

• Evolution of People's Power in the Digital Age // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 19–29; DOI: 10.17323/tis.2025.24875

•

Электронно-цифровые технологии в последние десятилетия коренным образом изменили представление о современном мироустройстве. Они затрагивают все сферы жизни — от экономики и образования до медицины и культуры — и создают новые возможности, а также ставят серьезные вызовы. Формируется информационное общество, где знания и информация становятся основным ресурсом. Параллельно возникает концепция сетевого государства, предлагающая более тесное взаимодействие между гражданами и государством. В отличие от традиционной иерархической структуры, новые модели управления более гибкие и децентрализованные. Общество переходит от технологической формации (индустриальной) к информационной (постиндустриальной), где главенствующую роль играют информация, данные и цифровые коммуникации, меняющие повседневную жизнь общества и способы взаимодействия.

Одним из самых значительных проявлений воздействия цифровых технологий на современную жизнь стало изменение формата взаимодействия между государством, обществом и гражданами. Появление электронных сервисов, цифровых платформ и мобильных приложений позволило значительно упростить доступ к государственным услугам, сократить время на их получение и повысить прозрачность административных процессов.

Усиленная информатизация общественных отношений в их разнообразном выражении нашла отражение в новой редакции Конституции РФ, которая к ведению Российской Федерации впервые отнесла «информационные технологии» (п. «и» ст. 71).

Традиционные демократические институты сопровождаются активным внедрением в публично-правовое пространство электронной демократии, представляющей собой «прямое волеизъявление граждан с использованием современных информационно-коммуникационных технологий для коллективных мыслительных процессов» [1, с. 10].

Россия не избежала последствий тотальной цифровизации в сферах государственного управления, бизнеса, безопасности. По словам Ю.И. Скуратова, общемировой процесс вторжения в общественную

жизнь информационно-коммуникативных систем в полной мере распространяется на Российскую Федерацию. Все это создает теоретические и практические предпосылки для широкого распространения новых информационных технологий и ресурсов в сфере управлеченческих процессов и принятия политических решений [2, с. 172-173].

Растущая цифровизация информационного пространства изменяет политico-правовую среду и механизмы народовластия. Важным инструментом в этом процессе становится электронная демократия, использующая цифровые платформы для диалога между гражданами и государством. Современные технологии делают их взаимодействие более оперативным и доступным, что способствует улучшению коммуникации. Например, онлайн-петиции и электронные выборы позволяют гражданам активно участвовать в политической жизни страны, получать информацию и выражать свое мнение.

Цифровизация создает иную реальность, в которой демократические ценности получают новое дыхание. Современные политические и правовые явления претерпевают значительные изменения, переходя к новой научно-технологической модели, основанной на цифровых логистических системах и сетевом принципе. С.А. Авакян отмечает, что «электронно-цифровые технологии меняют окружающий мир, ставят новые задачи перед государством, обществом, гражданам и их объединениями» [3, с. 23].

Создание информационного общества стало возможным благодаря технологической революции, произошедшей на рубеже последних столетий, возникновению технологий, созданных на основе передовых знаний, нано- и биотехнологий, оптических технологий, искусственного интеллекта.

Глобальная информатизация кардинально меняет структуру публичной власти, переходя к сетевому режиму, где она сосредоточена на управлении коммуникационными процессами. В этом новом контексте программисты и IT-специалисты приобретают статус ключевых игроков, поскольку именно они формируют и контролируют информационные сети. Информационная власть становится определяемой не столько политическими фигурами, сколько теми, кто

умеет создавать и программировать эти сети. Таким образом, управление общественными процессами все больше зависит от технологической инфраструктуры и возможностей обработки данных. Следовательно, способность определять правила переходит к тем, кто может влиять на информационные потоки, что вызывает необходимость пересмотра традиционных представлений о власти и ее источниках. В этом смысле программисты определяют контент и формат цифровых коммуникаций.

Сказанное не противоречит концептуальным характеристикам публичной власти как социально-политического явления, основанного на существовании в обществе доминирующих элит, властвующих и подвластных. Сущность власти остается неизменной, меняются лишь механизмы ее осуществления, привязанные к историческому и культурному контекстам. В сетевом обществе в основе власти лежит собственность на средства коммуникации, в отличие от власти в обществе классовом или индустриальном, в основе которой — собственность на средства производства.

Содержание сетевого менеджмента коммуникационных сетей, осуществляемого программистами, в итоге определяется владельцами глобальных сетей, прежде всего государственными структурами, которым и принадлежит первичная и решающая власть в сетевом сообществе. За модераторами сетевых коммуникаций всегда стоят властные элиты. Это группы, приобщенные к власти, диктующие свою волю и реализующие в сетях свои корпоративные интересы. Владельцы глобальных мультимедийных корпоративных сетей программируют решающую сеть — метасеть коммуникационных сетей, формирующую общественное мнение, стереотипы поведенческой деятельности. Владельцы глобальных мультимедийных сетей, входящие во власть, становятся программистами политических решений, держателями публичной власти, определяющими политическую стратегию развития.

Сетевые коммуникации трансформируют устоявшуюся природу принуждения как основополагающего элемента властвования. В информационном обществе суть власти заключается не в принуждении, а в умении формировать общественное мнение с помощью инструментов идеологического воздействия. М. Кастельс отмечает, что «в сетевом обществе власть осуществляется преимущественно путем конструирования смыслов в человеческом сознании в ходе коммуникационных процессов, происходящих в глобальных и локальных мультимедийных сетях массовой коммуникации, включая массовую самокоммуникацию» [4, с. 496].

Соблюдение правил пользования сетями осуществляется через исключение нарушителей из коммуни-

кационной сети. Такое исключение служит не только наказанием, но и формой юридической ответственности, имеющей восстановительный характер. Таким образом обозначается важность соблюдения норм, чтобы обеспечить высокое качество общения и взаимодействия пользователей. Воссоединение с сетью после исключения позволяет нарушителям осознать свои ошибки и изменить поведение.

Электронная демократия «вырастает из информационного общества, являясь одной из его базовых основ, продуктом цифровизации (диджитализации, от англ. *digital* — цифровой) публично-правового пространства. В этом смысле электронную демократию позволительно именовать постиндустриальной демократией. Довольно сложно вообразить, как может развиваться современная демократия без учета технологических новшеств и открытого информационного пространства» [5, с. 39].

Электронная демократия имеет технологические пределы, которые отделяют ее от других форм электронного взаимодействия государства, общества и человека. Важно понимать, что электронная демократия не включает в себя аспекты электронного правительства, такие, например, как предоставление электронных услуг. Данные услуги, хоть и способствуют удобству граждан, не являются частью демократических процессов. По этой причине важно различать такие понятия и не путать их, чтобы правильно оценить роль технологий в демократии.

Электронная демократия представляет собой не просто новейшую форму взаимодействия между государством и гражданами, она является важным аспектом развития народовластия. Основной ее целью является активное вовлечение граждан в процессы принятия решений. Цифровые технологии и интернет-платформы служат эффективными инструментами для реализации этого принципа. В первую очередь электронная демократия — это «электронное представление демократических процессов» [6, с. 29].

Как отмечает М.Н. Грачев, «электронная демократия — это основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [7, с. 93].

По мнению Я.В. Антонова, «электронная демократия в самом общем виде определяется как осуществление власти народа в электронной форме либо же еще проще — как традиционная демократия, воплощенная в электронной форме» [8, с. 119].

Н.В. Лаврик пишет: «Электронная демократия представляет собой демократию, основанную на непосредственном изъявлении воли каждого гражданина с помощью широкого применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» [9, с. 80].

Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. содержит своего рода официальное определение электронной демократии, под которой понимается такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами¹. Данное определение в настоящее время представляется чрезмерно узким, так как не учитывает организационно-правовые механизмы участия граждан в публично-властных процессах.

Электронная демократия имеет значительные преимущества по сравнению с традиционной демократией, что делает ее более востребованной в условиях информационного общества. Используя современные технологии, электронная демократия не только активизирует гражданское участие, но и повышает ответственность властей перед обществом. Механизмы электронной демократии способствуют большей активности и вовлеченности граждан, формируют прозрачность и ответственность в принятии решений и в итоге способствуют развитию демократии в нашем обществе.

Президент РФ В.В. Путин в этой связи отмечает: «Современные технологии, построенные в “цифре”, позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на инициативы, на обращения, реагировать соответствующими образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни» [10, с. 54].

Электронная демократия создает условия для большей доступности и прозрачности процесса принятия решений, что ведет к развитию более открытого и ответственного общества. Она осуществляется в рамках виртуального пространства, где «не накладываются какие-либо существенные цензурные ограничения на свободу высказывания своего мнения, а наоборот, в нем формируются условия для оглашения различных подходов и точек зрения, что создает условия для появления единой точки соприкоснове-

ния власти и гражданина в целях улучшения жизни общества» [11, с. 1278].

Электронная демократия в России расширяет механизмы участия граждан в публично-властной деятельности и развитии государства. Она предоставляет гражданам новые инструменты для выражения своего мнения и активного участия в решении общественных вопросов. Поэтому внедрение электронной демократии должно стать приоритетной задачей для Российского государства в стремлении к развитию открытого и прозрачного общества.

Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам — участникам Совета Европы по электронной демократии 2009 г. указывают, что «ИКТ способствуют достижению целей эффективного руководства, таких как прозрачность, подотчетность, ответственность, вовлеченность, делиберативность, инклюзивность, доступность, субсидиарность, доверие к демократии, демократическим институтам и демократическим процессам, а также социальное сплочение»².

Дж.П. Барлоу акцентирует внимание на значимости свободы информации и индивидуальных прав в эпоху бурного развития технологий и интернета и отмечает, что «виртуальное пространство интернета является основой качественно иного общества, в котором восторжествует действительная свобода и прямая демократия» [12].

Интернет открывает новые горизонты, благодаря чему «воплощается основная идея либертиаризма — организация государства, осуществляемая через различные формы деконцентрации публичной власти» [13, с. 39].

Электронная демократия, безусловно, обладает множеством преимуществ, однако ей сопутствуют и серьезные недостатки. Информатизация создает риски для личной и государственной безопасности, включая угрозу несанкционированного доступа к персональным данным граждан. Это может привести к нарушению приватности и злоупотреблениям. Кроме того, возможны компьютерные атаки на государственные ресурсы, что ставит под угрозу безопасность всей информационной инфраструктуры. Практика свидетельствует о возрастании масштабов компьютерной преступности, преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, обработки персональных данных с использованием информационных технологий.

¹ URL: <https://www.vesti.ru/article/1995879> (дата обращения: 01.12.2024).

² URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31250951 (дата обращения: 01.12.024).

Этими реальными угрозами вызвана конституционная поправка от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, согласно которой к ведению Российской Федерации впервые отнесено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). Речь идет об информационной безопасности как «правовом режиме защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [14]. При этом «возможности электронных технологий могут быть использованы не только в интересах парламентарных отношений в управлении, но и, наоборот, для упрочения могущества власти, ее контроля над населением» [15, с. 98].

Несмотря на потенциал новых информационно-коммуникационных технологий, их использование в интересах развития демократии и укрепления прав граждан до сих пор остается вызовом. Обеспечение доступа к интернету, защита персональных данных и борьба с дезинформацией — вот часть из важных задач, которые стоят перед обществом и государством. Важно развивать информационные технологии таким образом, чтобы они служили интересам демократии, свободы и справедливости, а не использовались для ограничения и подавления прав граждан [16, с. 7].

Генеральная Ассамблея ООН в резолюции «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» подтвердила, что «те же права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны защищаться и онлайн, особенно право на неприкосновенность личной жизни»³. Осуществление политики продвижения электронной демократии в правовую сферу должно оцениваться с учетом политического режима, зрелости гражданского общества и уровня политической и правовой грамотности населения. Российская Федерация остается страной развивающейся демократии, пределы которой весьма относительны. Немедленная и глобальная цифровизация общественно-политического пространства способна деформировать право на равный доступ к интернету, относимое к поколению цифровых конституционных прав, ввиду разной степени электронной оснащенности населения России.

³ URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (дата обращения: 01.12.2024).

В итоге электронная (цифровая) демократия также подвержена рискам технологических сбоев, которые могут остановить работу цифровых сетей и помешать процессам волеизъявления.

Электронная демократия представляет собой прогрессивный подход к управлению, который отличает ее от традиционной демократии. Основной ее задачей является улучшение представительства общественных интересов на всех этапах государственной деятельности. В отличие от традиционных демократических процессов, которые могут быть затруднены бюрократией и недостатком информации, электронная демократия позволяет гражданам активно участвовать в политической жизни через цифровые платформы и технологии.

Одним из ключевых преимуществ электронного участия является возможность взаимодействия с государственными органами в режиме реального времени. Это не только способствует повышению прозрачности власти, но и позволяет гражданам легче контролировать действия своих избранников. Благодаря этому возрастают уровень подотчетности и доверия к институтам власти, что особенно актуально в условиях, когда коррупция остается одной из основных проблем.

Электронная демократия также способствует снижению бюрократических барьеров. Упрощение административных процедур делает процесс более доступным и понятным для широких масс. Внедрение новых институтов, таких как электронный парламент и электронное правительство, меняет традиционные иерархические структуры управления, превращая их в более равноправные и инклюзивные.

В научных кругах высказывается мнение, что электронная демократия не обладает самостоятельным организационно-правовым статусом и представляет собой лишь инструментальное проявление традиционной демократии. Так, М.Г. Тирских утверждает, что «электронная демократия не должна и не может восприниматься как самостоятельная, новая форма демократии. Она не занимает самостоятельную позицию в дилемме “прямой демократии” и “представительной демократии”, сконструированной по принципу непосредственного или опосредованного участия народа в управлении государством. Она лишь может рассматриваться как форма реализации и прямой и представительной демократии. В таком случае электронная демократия должна рассматриваться в качестве института современных технологий демократического процесса властевования» [17, с. 255]. Утверждается, что «термин «электронная демократия» не может претендовать на место в понятийном ряду науки конституционного права» [18, с. 27].

Подобная точка зрения «с позиций современных демократических реалий не выглядит убедительной. С позиций современного состояния народовластия, тенденций и потребностей демократического преобразования России электронную демократию следует рассматривать не в качестве технологического приложения к традиционной демократии, имеющего сугубо прикладную, субсидиарную ценность, но как органическую, инновационную модель демократии, отвечающую запросам информационного общества» [5, с. 42]. Невозможно согласиться с тем, что электронная демократия — «это оболочка, применяемая при реализации форм прямой демократии» [19, с. 206].

Продолжительность существования электронной демократии, датируемой концом предыдущего столетия, а также масштабы ее применения в публичной практике властования стирают предметные различия между демократией традиционной и электронной, превращая само понятие «традиционная демократия» в условное, не имеющее нормативного подтверждения.

С позиций институциональной самостоятельности электронной демократии следует оценивать перспективы ее развития в соотношении с демократией традиционного типа. Исходя из диалектики демократического процесса в России, усиленной цифровизации политico-правового пространства, можно предположить, что информационные технологии станут основным инструментом участия граждан в политической жизни страны. Голосование, обсуждение законопроектов и принятие решений будут осуществляться через специальные платформы и приложения. Это позволит увеличить прозрачность и открытость политических процессов, а также обеспечит широкую доступность голосования для всех граждан, в том числе для тех, кто не имеет возможности физически присутствовать на выборах. Кроме того, электронная демократия повысит ответственность политических деятелей перед народом. Вместе с тем будут усилены защита персональных данных и кибербезопасность, чтобы предотвратить возможные злоупотребления и манипуляции.

Однако механизмы электронной демократии не заменяют другие существующие процедуры, которые предусматривают участие граждан в управлении делами государства. Так, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, сказано о «развитии технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов и местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия

граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий» [20].

В экстремальных ситуациях, например в условиях пандемии, минимизирующей личностные контакты, электронная демократия в виде электронного голосования становится практически единственным реальным инструментальным каналом народного волеизъявления. В условиях пандемии коронавирусной инфекции было замечено, что страна в значительной степени перешла к дистанционным контактам, перенося их в онлайн-среду интернета [21, с. 43].

Отмечу, что цифровизация избирательного процесса в России началась еще в 1995 г. с внедрения ГАС «Выборы», что стало важным шагом к более эффективному учету голосов и прозрачности выборного процесса. Постепенно внедрялись новые технологии: в 1996 г. начали использовать комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ); в 2017 г. — технологии QR-кодирования протоколов; в 2019-м — цифровые избирательные участки. Современный этап характеризуется активным внедрением дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которое стало неотъемлемой частью политического процесса. Исследователи выделяют следующую шестиэтапную эволюцию электронного голосования в России: экспериментальное электронное голосование на избирательных участках в субъектах Российской Федерации, не имеющее юридически обязательного значения; электронное голосование на избирательных участках в субъектах Российской Федерации с юридически обязательным значением; электронное голосование на избирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением; экспериментальное ДЭГ в субъектах Российской Федерации, не имеющее юридически обязательного значения; ДЭГ в субъектах Российской Федерации с юридически обязательным значением; ДЭГ на федеральных выборах с юридически обязательным значением.

Согласно постановлению ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», ДЭГ представляет собой голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования (далее — ПТК ДЭГ), доступ к которому избирателю, участнику референдума предоставляется на специальном портале в сети Интернет (vybory.gov.ru), в том числе с использованием специального мобильного приложения.

В настоящее время правовая основа ДЭГ включает в себя следующие нормативно-правовые акты: п. 17 ст. 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; ст. 69 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; ч. 19 ст. 81 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем»; постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/715-8 «О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования». Данные нормативные правовые акты регулируют порядок подготовки и проведения ДЭГ с использованием федеральных государственных информационных систем на выборах в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы публичной власти федеральной территории, органы местного самоуправления, на референдуме субъекта Российской Федерации, на местном референдуме.

Пандемия способствовала также модернизации парламентской деятельности в области применения информационных технологий по всему миру. Согласно Шестому международному докладу об электронном парламенте 2020 г., основанному на информации, полученной от 116 палат парламентов из 91 страны и фокус-группы, состоявшей из 49 членов парламентов, 69% представительных органов отметили, что их аппарат может работать удаленно, а 55% — что депутаты могут работать в дистанционном режиме. К концу 2020 г. 65% парламентов проводили заседания своих комитетов и 33% — пленарные заседания в удаленном режиме⁴. Таким образом, «представительные учреждения стали оперативно внедрять в свою деятельность те режимы работы, которые они ранее применяли не планировали или планировали применять в отдаленной перспективе» [22, с. 27].

Продвижение электронной демократии в механизмах выборов и референдума на сегодняшний день сдерживается наличием избирателей, предпочитающего традиционные способы волеизъявления, не имеющего доступа к интернету или не владеющего компьютерными технологиями, численность которо-

⁴ World e-Parliament Report 2020. — URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2021-07/world-e-parliament-report-2020> (дата обращения 11.12.2024).

го неуклонно снижается. Но можно предположить, что со временем такие институты непосредственной демократии, как консультативный референдум и общественное обсуждение нормативно-правовых проектов со временем целиком перейдут на цифровой формат.

Зарубежный опыт, особенно стран Латинской Америки, представляет собой богатый и разнообразный источник примеров, которые могут служить целями уроками для России. Латинская Америка, обладая уникальной историей, культурой и экономическими условиями, демонстрирует различные подходы к решению социальных, экономических и политических проблем. Использование информационных технологий рассматривается здесь как одно из основных направлений демократизации. В частности, «применяются такие инструменты, как формирование политики и законодательства на краудсорсинговой основе, совместное администрирование, создание специальных платформ для выработки политики в определенных сферах, цифровые кампании (в том числе хакатоны⁵), виртуальный контроль» [23, с. 144].

При этом уровень распространения интернета в этом регионе относительно низкий. По данным «Латинобарометра», в 2015 г. только 42% жителей латиноамериканских стран пользовались социальными сетями, с 2010 по 2015 г. число пользователей Facebook⁶ увеличилось с 19 до 42%, YouTube — с 13 до 26%. Статистика по отдельным государствам варьируется довольно существенно: Аргентина, Эквадор — 59%, Чили — 56%, Коста-Рика — 54%, Уругвай, Колумбия, Бразилия — 51%, Венесуэла — 50%, Панама и Перу — 46%, Парагвай — 42%, Доминиканская Республика — 38%, Мексика — 34%, Боливия — 33%, Эль-Сальвадор и Гватемала — 30%, Гондурас — 28%, Никарагуа — 25% [24]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в Латинской Америке велико число тех, кто никогда не пользовался интернетом: латиноамериканские страны — 46%, Гондурас — 78%, Никарагуа — 70%, Гватемала и Сальвадор — 65%, Доминиканская Республика — 57%, Боливия — 56%, Парагвай — 53%, Колумбия — 47%, Перу — 45%, Панама — 44%, Венесуэла — 42%, Чили — 42%, Уругвай, Коста-Рика и Аргентина — 38%, Бразилия — 37%, Эквадор — 34%.

⁵ Партиципативные мероприятия, в рамках которых граждане сотрудничают в целях выявления проблем, сбора информации, оценки рисков и поиска решений в течение установленного времени.

⁶ Социальная сеть Facebook принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской и запрещена судом.

При этом связь между распространением интернета и демократическими инновациями становится все более очевидной. Доступ к сети предоставляет гражданам платформу для получения и распространения информации, что критически важно для функционирования демократических систем. Это способствует не только повышению осведомленности, но и активному участию граждан в политической жизни.

Как результат усиливается общественный контроль за действиями властей. Таким образом, интернет становится не просто средством общения, но и мощным инструментом для реализации демократических принципов, формируя более открытое общество. Как отмечается в [25, с. 23], «сосредоточение внимания на взаимосвязи между введением новых информационных технологий и развитием структур гражданского общества привело к пониманию роли интернета в формировании новых институтов демократии».

В то же время говорить о полном отмирании традиционной демократии, в частности, в России, не приходится. Электронная демократия имеет свои технологические пределы, ограничивающие ее распространение. Интерактивные технологии используются преимущественно в сферах непосредственного народовластия, что касается представительной системы, здесь цифровизация ограничивается преимущественно электронным способом волеизъявления и его удостоверения при решении вопросов процессуального порядка, который является не столько электронным, сколько автоматизированным, требующим непосредственного личного участия. Электронная демократия, как замечает Я.В. Антонов, не вправе заменять традиционные демократические институты, она может способствовать их модернизации, актуализации, может и должна предлагать новые формы осуществления народом своей власти [26, с. 102].

Следует обозначить, что за последние 15 лет деятельность политической оппозиции в нашей стране также претерпела значительные изменения благодаря широкому использованию цифровых технологий. Эти технологии стали основным инструментом взаимодействия с населением, позволяя оппозиционным движениям намного быстрее и эффективнее доносить свои идеи и мнения до широкой аудитории.

Одной из ключевых стратегий стало создание «вирусного» контента, который активно распространяется в социальных сетях. Этот контент не всегда отличается достоверностью; зачастую он включает в себя элементы дезинформации и манипуляции. Тем не менее оппозиция успешно использует такие материалы для привлечения внимания и усиления воздействия на общественное мнение. Показатели просмотров, лай-

ков и репостов становятся индикаторами успешности деятельности, подтверждая реноме оппозиционеров как активных участников политического процесса.

Также нельзя игнорировать новые формы протестной активности, которые приобрели популярность в цифровом пространстве. Социальные сети стали платформой для организации различных флешмобов, которые поддерживают актуальные политические и социальные повестки. Такие акции позволяют быстро мобилизовать людей и демонстрировать общественный протест в отношении действующей власти или ее решений. Через них оппозиция показывает свою активность и готовность к действиям, даже если они происходят в виртуальной среде.

Несмотря на сказанное, электронная демократия не является антиподом демократии традиционной, совпадает с ней в своих целевых и аксиологических показателях, но отличается техническим инструментарием. Электронная и традиционная демократия на равных условиях соответствуют общим требованиям демократического процесса. Они не конкурируют друг с другом. Этот факт иллюстрируется регламентом «Российской общественной инициативы», который полностью основан на использовании электронных технологий.

Согласно Указу Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”», электронная общественная инициатива отклоняется (не подлежит размещению на соответствующем портале), если она противоречит ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», содержащей вопросы, не подлежащие вынесению на всероссийский референдум, а именно: «об изменении статуса субъекта (субъектов) Российской Федерации, закрепленного Конституцией РФ; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также о проведении досрочных выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ либо о перенесении сроков проведения таких выборов; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации; о персональном составе федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; об избрании, о досрочном прекращении, приостановлении или продлении срока полномочий органов, образованных в соответствии

с международным договором Российской Федерации, либо должностных лиц, избираемых или назначаемых на должность в соответствии с международным договором Российской Федерации, а также о создании таких органов либо назначении на должность таких лиц, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации; о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения».

Данный запрет связывает электронную демократию материальными требованиями традиционной (референдумной) демократии, хотя эти формы демократии ведут к различным правовым последствиям.

Развитие электронной демократии в России не является прямолинейным. В науке, например, обращается внимание на «падение интереса к институту российской общественной инициативы, снижение в последнее время количества заявляемых электронным образом общественных инициатив» [27, с. 57]. Но причина видится не в самой идее электронной демократии, а в ее инструментальном выражении, не всегда адекватном ее концептуальным началам. Так, согласно Правилам рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», утвержденным Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”», общественными инициативами называют предложения граждан Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, направленные с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», что искусственно сужает предмет российской общественной инициативы как своего рода электронной петиции, исключающий вопросы политической направленности, что заметно оказывается на востребованности этого института непосредственной демократии.

Сказанное не умаляет преимуществ электронной демократии, а только подчеркивает ее важность и актуальность в современном обществе. Она является инструментом, который обеспечивает активное участие граждан, прозрачность процессов и презентативность принимаемых решений. Электронная демократия — это путь к развитию и совершенствованию демократического общества в России. При этом следует провести более точную настройку правовых механизмов, чтобы обеспечить полноту и гибкость выражения народной воли и сочетание с традиционной демократией. Электронная демократия должна быть

эффективным и справедливым инструментом, который учитывает интересы всех слоев населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 2–8.
2. Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма России и современные проблемы конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2020. 416 с.
3. Авакян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–32.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: пер. с англ. М.: Высшая школа экономики, 2016. 564 с.
5. Лолаева А.С. Электронная демократия в России: юридическая форма и доктринальная интерпретация // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4. С. 37–47.
6. Амелин Р.В., Чаннов Р.В. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 27–31.
7. Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М.: АЛКИГАММА, 2004. 128 с.
8. Антонов Я.В. Конституционно-правовые основы электронной демократии в России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 1 (23). С. 117–125.
9. Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник Байкальского государственного университета. 2014. № 12. С. 74–82.
10. Из выступления В.В. Путина на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления (Московская область, г. Красногорск, 30 января 2020 г.) // Местное право. 2020. № 4. С. 54.
11. Пашинская В.В. Формирование электронной демократии в Российской Федерации [Текст] // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 1278.
12. Barlou Dzh.P. Deklaratsiya nezavisimosti Kiberprostranstv (The Declaration of Cyberspace Independence). — URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm> (дата обращения: 02.12.2024).
13. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Цифровые технологии и деконцентрация государственной

- власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 36–40.
14. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество" // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). ст. 2159.
 15. Никулина Ю.В. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе Digital democracy and t-participation in the information society // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. № 15. С. 97–104.
 16. Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017. Р. 3–14.
 17. Тирских М.Г. Пределы электронной демократии: правовые аспекты // Вопросы становления электронной демократии в России: сб. статей. Барнаул, 2016. С. 255–258.
 18. Трушалова Т.О. Российская модель дистанционного электронного голосования в контексте зарубежной избирательной практики // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 25–33.
 19. Масловская Т.С. Электронные формы участия граждан в осуществлении власти: опыт зарубежных стран // Вопросы становления электронной демократии в России: сб. статей. Барнаул, 2019. С. 49–54.
 20. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 12.12.2024).
 21. Мазуровский К.С. Реализация избирательных прав: современные тенденции // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 42–47.
 22. Васильева Т.А. Виртуализация парламентской деятельности в условиях пандемии COVID-19 // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 4–9 октября 2021 г. Вып. 7. Ч. 2. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2022. С. 25–32.
 23. Васильева Т.А. Информационные технологии как инструмент демократизации парламентской деятельности: латиноамериканская практика // Государство и право. 2023. № 8. С. 142–153.
 24. Latinobarómetro. Opinión Pública Latinoamericana. Informe 1995–2015. Santiago de Chile. Р. 105, 106 //
 - Latinobaró-metro. Informes Anuales. — URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 11.12.2024).
 25. Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 21–26.
 26. Антонов Я.В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101–113.
 27. Безруков А.В., Савоськин А.В. Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 56–60.

REFERENCES

1. Dziidzoev R.M. Institut federal'nykh territorii v Rossiyskoy Federatsii (na primere federal'noy territorii "Sirius") // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. No 2. P. 2–8.
2. Skuratov Yu.I. Evraziyskaya paradigma Rossii i sovremenennye problemy konstitutsionno-pravovogo razvitiya. M., 2020. 416 p.
3. Avak'yan S.A. Informatsionnoe prostranstvo znanii, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe parvo // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2019. No 7. P. 23–32.
4. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. M., 2016. 564 p.
5. Lolaeva A.S. Elektronnaya demokratia v Rossii: yuridicheskaya forma i doktrinal'naya interpretatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2023. T. 27. No 4. P. 37–47.
6. Amelin R.V., Channov R.V. Pryamaya elektronnaya demokratiya v Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnosti i perspektivy // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2017. No 1. P. 27–31.
7. Grachev M.N., Madatov A.S. Demokratia: metodologiya issledovaniya, analiz perspektiv. M., 2004. 128 p.
8. Antonov Ya.V. Konstitutsionno-pravovyye osnovy elektronnoy demokratii v Rossii // Nauchniye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhGiS. 2016. T. 7. No 1 (23). P. 117–125.
9. Lavrik N.V. Elektronnaya demokratiya: teoreticheskie osnovy issledovaniya // Vestnik Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No 12. P. 74–82.
10. Iz vystupleniya V.V. Putina na zasedanii Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya (Moskva, g. Krasnogorsk, 30 yanvarya 2020 g.) // Mestnoe pravo. 2020. No 4. P. 54.

11. Pashinskaya V.V. Formirovaniye elektronnoy demokratii v Rossiyiskoy Federatsii // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. No 11. P. 1278.
12. Barlow Dzh.P. Deklaratsiya nezavisimosti Kiberprostranstv (The Declaration of Cyberspace Independence). — URL: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm> (date of address: 02.12.2024).
13. Romanovskaya O.V., Romanovskiy G.B. Tsifrovye tekhnologii i dekonsentratsiya gosudarstvennoy vlasti // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2019. No 8. P. 36–40.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red. ot 25.12.2024) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo"" // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2014. No 18 (ch. II). St. 2159.
15. Nikulina Yu.V. Tsifrovaya demokratiya i elektronnoye uchastie v informatsionnom obshchestve [Digital democracy and e-participation in the information society] // Nauchniye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. 2016. No 15. P. 97–104.
16. Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017. P. 3–14.
17. Tirkikh M.G. Predely elektronnoy demokratii: pravovye aspekty // Voprosy stanovleniya elektronnoy demokratii v Rossii: sb. st. Barnaul, 2016. P. 255–258.
18. Trushalova T.O. Rossiyskaya model' distantsionnogo elektronnogo golosovaniya v kontekste zarubezhnoy izbiratel'noy praktiki // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 5. P. 25–33.
19. Maslovskaya T.S. Elektronnye formy uchastiya grazhdan v osushchestvlenii vlasti: opyt zarubezhnykh stran // Voprosy stanovleniya elektronnoy demokratii v Rossii: sb. st. Barnaul, 2019. S. 49–54.
20. Uказ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы". — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (data obrashcheniya: 12.12.2024).
21. Mazurovskiy K.S. Realizatsiya izbiratel'nykh prav: sovremennye tendentsii // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 7. P. 42–47.
22. Vasilyeva T.A. Virtualizatsiya parlamentskoy deyatelnosti v usloviyakh pandemii COVID-19 // Uralskiy Forum konstitutsionalistov: materialy sed'mogo Uralskogo Foruma konstitutsionalistov, Ekaterinburg, 4–9 oktyabrya 2021 g. Vyp. 7. Ch.2. Ekaterinburg: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhetnoe obrazovatelnoye uchrezhdeniye vyshego obrazovaniya "Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet". 2022. P. 25–32.
23. Vasilyeva T.A. Informatsionnye tekhnologii kak instrument demokratizatsii parlamentarnoi deyatel'nosti: latinoamerikanskaya praktika // Gosudarstvo i pravo. 2023. No 8. P. 142–153.
24. Latinobarómetro. Opinión Pública Latinoamericana. Informe 1995–2015. Santiago de Chile. P. 105, 106 // Latinobarómetro. Informes Anuales. — URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (data obrashcheniya: 11.12.2024).
25. Il'icheva L.E., Pirogov N.S. Mekhanizmy elektronnoi demokratii v sovremennoi Rossii: usloviya formirovaniya i tendentsii razvitiya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2022. T. 12, No 2. P. 21–26.
26. Antonov Ya.V. Elektronnaya demokratiya i elektronnoye golosovaniye: konstitutsionno-pravovoye izmerenie // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. No 5. P. 101–113.
27. Bezrukov A.V., Savoskin A.V. Rossiyskaya obshchestvennaya initiativa kak raznovidnost' obratshcheniy grazhdan i faktor ukrepleniya konstitutsionnogo pravoporyadka // Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo. 2022. No 6. P. 56–60.

К ПРОБЛЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАНАСИЛИЯ: ПОНЯТИЕ И МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ

ON THE PROBLEM OF NORMATIVE REGULATION OF MEDIA VIOLENCE: THE CONCEPT AND MODELS OF COMPREHENSION

Светлана Каймовна ШАЙХИТДИНОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
Svet1206@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8751-3911

Информация об авторе

С.К. Шайхитдинова — профессор кафедры национальных и глобальных медиа, доктор философских наук, профессор

Аннотация. Осмыслена проблема неэффективности нормативного регулирования проявлений медианасилия. Это обусловлено рядом причин. Первая связана с тем, что медианасилие в силу своей многогранности, сложносоставности не может быть определено строгим понятием. Данное обстоятельство, по мысли автора, не должно останавливать законодателя и общественность, поскольку реальная угроза ментальному здоровью граждан со стороны медиа существует.

Вторая причина связана с тем, что в общественном сознании, с точки зрения автора, доминируют классическая объективистско-реалистская модель трактовки реальности. Ее установка на натурализм, эссециалистский подход не позволяют в полной мере оценить риски, вызываемые новоявленными феноменами цифровой реальности. Автор встает на сторону исследователей, которые ратуют за освоение ценностей неклассической гносеологической модели социальной реальности, ориентированной на культурные контексты и интерпретационный подход.

Ключевые слова: медианасилие, нормативное регулирование, гносеологические модели, правовая реальность

- Для цитирования: Шайхитдинова С.К. К проблеме нормативного регулирования медианасилия: понятие и модели осмысления // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 30–36; DOI: 10.17323/tis.2025.24876
-

Svetlana K. SHAYKHITDINOVA

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
Svet1206@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8751-3911

Information about the author

S.K. Shaykhidinova — Doctor of Philosophy Sciences,
Professor of the Department of National and Global Media, Kazan Federal University

- **Abstract.** The article raises the problem of inefficiency of normative regulation of manifestations of media violence. This is due to a number of reasons. The first is related to the fact that media violence, due to its multidimensional nature and complexity, cannot be defined by a strict concept. This circumstance, according to the author, should not stop the legislator and the public, since there is a real threat to the mental health of citizens from the media.

- The second reason is related to the fact that in the public consciousness, from the author's point of view, the classical objectivist-realist model of interpretation of reality dominates. Her naturalistic, essentialist approach does not allow her to fully assess the risks caused by the newfound phenomena of digital reality. The author takes the side of researchers who advocate the development of the values of a non-classical epistemological model of social reality, focused on cultural contexts and an interpretative approach.

Keywords: media violence, normative regulation, epistemological model, legal reality

For citation: Shaykhidinova S.K. On the Problem of Normative Regulation of Media Violence: The Concept and Models of Comprehension // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1) P. 30–36; DOI: 10.17323/tis.2025.24876

-
-
-
-
-
-

• ОТ ФЕНОМЕНА – К ПОНЯТИЮ?

Концепт «медианасилие» попал в поле зрения автора этой статьи в связи с информационным спором, вызванным жалобой на новостные сюжеты программы «Перехват» казанской телекомпании «Эфир». Выступая в роли привлеченного эксперта, автор статьи дала заключение, в котором, в частности, было указано следующее: а) ставшие предметом спора сюжеты криминальной хроники состоят преимущественно из неадаптированной для публичного показа оперативной съемки полицейских; б) сюжеты никак не комментируются журналистами, они представляют только позицию правоохранительных органов, то есть речь идет о трансляции населению служебной информации; в) событийную основу «натуралистических сюжетов» составляет именно происшествие — авария, несчастный случай, преступление, то есть «устрашающая история». С опорой на исследования социологов и психологов были перечислены риски от показа таких новостей: банализация события смерти; подрыв базового доверия к миру у детей, даже если они просто играют рядом с телевизором; дестабилизация эмоционального статуса личности, рост тревожности [1, с. 114–118].

Очередной показательный информационный спор, затронувший тему медианасилия, был рассмотрен в Общественной коллегии по жалобам на прессу в связи с интервью Ксении Собчак «Скопинский маньяк: разговор на свободе». По мнению заявителя, в основу фильма положено «часовое интервью с человеком, который похищал и насиловал женщин, это фактическая поддержка таких действий и провокация других подобных преступлений» [2, с. 151]. Свое мнение высказали три эксперта. Эксперт Надежда Ажгихина отметила, что стилистика данного интервью «не выводит преступника и преступление за пределы нормы и, педалируя естественный интерес к аномальности, не соотносит эту аномальность с контекстом достойного существования» [2, с. 153]. С точки зрения автора этой статьи, такой подход создателей фильма к предмету отображения не может квалифицироваться как неэтичный, однако следует согласиться с тем, что фильм демонстрирует позицию не журналистов, но «рыночников», уже в ходе творческой работы озабо-

ченных продвижением своего произведения. Неслучайно в название фильма включено слово «маньяк», хотя в психиатрическом плане никаких подтверждающих этот термин диагнозов не приведено.

Третий случай в заданном ряду информационных споров обращает внимание на проблему медианасилия, когда поводы создаются телевизионщиками на этапе сбора материала. Иллюстрацией может выступить решение № 230 Общественной коллегии по жалобам на прессу, которая рассмотрела обращение отца детей, пострадавших от нападения на казанскую гимназию № 175. В решении отмечено, что Коллегия не считает ни правомерной, ни оправданной преобладающим общественным интересом ситуацию, когда телевизионная группа поздним вечером вторгается в жизнь семьи со многими детьми, один из которых только что выписан из больницы. Герой интервью, давая на него согласие, не должен быть застигнут врасплох, когда он пребывает в растерянном, потрясенному состоянии, особенно если у него нет опыта взаимодействия со СМИ и он не вполне представляет себе последствия публикации [2, с. 50–52].

Завершу эту выборку информационным спором вокруг сюжета в выпуске «Вести. Дежурная часть» по теме закрытого судебного заседания. Зрителям федерального канала с сенсационным подтекстом неоднократно демонстрировались кадры оперативной съемки следственного эксперимента, восстанавливавшего, по версии следствия, сцену убийства маленькой девочки [3, с. 432–438].

Представленные кейсы демонстрируют сложносоставность медианасилия как феномена и явления. Сложность возрастет, если к рассмотренным примерам из телевидения добавить информационные продукты других каналов и других медийных площадок, насыщенных художественными образами, визуальными эффектами, а также речевой агрессией, выраженной через словесный ряд и интонации.

Содержательно концепт медианасилия объединяет не только многообразие технологических видов воздействия на психику потребителей информации, но также и разные степени вреда общественному здоровью. Так, информационные споры, обращающиеся к теме медианасилия, которые рассматривала Общественная коллегия по жалобам на прессу, касаются вопроса о «незаметных», пролонгированных эффектах. Однако иногда мы имеем дело со случаями наиболее высоких уровней медиавоздействия [4], вызывающими болезненные реакции общественной психики. Одним из эмпирических показателей такого эффекта выступает наблюдаемый после распространения деструктивной информации рост обращения граждан в медицинские учреждения за помощью. Степень та-

кого воздействия усиливают документальный контент (в сравнении с художественным контентом подлинность происходящего впечатляет намного сильнее), многоразовое повторение, а также неокрепшая психика воспринимающего (прежде всего детей и подростков).

Особой зоной опасности в этом смысле выступает интернет-пространство. В 2022 г. по юридическим наукам были защищены две кандидатские диссертации, в которых на основе эмпирических исследований были выявлены риски криминальной виктимизации пользователей интернета, распространения идеологии, пропагандирующей насилие, самоубийства, пенитенциарную субкультуру [5, 6]. Сегодня к источником подобного рода рисков примкнули многочисленные каналы популярных приложений.

Ситуация усугубляется во многом в связи с тем, что административное регулирование виртуальной сферы не ведет к положительным результатам. На сложности в правоприменительной практике указывает А.Г. Рихтер. Хотя пропаганда культа насилия и жестокости запрещена законом о СМИ (ст. 4), а в 1986–1996 гг. в нашей стране даже существовала уголовная ответственность за «пропаганду культа насилия и жестокости», этот запрет неэффективен. Причину автор видит в том, что законодатель так и не смог на федеральном уровне определить это понятие, в силу чего практика наказания за данное правонарушение крайне скучная [7, с. 370–371].

Пропаганда культа насилия и жестокости может быть отнесена к одному из элементов медианасилия. Его понятийное раскрытие в еще большей степени затруднено, поскольку включает в себя, как говорилось выше, разнообразие проявлений, уровней восприятия и эффектов.

Об этом косвенно свидетельствуют определения медианасилия в российских гуманитарных источниках. Феномен рассматривается как «психологическое воздействие на сознание посредством печатной, теле-видео- и аудио-продукции, прямо или косвенно ведущее к изменению социального поведения, мнения об окружающей действительности и в ряде определенных случаев побуждающее человека к действию» [8, с. 118]. Насильственные отношения на экране характеризуются как «разновидности социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб» [9, с. 67]. В целом, медианасилие характеризуется как «доминирование одного субъекта над другим через

агрессивное воздействие с использованием медиаканалов и медиатехнологий» [10, с. 6].

Смысловая расплывчатость понятия, не передаваемая строгими терминами, отчасти объясняет, почему не происходит его «юридизации». И хотя специалисты — педагоги, психологи, медиаведы — бьют тревогу [8–12], лучшее, что достигнуто по этому вопросу, — отнесение содержания, которое можно квалифицировать как медианасилие, к вредной информации. При этом доказать вред для здоровья конкретных граждан, причиненный теми или иными информационными продуктами, бывает практически невозможно.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ – К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ?

Внедрение правил, на которых базировались бы культурные усилия, ориентированные на поддержку ментального здоровья граждан, затруднено, как представляется, еще одним обстоятельством. Речь идет о стереотипном восприятии заданной темы самими гражданами: любая попытка внести в актуальную повестку вопросы о необходимости освоить нормы, связанные с формированием и распространением какого-либо контента на публичных площадках, воспринимается как посягательство на свободу мнений и способов их выражения. Опросы представителей потенциальной аудитории различных медиа по этой теме, проведенные под руководством автора этой статьи М.А. Абдрахмановой [10], свидетельствуют, что медианасилие в российском общественном сознании не рассматривается как социальная проблема (то есть проблема общественного масштаба).

В качестве обратного примера укажу на западные страны. Обостренное общественное внимание к данной проблеме приковано там более пятидесяти лет (хотя вопрос об угрозах обществу, исходящих от разного рода медиа, ставится в течение всего XX в., работы ученых по этой теме в странах с хорошо развитыми медиакоммуникациями стали известными и популярными с 60-х годов прошлого века, после изучения содержания, заполняющего эфирное время крупнейших американских телекомпаний [13, с. 194].) И это приносит плоды. Во-первых, между населением и исследователями медиа нет разрыва: экспертам заданного профиля предоставляют эфирное время в массовых СМИ; данные актуальных исследований в области коммуникаций проникают в публичное пространство и находят своих потребителей. Таким образом обновляется повестка в работе общественных советов и ассоциаций, которые ратуют за гуманизацию медиапространства. Во-вторых, теоретики проясня-

ют общественности следующие вопросы: смыслового соотношения агрессии и насилия; что считать краткосрочным, а что — долгосрочным эффектом от воздействия медианасилия; дает ли демонстрация сцен насилия в художественном произведении, являющаяся принадлежностью высокой культуры, повод к ограничению распространения этого произведения и т.п. [14–19]. Все это, несомненно, повышает уровень общественной медиакультуры, что не может не отразиться благотворно на проблеме нормативного ограничения вредной информации, циркулирующей по медиаканалам.

Отдельно затрону тему «мягкого регулирования» в виде этических правил медиадеятельности. Показателен такой объемный документ, как «Путеводитель для продюсеров: ценности и стандарты BBC» [20], сохранившийся у меня со временем партнерских взаимодействий конца 90-х годов с представителями медиаобразования из Уэльса. Внутрикорпоративный документ такого рода носит в журналистской среде название «Книга стилей» и содержит описание различного рода норм (технических, технологических, юридических, этических), а также общих ценностей и концептуальных позиций, которых придерживается медиаорганизация в своих многочисленных внутренних и внешних отношениях на информационном рынке. Это фактически руководство по организационному строительству, менеджменту, связям с общественностью, культурной миссии с подробными инструкциями для журналистов по сбору информации и отражению потенциально конфликтных ситуаций. Наличие и подробная разработанность документа такого рода свидетельствует о профессиональной зрелости коллектива, представляющего данное предприятие. В Путеводителе BBC термин «медианасилие» не найден, однако в разделах по правовым вопросам подробно изложены нормы поведения журналиста, если он берет интервью у жертв насилия (отдельно — сексуального насилия, отдельно — у детей), а также у свидетелей преступления, у подозреваемых в преступлении и т.д. [20, с. 146, 150–151, 320–321].

В отечественной научной литературе и специализированных медиадокументах автору не попадалась подобная детализация смыслового наполнения искомого понятия. Но даже если такого рода детализация и предпринимается, ждать большого отклика не приходится: устойчивый общественный спрос на исследования, связанные с проблемой медианасилия, не сформирован. В связи с этим при бытовом обсуждении темы звучат рассуждения скептиков о том, что, к примеру, народные сказки содержат множество описаний действий злодеев, и никто из детей, кому читали эти сказки, не брал с них пример; не ясно также, как

относиться к культурным и религиозным символам, изображающим определенные сцены. К примеру, никому в голову не придет, глядя на распятие Христа, думать о заданной проблеме. Все это свидетельствует о неготовности общественного мнения к серьезному обсуждению вопроса.

Одну из причин такого положения дел, представляется, можно обнаружить, обратившись к понятию «гносеологические модели». Исследование их влияния на правовые смыслы находим в статье С.И. Максимова «Классическая и неклассическая модели осмыслиения правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права» [21]. С.И. Максимов определяет правовую реальность как идеально сконструированное бытие, суть которого заключается в долженствовании. Оно не сводится к эмпирическим фактам, не замыкается на самом себе и имеет смысловое строение. Право, имея свою внутреннюю логику развития, в то же время выступает важной составной частью актуально действующих в общественном сознании гносеологических моделей.

С опорой на Н.В. Бряник [22] С.И. Максимов характеризует три из них. Первая модель — объективистско-реалистская, подчиненная принципу реальности, — опирается на опыт повседневного мира, «естественную установку» отношения человека к миру. Эта позиция эссенциализма представлена в классических (натуралистических) концепциях естественного права и юридического позитивизма, включая марксистскую теорию права, основанную на принципе объективности. Во второй модели — конструктивистской — познание трактуется как созидание, строительство, конструирование познаваемого предмета. В науке познаваемый объект («физическая реальность», «математическая», «правовая реальность» и т.п.) не предстает как некая изначальная данность познающему субъекту — она выступает продуктом его деятельности, трансформацией его способностей. Поэтому данный подход — феноменалистский. Истина на этом направлении — суть оценка некоторых ментальных состояний человеческой деятельности, установить которую можно лишь с помощью особых ментальных процедур. Третья модель, которая в отличие от первых двух и является собственно неклассической, — символическая. Это смысловое, духовно-энергетическое постижение сущности, явленное символами (или выраженное в языке), знание. Истина приобретает при таком интерпретационном подходе онтологическое значение и выражается в подлинности, т.е. бытийности, реальности символов, а познание ассоциируется с пониманием.

На этой основе автор [21] выделяет четыре основных способа осмыслиения правовой реальности,

каждый из которых делает акцент на одном из ее аспектов: правовой позитивизм; правовой объективизм; правовой субъективизм (или классические концепции естественного права — на идеально-нравственной стороне права, раскрывающейся в сознании субъекта идеи права), правовая интерсубъективность, или неклассические концепции естественного права [21, с. 48].

Если с этой точки зрения взглянуть на представленные в российском общественном сознании гносеологические модели, то не ошибемся, указав, что доминируют их классические вариации. При этом объективистско-реалистический подход преобладает. На это аргументированно указывает М.П. Завьялова в одной из статей [23].

Со ссылкой на В.Г. Федотову и Н.Н. Федотову [24] М.П. Завьялова характеризует первый подход, который основан «на признании натуралистических, природных, неизменных сущностей — родства, этноса, расы, языка, пола, возраста, на квазиприродном истолковании классов, объективно сложившихся в общественном производстве, идентичностей обществ и стран, объективно обусловленных их историей и выработанными архетипами. Сходство характеристик этих явлений вытекает из объективно присущих обществу "естественных параметров", сохраняющих свою неизменность или хотя бы значительную устойчивость» [23, с. 102]. Следует подчеркнуть, что речь не идет об «отмене» данной системы понятийных координат. Речь идет о необходимости расширения гносеологических рамок легитимации разного рода социальных объектов, включая новые феномены и явления. Очевидно, что охарактеризованная объективистско-реалистская (натуралистически-эссенциалистская) модель не различает неизвестные до новейшего времени проявления цифровой реальности, в том числе такие, как медианасилие. А если и различает, то рассматривает их как второстепенные, надстроочные. Общественная реакция наступает, когда фиксируются осязаемые проявления вреда — рост тревожности в обществе, плохая демографическая ситуация, увеличившаяся статистика по самоубийствам детей и т.п.

Та же ситуация складывается вокруг конструктивистской гносеологической модели. По отношению к медианасилию и другим негативным феноменам медиийной среды эта модель проявляет себя, с точки зрения автора данной статьи, в виде этических предписаний и правил, вменяемых профессиональным медиаспециалистам, в первую очередь — журналистам, в качестве реализации их общественной миссии. Однако, как свидетельствует постсоветский опыт функционирования медиаинститутов, этические ме-

диастандарты не прижились в медиадеятельности. «Мягкое» регулирование вопросов документального освещения всего, что связано с темами насилия в различных областях жизни, проблематизируется ситуациями, которые характерны для темы саморегулирования СМИ в целом. Двадцать лет назад Анжелика Синеок констатировала, что «в России утвердился подход к созданию этических кодексов, в основе которого лежат подлог, конфронтация, имитация процессов нравственного регулирования. Кодексы не задевают за живое, не порождают «несвоевременных мыслей» о времени и о себе, не вызывают дискуссий в среде журналистов. Их положения по большей части носят декларативный характер и изначально не учитывают развитие процессов саморегулирования» [25, с. 21]. Сегодня кодексы журналистской этики в связи с развитием рынка новых медиа практически исключены из повестки.

Понятно, что неклассическая (символическая) модель не является панацеей от рисков динамично развивающейся медийной среды. Вопрос, повторю, в том, каковы разрешительные возможности подхода к проблеме. Очевидно, что сегодня для эффективного нормативного регулирования новоявленной интерсубъективной социальной среды востребованы адекватные ей культурные инструменты. В качестве таковых уместно обратиться к высказанной в правоведческой литературе идеи интерсубъективного права, преодолевающего статичность подходов, проявляющего себя в смысловом плане в коммуникации и интерпретации позиции Другого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 3 / под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2013. 580 с.
2. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 11 / под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Мозартика, 2021. 390 с.
3. Шайхитдинова С.К. Этика неоконченного судебного процесса // Аззамовские чтения — 2023: Сб. мат. Междунар. конф. и науч. статей. Казань, 2023. С. 432–438.
4. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
5. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: Автореф. дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2022. 30 с.
6. Родина Е.А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2022. 27 с.
7. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: учеб. М.: Издательские решения, 2018. 516 с.
8. Никулина М.А., Бурко Ю.С. Медиасилие — зона социальной опасности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 4 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 117–120.
9. Тарасов К.А. «Агрессивная кинолента» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 66–76.
10. Абдрахманова М.А. Проблема медиасилия в текстах СМИ: автореф. ... дис. к.ф.н. Казань, 2018. 22 с.
11. Двоеглазова М.Ю. Социальные представления современной молодежи о влиянии информации о насилии в СМИ на криминализацию общественного сознания. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-vliyanii-informatsii-o-nasilii-v-smi-na-kriminalizatsiyu-obschestvennogo-soznaniya/viewer> (дата обращения: 14.09.2024).
12. Юдина Е. Насилие в документальной телереальности // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 76–82.
13. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 432 с.
14. Kevin D. Browne. Catherine Hamilton-Giachritsis. The influence of violent media on children and adolescents: a public-health approach // [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)17952-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)17952-5) (дата обращения: 15.01.2024).
15. Huesmann L.R. The Impact of Electronic Media Violence: Scientific Theory and Research // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2704015/> (дата обращения: 25.01.2024).
16. Report of the Media Violence Commission // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.21443> (дата обращения: 15.01.2024).
17. Delhove M. Violent media use and aggression: Two longitudinal network studies // <https://tandfonline.com/doi/full/10.1080/00224545.2021.1896465> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Nickie D. Phillips Violence, Media Effects, and Criminology // <https://oxfordre.com/criminology/display/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-189> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Furlow B. Media violence and youth aggression // [https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642\(17\)30033-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642(17)30033-0/fulltext) (дата обращения: 15.01.2024).
20. Producers' Guidelines: The BBC's values and standards. 362 s.

21. Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 41–54.
22. Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания: учеб. пособие. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2003.
23. Завьялова М.П. Проблема совместимости натуралистически-эсценциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 102–112.
24. Федотова В.Г., Федотова Н.Н. Возраст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 42–52.
25. Актуальные проблемы саморегулирования СМИ / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2005. 628 с.

REFERENCES

1. Nastol'naya kniga po mediinomu samoregulirovaniyu. Vyp. 3 / pod red. Yu.V. Kazakova, M.A. Fedotova. M.: Tvorcheskii tsentr YuNESKO, 2013. 580 s.
2. Nastol'naya kniga po mediinomu samoregulirovaniyu. Vyp. 11 / pod red. Yu.V. Kazakova, M.A. Fedotova. M.: Mozartika, 2021. 390 s.
3. Shaikhidinova S.K. Etika neokonchennogo sudebnogo protsesssa // Agzamovskie chteniya — 2023: sb. mat. Mezhunar konf. i nauch. statei. Kazan', 2023. S. 432–438.
4. Dzyaloshinskii I.M. Kommunikativnoe vozdeistvie: misheni, strategii, tekhnologii. M.: NIU VShE, 2012. 572 s.
5. Il'nitskii A.S. Protivodeistvie kriminal'noi ideologii v seti Internet: avtoref. dis. ... k.y.n. Krasnodar, 2022. 30 s.
6. Rodina E.A. Protivodeistvie kriminal'noi viktimizatsii pol'zovatelei seti Internet v kiberprostranstve: avtoref. dis. ... k.y.n. Saratov, 2022. 27 s.
7. Rikhter A.G. Pravovye osnovy zhurnalistiki: uchebnik. M.: Izdatel'skie resheniya, 2018. 516 s.
8. Nikulina M.A., Burko Yu.S. Medinasilie — zona sotsial'noi opasnosti // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2009. No 4 (23): v 2 ch. Ch. II. C. 117–120.
9. Tarasov K.A. "Agressivnaya kinolenta" TV i studenchesstvo // Vysshee obrazование v Rossii. 2002. No 3. S. 66–76.
10. Abdrahmanova M.A. Problema medianasiliya v tekstakh SMI: avtoref. dis. ... k.f.n., Kazan', 2018. 22 s.
11. Dvoeglazova M.Yu. Sotsial'nye predstavleniya sovremennoi molodezhi o vliyanii informatsii o nasiliu v SMI na kriminalizatsiyu obshchestvennogo soznaniya. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> sotsialnye-predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-vliyanii-informatsii-o-nasiliu-v-smi-na-kriminalizatsiyu-obschestvennogo-soznaniya/viewer (data obrashcheniya: 14.09.2024).
12. Yudina E. Nasilie v dokumental'noi telereal'nosti // Vysshee obrazование v Rossii. 2002. No 3. S. 76–82.
13. Braint D., Tompson S. Osnovy vozdeistviya SMI: per. s angl. M.: Izdatel'skii dom "Vil'yams", 2004. 432 s.
14. Kevin D. Browne. Catherine Hamilton-Giachritsis. The influence of violent media on children and adolescents: a public-health approach. — URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)17952-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)17952-5) (data obrashcheniya: 15.01.2024).
15. Huesmann L.R. The Impact of Electronic Media Violence: Scientific Theory and Research // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2704015/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
16. Report of the Media Violence Commission // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.21443> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
17. Delhove M. Violent media use and aggression: Two longitudinal network studies. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00224545.2021.1896465> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
18. Nickie D. Phillips Violence, Media Effects, and Criminology. — URL: <https://oxfordre.com/criminology/display/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-189> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
19. Furlow B. Media violence and youth aggression. — URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642\(17\)30033-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642(17)30033-0/fulltext) (data obrashcheniya: 15.01.2024).
20. Producers' Guidelines: The BBC's values and standards. 362 s.
21. Maksimov C.I. Klassicheskaya i neklassicheskaya modeli osmysleniya pravovoи real'nosti v kontekste kommunikativnoi paradigmy prava // Pravovedenie. 2014. No 6. S. 41–54.
22. Bryanik N.V. Vvedenie v sovremennuyu teoriyu poznaniya: Ucheb. posobie. M.; Ekaterinburg, 2003.
23. Zav'yalova M.P. Problema sovmestimosti naturalisticheski-essentialsistskogo i sotsial'no-konstruktivistskogo podkhodov v poznaniii i preobrazovanii sotsial'nykh ob"ektov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2017. No 39. S. 102–112.
24. Fedotova V.G., Fedotova N.N. Vozrast // Voprosy filosofii. 2016. No 12. S. 42–52.
25. Aktual'nye problemy samoregulirovaniya SMI / pod red. G.V. Vinokurova, A.G. Rikhtera, V.V. Chernyshova. M.: Institut problem informatsionnogo prava. 2005. 628 s.

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К РОЛИ МЕДИА В ВОПРОСАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РФ И США В XXI В.

EVOLUTION OF DOCTRINAL APPROACHES TO THE ROLE OF MEDIA IN INFORMATION SECURITY ISSUES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA IN THE 21ST CENTURY

Андрей Вадимович КОЧКИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
andrey_kochkin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7505-2217

Информация об авторе

А.В. Кочкин — аспирант школы коммуникаций и медиа НИУ ВШЭ

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема эволюции роли медиа в доктринах информационной безопасности Российской Федерации и США на современном этапе. Цель — выявить основные трактовки медиа в действующих доктринах безопасности двух стран в контексте исторической трансформации их отношений. Задача исследования — анализ научной литературы и официальных документов России и США, посвященных проблеме обеспечения информационной безопасности, а также систематизация и обобщение официальных позиций двух стран по поводу трактовки роли медиа в системе обеспечения безопасности.

Методология исследования включает в себя общенакальные методы: синтез, анализ, систематизацию, описательный анализ, сопоставление, а также формально-логический метод. В исследовании были также применены такие специальные методы, как историографический анализ научного дискурса изучаемой темы; метод контент-анализа доктринальных документов России и США в сфере информационной безопасности, а также метод качественного анализа полученных данных.

По итогу проведенного исследования было выявлено, что для России характерна оборонительная

- трактовка медиа в рамках современного понимания информационной безопасности, что выражается в соответствующих официальных документах в области кибербезопасности и защиты данных. В США роль медиа с незначительного компонента национальной безопасности эволюционировала до наступательного оружия в информационных войнах, что также отражено в доктринальных документах данной страны.

- **Ключевые слова:** медиа, национальная безопасность, информационная безопасность, доктрины безопасности, отношения России и США

- **Для цитирования:** Кочкин А.В. Эволюция доктринальных подходов к роли медиа в вопросах информационной безопасности в РФ и США в XXI в. // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 37–44; DOI: 10.17323/tis.2025.24882

Andrei V. KOCHKIN

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation,
andrey_kochkin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7505-2217

Information about the author

A.V. Kochkin — postgraduate student at the School of Communication and Media of HSE University

- **Abstract.** The author discusses an actual problem of the media evolution in the doctrines of information security of Russia and the United States at the present stage. The

research goal was to identify the main interpretations of the media in the current security doctrines of the two countries in the context of the historical transformation of their relations. The research objectives were to analyze the scientific literature and official documents of Russia and the United States devoted to the problem of ensuring information security, as well as to systematize and generalize the official positions of the two countries regarding the interpretation of the role of the media in the security system.

The research methodology includes a number of general scientific methods: synthesis, analysis, systematization, descriptive analysis, comparison, as well as the formal-logical method. The study also used such special methods as: historiographical analysis of the scientific discourse of the topic under study; the method of content analysis of doctrinal documents of Russia and the United States in the field of information security, as well as the method of qualitative analysis of the data obtained.

As a result, it was revealed that Russia is characterized by a defensive interpretation of the media within the framework of the modern understanding of information security, which is expressed in the relevant official documents in the field of cybersecurity and data protection. In the United States, the role of the media has evolved from an insignificant component of national security to an offensive weapon in information wars, which is also reflected in the doctrinal documents of this country.

Keywords: media, national security, information security, security doctrines, relations between Russia and the United States

For citation: Kochkin A.V. Evolution of Doctrinal Approaches to the Role of Media in Information Security Issues in the Russian Federation and the USA in the 21st Century // Trudi po Intellectualnoy Sostvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1) P. 37–44; DOI: 10.17323/tis.2025.24882

-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ

- Актуальность темы исследования предопределяется тем, что текущие отношения между Россией и Западом, возможно, находятся на самом сложном этапе со времен холодной войны. Более того, современный кризис нельзя свести лишь к политическим разногласиям по отдельным вопросам, поскольку он представляет собой системную проблему, связанную с высокой конкуренцией между державами на международной арене. При этом проблема информационной безопасности является наглядным примером концептуальных разногласий между Россией и США еще с 1990-х годов прошлого столетия [12, с. 17].

Современная ситуация в глобальном информационном пространстве требует четких и международно признанных определений таких ключевых понятий в сфере информационной безопасности, как «информационное пространство», «информационный суверенитет», «медиаугрозы» и тому подобные, что позволило бы разработать нормативно-правовую базу не только в сфере распространения ложной информации, но и в области защиты информационной безопасности населения конкретной страны.

В методическом отношении данная проблематика изучается очень активно, причем научный дискурс включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов.

• Теоретико-методологические основы исследования составили постулаты и выводы, изложенные в фундаментальных работах таких авторов, как О.И. Калинин, М.В. Приходько [2], М.А. Сизьмин [9], Г.С. Мельник, С.Б. Никонов [10], В.В. Бухарин [11], И.А. Провоторов, М.А. Гайворонский [12], Н.П. Ромашкина [13] и др.

Концептуальные и историко-правовые основы изучения информационной безопасности Российской Федерации представлены в работах таких авторов, как Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова [5], В.М. Редкоус [6], А.А. Смирнов [7], А.А. Стрельцов [8] и др.

• Также в ходе анализа научной литературы по теме исследования были задействованы материалы Института государства и права Российской академии наук [1].

Методические аспекты исследования были проанализированы на основе работ таких зарубежных авторов, как М.К. Амитав [16], Бао Кхак Куок, Нгуен

Бао То [17], Г. Никипорец-Такигава, Т.В. Бучнев [18], М. Пачкова [19], С. Паудэл [20], Н. Пембецуглу [21], Ф. Семпа [22], Н.Дж. Шэллкросс [23] и др.

В исследовании были также использованы материалы администрации Белого дома [24, 25] и доктринальные документы Российской Федерации в отношении проблем информационной безопасности [3, 14, 15].

Методология исследования включает в себя ряд общенациональных методов: синтез, анализ, систематизация, описательный анализ, сопоставление, а также формально-логический метод. В исследовании были также применены такие специальные методы, как историографический анализ научного дискурса изучаемой темы, метод контент-анализа доктринальных документов России и США в сфере информационной безопасности, а также метод качественного анализа полученных данных.

ТРАКТОВКА РОЛИ МЕДИА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИИ И США

В настоящее время эволюция трактовки медиа в контексте информационной безопасности вполне четко отражена в официальных документах России и США.

В нашей стране Доктрина информационной безопасности представляет собой совокупность официальных положений по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Правовой основой Доктрины являются Конституция Российской Федерации и соответствующие законы, общепризнанные нормы и принципы международного права, ратифицированные Россией международные договоры, а также указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации [3, 14, 15].

С точки зрения эволюции роли медиа необходимо рассмотреть первоначальный документ — Доктрину национальной безопасности России, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [14], а затем и другие стратегические документы в области обеспечения национальной безопасности.

Доктрина 2016 г. определяет информационное пространство как совокупность интернета и других сетей связи, а также данных информационных технологий, объектов информационных технологий, систем и веб-ресурсов. К ним относятся организации, которые генерируют и обрабатывают данные, разрабатывают и используют соответствующие технологии, обеспечивают информационную безопасность,

а также внедряют механизмы регулирования общественных отношений в этой сфере.

При этом в доктринальном списке угроз подчеркивается, что трансграничное распространение информации «все чаще применяется в geopolитических целях и военных политических задачах, противоречащих международным законам, а также используется в террористической, экстремистской, криминальной и другой незаконной деятельности, вредящей международной безопасности и стратегической стабильности» [4, с. 54].

В Доктрине 2016 г. указано на то, что без должного учета влияния цифровых технологий на информационную безопасность значительно возрастает риск появления информационных угроз [14]. Одним из основных негативных факторов, оказывающих влияние на состояние информационной безопасности, является то, что несколько иностранных государств усиливают свои информационно-технологические возможности для воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях [4, с. 55]. В то же время усиление параметров безопасности происходит среди организаций, занимающихся технической разведкой в отношении российских государственных органов, научных учреждений и оборонно-промышленных предприятий.

В настоящее время действует Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [15]. Применительно к исследуемой теме заслуживают интереса указание в числе национальных интересов России «развития безопасного информационного пространства, защиты российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» (подп. 4 п. 25 Стратегии) и раздел, посвященный информационной безопасности (пп. 48–57 Стратегии) [15].

В рамках реализации Стратегии и других основополагающих документов в сфере национальной безопасности Российская Федерация принимает комплекс мер, направленных на обеспечение защиты информационного суверенитета. К числу такого рода мер относятся: совершенствование законодательной базы, развитие отечественных информационных технологий, укрепление системы кибербезопасности и противодействие внутренним и внешним информационным угрозам. Особое внимание уделяется формированию критической информационной инфраструктуры, способной функционировать в условиях повышенной уязвимости информационной инфраструктуры и обеспечивать устойчивость социально-экономического развития [15].

Направления деятельности, обозначенные в Стратегии 2021 г. в сфере информационной безопасности,

не ограничиваются техническими аспектами. В частности, из текста документа можно заключить, что ряд мер планируется в ближайшее время направить на развитие системы информационной культуры общества и повышение уровня медиаграмотности населения [15].

В Стратегии 2021 г. указано, что в условиях геополитических реалий Россия сталкивается с усилением информационного давления со стороны ряда государств и международных организаций [15]. Такого рода угрозы выражаются в попытках дискредитации внешней и внутренней политики России, распространении ложной информации о социально-экономическом положении страны и т.п. В этой связи защита информационного пространства приобретает стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета Российской Федерации.

При этом роль медиа понимается в Стратегии 2021 г. как обюдоострый ресурс в информационной войне, а не как полностью подчиненный государству информационный дискурс, над которым есть определенный контроль. В Стратегии 2021 г., однако, не содержится внятного определения термина «информационное пространство Российской Федерации», что существенно затрудняет дальнейшее законодательное регулирование информационных потоков в российских медиаканалах.

Более того, в стратегической перспективе отсутствие четкого определения понятия «информационное пространство» может привести к правовой неопределенности и расширенному толкованию нормативных актов. Такая ситуация, в свою очередь, вполне ожидаемо приведет к произвольному применению законов в отношении СМИ, блогеров и других субъектов информационных правоотношений. В итоге отсутствие четких определений в правовом поле информационной безопасности не только ограничит свободу слова и распространения информации, но также существенно снизит доверие к государственным институтам, ответственным за регулирование сферы СМИ.

Размытость понятия «информационное пространство» в современных доктринальных документах затрудняет также разработку эффективных механизмов защиты от дезинформации и манипулирования информацией, которые представляют собой серьезные угрозы национальной безопасности, что, например, подчеркивается в Стратегии 2021 г. [15].

В этой связи необходимо разработать более четкое и конкретное определение понятия «информационное пространство Российской Федерации», учитывающее как интересы национальной безопасности, так и конституционные свободу слова и права

граждан на информацию. Данное определение должно быть закреплено на законодательном уровне и служить руководством для правотворческой и правоприменительной практики, обеспечивая предсказуемость и прозрачность регулирования медиасреды. При этом необходимо выявить ключевые особенности российского информационного пространства, чтобы понять его относительные границы.

Таким образом, в доктринальном дискурсе России медиа представляются в двух ипостасях: 1) как средство трансляции традиционных ценностей внутри страны; 2) как распространитель враждебной внешней информации, в том числе циркулирующей в российском медиапространстве.

Подход к медиа в контексте информационной безопасности в США существенно отличается от восприятия медиа в России. Так, в Национальном стратегическом плане кибербезопасности на 2024 г. указано, что «СМИ являются инструментом проведения наступательных информационных операций, направленных на продвижение демократических ценностей и прав человека во всем мире» [24]. В документе также говорится, что «средства массовой информации могут использоваться для оказания разведывательной поддержки таким операциям за рубежом» [24].

Восприятие медиа как инструмента внешней политики обусловлено, на взгляд автора этой статьи, историческим опытом США и их ролью в продвижении либеральных ценностей после Второй мировой войны. В свою очередь, холодная война укрепила «представление о медиа как о важном поле битвы за умы и сердца», где необходимо активно противостоять пропаганде противника и распространять собственные идеологические установки. Соответственно, американские государственные структуры, включая службы внешней и внутренней разведки, видят в СМИ потенциального союзника в достижении внешнеполитических целей [24].

В России исторически сложилось более скептическое отношение к независимым СМИ, особенно тем, которые получают финансирование из-за рубежа. Упоминание об «иностранных агентах» в законодательстве, регулирующем деятельность медиа, — яркий пример стремления государства очертировать границы российского медиапространства и ограничить влияние в нем недружественных зарубежных медиаканалов. СМИ, получающие финансирование из-за рубежа, рассматриваются как потенциальный инструмент влияния со стороны недружественных государств, что превращает их в потенциальные источники дезинформации.

Разница в подходах проявляется и в восприятии проблемы свободы слова. В США это право человека

рассматривается как фундаментальное, гарантирующее возможность открытого выражения различных точек зрения, даже если они противоречат официальной позиции правительства [24].

В России, напротив, участие неподконтрольных государству СМИ в распространении информации должно стать основным вопросом обеспечения национальной безопасности и защиты традиционных ценностей с помощью умеренной и объективной неформализованной цензуры и ограничения доступа к определенной информации конкретных возрастных групп населения.

В результате анализа доктринальных документов можно утверждать, что медийное пространство в США характеризуется большей степенью терпимости к плюрализму и разнообразию мнений, даже при наличии определенных идеологических уклонов. В России же наблюдается тенденция к консолидации медиа по критерию контента, распространяющему в сфере в основном русскоязычного дискурса. В США, напротив, медиасфера была признана приоритетной для государственной поддержки усилий по обеспечению кибербезопасности, что демонстрирует важность медиа в наступательных операциях Пентагона [24].

В частности, Управление по научно-технической политике (OSTP) активно сотрудничает с другими межведомственными рабочими группами для разработки мер по обеспечению безопасности медиапространства, в том числе в области инвестиций для устранения угроз конфиденциальности, в разработке информационных систем и стандартов для обеспечения защиты данных и аналитики больших данных [21, с. 37].

Указанное межведомственное сотрудничество является частью более широкой стратегии администрации Белого дома по защите критически важной инфраструктуры и противодействию дезинформации [25], подрывающей доверие к демократическим институтам и создающей угрозу национальной безопасности США. Особое внимание уделяется разработке алгоритмов и систем, способных выявлять и нейтрализовывать скоординированные кампании по распространению дезинформации, а также предотвращать манипулирование общественным мнением с помощью ботов и фейковых аккаунтов [23, с. 9].

В рамках данных усилий в США также изучаются различные технологические решения, включая использование искусственного интеллекта для автоматизированного анализа данных, использование блокчейна для обеспечения прозрачности и достоверности информации, а также разрабатываются инструменты для проверки фактов и обнаружения фейкового контента.

Параллельно с развитием технологий ведется работа по совершенствованию нормативной базы, регулирующей деятельность интернет-платформ и социальных сетей. В США все большее внимание государства привлекают вопросы ответственности за контент, распространяемый медиа, и необходимости обеспечения прозрачности алгоритмов, определяющих рейтинг контента. Целью этих мер является создание более безопасной и защищенной информационной среды, в которой граждане США могут получать доступ только к достоверной информации и принимать обоснованные решения, базирующиеся на проверенных фактах [24].

Кроме того, Министерство внутренней безопасности США через Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры сотрудничает с разработчиками открытого исходного кода для рассмотрения подходов к оценке рисков безопасности, следя рекомендациям Комитета по кибербезопасности [24].

С точки зрения изменившейся роли средств массовой информации за последнее десятилетие можно сказать, что это решающий момент для дальнейшего развития концепции информационной безопасности. В частности, в период с 2014 по 2024 г. Соединенные Штаты разработали свою стратегию и доктрину для защиты киберпространства и создали Киберкомандование и множество других организаций для поддержки национальной медиасистемы. Некоторые эксперты утверждают, что Пентагон был вынужден найти новый смысл, сосредоточившись на том, как киберпространство влияет на глобальные конфликты и баланс сил [22, с. 80].

Все перечисленные идеи выражены в стратегиях киберзащиты 2011, 2015 и 2018 гг., в которых подчеркивается влияние медиа на киберповедение, эффективность сдерживания и риски эскалации конфликтов в рамках информационной войны.

Можно констатировать, что за последнее десятилетие Министерство обороны США добилось больших успехов в развитии своих возможностей в области «наступательных СМИ». Однако неопределенность относительно масштабов наступательных киберопераций Пентагона влияет на доверие к средствам массовой информации в Соединенных Штатах. Поэтому на сегодняшний день ключевой задачей для Министерства обороны США является четкое определение приемлемого поведения в информационном пространстве как для себя, так и для своих потенциальных геополитических конкурентов.

С точки зрения эволюции официального взгляда США на медиа необходимо подчеркнуть, что, в отличие от российского опыта, ключевыми событиями, повлиявшими на развитие концепции СМИ в доктри-

нальных документах по информационной безопасности, стали трагедия 11 сентября 2001 г. и geopolитическая ситуация 2014 г. Эти события фактически заставили американское руководство переосмыслить важность информации как инструмента воздействия на потенциального противника. За последние два десятилетия в Соединенных Штатах произошел значительный сдвиг в доктринальном понимании роли медиа в контексте информационной безопасности. Медиаресурсы теперь рассматриваются как инструмент наступательных информационных операций (ИО) в поддержку других компонентов гибридной войны [24]. Иными словами, в настоящее время в вопросах информационной безопасности США придерживаются принципа «Лучшая защита — это нападение», который достаточно полно отражен в действующих доктринальных документах [24, 25]. США эффективно используют СМИ как инструмент информационной войны с 2014 г., а с 2022 г. американцы будут все больше поддерживать свои военные операции в Евразии с помощью медиа.

Напротив, в России основы современной доктрины информационной безопасности сосредоточены на защите от информационных угроз, что означает в большей степени ситуативное реагирование на информационные угрозы. В России активно разрабатываются базовые концепции и определяется точный перечень угроз в сфере информационной безопасности. К сожалению, такая реактивная стратегия может привести к стратегическому отставанию и вероятному поражению в будущих информационных войнах. Для усиления защиты информационного пространства от внешних угроз в виде вредоносного контента необходимо разрешить русскоязычным платформам создавать и размещать собственный контент, а также ввести соответствующий контроль над содержанием данной деятельности. Иными словами, для защиты информационного пространства России от вредоносного влияния недружественных медиа необходим проактивный подход с периодическим мониторингом информационного контента.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Концепция международной информационной безопасности, отстаиваемая Россией, подразумевает, что государство как носитель государственного суверенитета играет ключевую роль в управлении информационными ресурсами и контроле над ними. Различия в восприятии роли СМИ, вопросов кибербезопасности и управления интернетом обострили

отношения между Россией и Западом. После постоянной критики России со стороны западных СМИ правительство отреагировало ужесточением внутренней информационной политики, что привело к еще большей фрагментации информационного пространства России.

2. В то же время в США принят новый проактивный подход к роли медиа в информационной безопасности: данный ресурс фактически официально признан инструментом информационной поддержки военных операций США. После событий, связанных с международным терроризмом и кибератаками 11 сентября 2001 г., восприятие медиа как наступательного оружия в информационной войне особенно усилилось. Этот сдвиг отображен в доктринальных документах, определяющих подход США к вопросам национальной безопасности. Пресса и другие средства массовой информации считаются частью «мягкой силы», способной оказывать существенное влияние на политический контекст и политическую повестку в других странах. Такая эволюция роли медиа поднимает вопросы об этических границах использования информационных ресурсов в целях государственной политики, поскольку существующая динамика неизбежно еще сильнее дестабилизирует международную ситуацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы. Институт государства и права РАН. М.: Канон, 2018. 264 с.
2. Калинин О.И., Приходько М.В. Контент-анализ как метод исследования информационной войны (на материале презентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 12 (880). С. 39–47.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
4. ОБСЕ. Ежегодный доклад за 2020 г. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 16.05.2024).
5. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Концептуальные основания развития института доступа к информации в российской федерации при применении цифровых технологий // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 22–28.
6. Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования в области обеспече-

- ния информационной безопасности // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 143–147.
7. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза. М.: Юнити-Дана. 2017. 159 с.
 8. Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. М.: Букинист, 2002. 296 с.
 9. Сизымин М.А. Информационная (информационно-психологическая) безопасность в структуре национальной безопасности (на примере США и России) // Baikal Research Journal. 2014. No 3. S. 20–25.
 10. Мельник Г.С., Никонов С.Б. Медийный компонент в Доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 18–28.
 11. Бухарин В.В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX – начало XXI в.) // iPolytech Journal. 2016. No 12. S. 4.
 12. Провоторов И.А., Гайворонский М.А. Основные угрозы информационной безопасности при использовании социальных медиа-ресурсов в сети интернета // Экономика и социум. 2018. № 3 (46). С. 16–28.
 13. Ромашкина Н.П. Вооружения без контроля: современные угрозы международной информационной безопасности // ИМЭМО РАН. 2018. № 2 (55). С. 23–49.
 14. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». — URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 12.02.2024).
 15. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
 16. Amitav M.K. Technology and Security in the 21st Century. SIPRI Research Report. 2023. Vol. 2. P. 6–18.
 17. Bao Khac Quoc, Nguyen Bao To. US-Russia geopolitical risk and corporate cybersecurity risk: Evidence from 10-K reports // Computer Science. 2021. Vol. 4. P. 58–69.
 18. Nikiporets-Takigawa G., Buchnev T.V. Methodological Problems Concerning Concept's Formation of the National Cybersecurity in the Russian Federation // Humanities and Social Sciences Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12 (1). P. 70–74.
 19. Pačková Pavlíkova, M. Russian Active Measures in Cyberspace through the Lens of Security Sectors // Politické vedy. 2023. Vol. 25(4). P. 55–61.
 20. Paudel S. A Study on Russian Cyberwarfare Capabilities and Approach towards Cybersecurity. — URL: https://www.researchgate.net/publication/361420683_A_Study_on_Russian_Cyberwarfare_Capabilities_and_Approach_towards_Cybersecurity (accessed: 16.05.2024).
 21. Pembecioglu N. Pandect Law in media culture: Snowpiercer analysis // Interciencia. 2023. Vol. 4. P. 34–59.
 22. Sempa F.P. US security strategies from the Cold War to the 21st Century. 2nd Edition. 2022. P. 78–112.
 23. Shallcross N.J. Social Media and Information Operations in the 21st Century // Journal of Information Warfare. 2017. Vol. 16. № 1. P. 8–10.
 24. United States government. Office of Security. — URL: <https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security> (accessed: 12.02.2024).
 25. White House. National Cybersecurity Strategy Implementation Plan. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/05/National-Cybersecurity-Strategy-Implementation-Plan-Version-2.pdf> (accessed: 12.02.2024).

REFERENCES

1. Dinamika institutov informatsionnoy bezopasnosti. Pravovyye problemy. Institut gosudarstva i prava RAN. M.: Kanon. 2018. 264 s.
2. Kalinin O.I., Prikhod'ko M.V. Kontent-analiz kak metod izucheniya informatsionnoy voyny (na materiale reprezentatsii kitaysko-amerikanskoy torgovoy voyny v mediadiskurse Kitaya i SSHA) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. 2023. No 12 (880). S. 39-47.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vserodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2009. No 4. St. 445.
4. OBSE. Yezhegodnyy doklad 2020. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (data obrashcheniya: 16.05.2024).
5. Polyakova T.A., Kamalova G.G. Kontseptual'nyye osnovaniya razvitiya instituta dostupa k informatsii v rossiyskoy federatsii pri primenenii tsifrovyykh tekhnologiy // Monitoring pravoprimeneniya. 2020. No 4 (37). S. 22–28.
6. Redkous V.M. Nekotoryye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya v oblasti obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2022. No 9 (213). S. 143–147.
7. Smirnov A.A. Obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh virtualizatsii obshchestva. Opyt Yevropeyskogo Soyuza. M.: Yuniti-Dana. 2017. 159 s.

8. Strel'tsov A.A. Obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti Rossii. M.: Bukiinst. 2002. 296 s.
9. Siz'min M.A. Informatcionnaya (informatsionno-psikhologicheskaya) bezopasnost' v strukture natsional'noy bezopasnosti (na primere SSHA i Rossii) // Baykal'skiy nauchnyy zhurnal. 2014. NO 3. S. 20–25.
10. Mel'nik G.S., Nikonov S.B. Mediakomponenta v doktrine informatsionnoy bezopasnosti // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. 2018. No 1. S. 18–28.
11. Bukharin V.V. Sravnitel'nyy analiz normativno-pravovoy bazy obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v SSHA i Rossiyskoy Federatsii (konets XX — nachalo XXI v.) // iPolytech Journal. 2016. No 12. S. 4.
12. Provotorov I.A., Gayvoronskiy M.A. Osnovnyye ugrozy informatsionnoy bezopasnosti pri ispol'zovanii resursov sotsial'nykh setey v seti Internet // Ekonomika i obshchestvo. 2018. No 3 (46). S. 16–28.
13. Romashkina N.P. Oruzhiye bez kontrolya: sovremennyye ugrozy mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti // IMEMO RAN. 2018. No 2 (55). S. 23–49.
14. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 2016 No 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii". — URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
15. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. No 400 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 5 iyulya 2021 g. No 27 (ch. II). St. 5351.
16. Amitav M.K. Technology and Security in the 21st Century // SIPRI Research Report. 2023. Vol. 2. P. 6–18.
17. Bao Khac Quoc, Nguyen Bao To. US-Russia geopolitical risk and corporate cybersecurity risk: Evidence from 10-K reports // Computer Science. 2021. Vol. 4. P. 58–69.
18. Nikiporets-Takigawa G., Buchnevb T.V. Methodological Problems Concerning Concept's Formation of the National Cybersecurity in the Russian Federation // Humanities and Social Sciences Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12 (1). P. 70–74.
19. Pačková Pavlíkova M. Russian Active Measures in Cyberspace through the Lens of Security Sectors // Politické vedy. 2023. Vol. 25(4). P. 55–61.
20. Paudel S. A Study on Russian Cyberwarfare Capabilities and Approach towards Cybersecurity. — URL: https://www.researchgate.net/publication/361420683_A_Study_on_Russian_Cyberwarfare_Capabilities_and_Approach_towards_Cybersecurity (accessed: 16.05.2024).
21. Pembecioglu N. Pandect Law in media culture: Snowpiercer analysis. Interciencia. 2023. Vol. 4. P. 34–59.
22. Sempa F.P. US security strategies from the Cold War to the 21st Century. 2nd Edition. 2022. P. 78–112.
23. Shallcross N.J. Social Media and Information Operations in the 21st Century // Journal of Information Warfare. 2017. Vol. 16. No 1. P. 8–10.
24. United States government. Office of Security. — URL: <https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security> (accessed: 12.02.2024).
25. White House. National Cybersecurity Strategy Implementation Plan. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/05/National-Cybersecurity-Strategy-Implementation-Plan-Version-2.pdf> (accessed: 12.02.2024).

ГАЛАМСЕЙ: ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ГАНЕ

GALAMSEY: FORMAL AND INFORMAL FIGHT OF POLITICAL ELITES IN GHANA

Абонго Машоод Жакоб АЖЕНЕ

Исследовательский центр Африка-Россия, Аккра, Гана,
abongomashood@yahoo.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3593-7082>

Сэмюэл АДАМС

Ганский институт менеджмента и государственного управления, Аккра, Гана,
sadams@gimpa.edu.gh

Информация об авторах

А.М.Ж. Ажене — директор Исследовательского центра Африка — Россия

С. Адамс — преподаватель Ганского института менеджмента и государственного управления

Аннотация. Это исследование раскрывает причины роста масштабов незаконной мелкомасштабной добычи полезных ископаемых (галамсей) в Гане и объясняет, почему, несмотря на многочисленные нормативные акты, обеспечивающие борьбу с этим явлением, они дают неоптимальные результаты. Исследование направлено на изучение роли политических элит в борьбе с незаконной мелкомасштабной добычей полезных ископаемых в Гане. Сегодня Гана сталкивается с антропогенным разрушением окружающей среды в поисках «красных денег» (Sika kokoo). Существует множество заявлений о том, что к 2030 г. Гане придется импортировать воду.

Цель исследования — выявить и проанализировать влияние политической элиты на борьбу с незаконной добычей полезных ископаемых в Гане. Эти результаты бросают вызов правительству и оппозиционным партиям, которые обеспокоены эффективным управлением природными ресурсами. Как показывает анализ, политические элиты с обеих сторон подрывают краткосрочную и долгосрочную политику, которая позволит эффективно управлять последствиями незаконной добычи полезных ископаемых. Политическая элита

- глубоко вовлечена в горнодобывающую отрасль и область,
- дает большей властью, чем землевладельцы (вождества),
- что подрывает борьбу правительства с галамсей в Гане.
- Сделан вывод о том, что политическая синхронность и коррупция привели к бурному развитию мелкомасштабной горнодобывающей промышленности в Гане.
- Ключевые слова: политические элиты, окружающая среда, добыча полезных ископаемых, вождество, теория концессий
- Для цитирования: Ажене А.М.Ж., Адамс С. Галамсей: формальная и неформальная борьба политических элит в Гане // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52. № 1. С. 45–55; DOI: 10.17323/tis.2025.24883

• Abongo Mashood Jacob AJENE

Africa Russia Research Center, Accra, Ghana,
abongomashood@yahoo.com,
<https://orcid.org/0000-0003-3593-7082>

• Samuel ADAMS

Ghana Institute of Management and Public Administration, Accra, Ghana,
sadams@gimpa.edu.gh

Information about the authors

Ajene A.M.J. — director of the Africa Russia Research

• Center

Adamc S. — lecturer of the Ghana Institute of Management and Public Administration

- Abstract. This research unravels the determinants of the rise of illegal small-scale mining in Ghana and why in spite of the many regulations to make it functional, it is producing sub-optimal results. The study seeks to examine

the role of political elites in the fight against galamsey in Ghana. Today Ghana is faced with man-made destruction of the environment in search of red money (Sika kokoo). How did we get here? There are many claims that by 2030 Ghana will have to import water. The research seeks to highlight and analyse the influence of political elites in the fight against illegal mining in Ghana. These findings challenge government and opposition parties who are both concerned about the effective management of minerals and environmental resources. As the analyses reveal, political elites in both political angles are undermining short and long-term policies that will effectively manage the effect of illegal mining. The political elites are deeply involved and more powerful in the area of mining than the landowners (chiefdoms), undermining the government's fight against galamsey in Ghana. The paper concludes that political leniency and corruption have resulted in a booming small-scale mining in Ghana.

Keywords: political elites, environment, mining, chiefdoms, concession theory

For citation: Ajene A.M.J., Adams S. Galamsey: Formal and Informal Fight of Political Elites in Ghana // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1) P. 45–55; DOI: 10.17323/tis.2025.24883

-
-
-
-
-
-

INTRODUCTION

- Illegal mining (galamsey) has become a notorious issue in Ghana, to the extent that key stakeholders including government, local elders, chiefdoms and policy makers cannot find a solution to the problem. Galamsey which comes from the English words, gather them and sell, but the locals who are mostly uneducated could not pronounce the name well so they romanced the name galamsey (gather them and sell). The mining sector has been the pillar of Ghana's development for over 200 years. Agriculture and mining may well have been the first and second, respectively, of humankind's earliest endeavours, as the two are considered "the primary or basic industries of early civilization" (Hartman & Mutmansky, 2002: 1). Alhassan (2014) and Ampaw et al. (2024), have argued that the mining industry has played an important part in human existence since prehistoric times. Likewise, Ampaw et al. (2023) aver that in most developing countries where there are no fuel deposits, mining has been the mainstay of their economies and in Ghana mining attracts about 50% of its FDI. Indeed, Ayelazuno and Aziabah (2023) have noted that small-scale mining used to be the time-honoured and environmentally friendly employment and revenue generating activity of rural communities. Afriyie et al. (2023) explain that galamsey provides livelihood support base of such communities, providing jobs and incomes to many households. Afriyie et al. (2016) also opine that these benefits are often overlooked in public and academic discourses.

Declining agricultural fortunes have triggered income diversification efforts among most rural dwellers in Africa seeking to meet daily needs. However, in recent times the mining sector has received severe public criticism due to its inability to effect appropriate socio-economic change; and the consequential destruction of the environment in terms of massive degradation of land, trees and water resources. While the need to limit this threat has become critical, the attempts have failed to deliver the expected benefits (Asori et al., 2023; Bad-dianaah et al., 2022; Tease et al., 2023). It is worthy mentioning that in the last four decades, many legislations have been promulgated to formalize small scale mining and make it more functional, including but not limited to The Small-Scale Gold Mining Law, The Mercury Law,

The Precious Minerals and Marketing Corporation Law and the Prestea Action Plan (Hilson, 2001:21). These laws and regulations were expected to help promote sustainable development (Ayee, 2003). Surprisingly, Afriyie et al. (2023) have argued that Galamsey operations are partly the result of policy failures and they offer miners and others a range of social and economic benefits.

Many studies also suggest that the reforms of the 1980s to revitalize the economies of many developing countries contributed in no small measure to the rising trend in galamsey activities. Antwi-Boateng and Akudugu (2021) explain that the retrenchment of many trained miners following the Structural Adjustment Programmes (SAPs) introduced in the 1980s made the situation worse, as many of them resorted to small-scale extraction of these natural resources, particularly gold, giving rise to illegal mining activities. Obviously, the benefits of galamsey cannot be understated but so are the negative effects in terms of the damage to water bodies and forests. It is estimated that about 25% of water resources ravaged by galamsey activities and more importantly around 50 % use it for the purpose of supplying drinking water (Nti et al., 2024; United Nations, 2022, 2023). Apart from the environmental havoc, galamsey poses significant human health risks, physical injury, loss of arable land, booming sex trade, conflict and other security challenges (Tease et al., 2023; Nyantakyi-Frimpong et al., 2023; Tejan-Sie, 2020; Boadi et al., 2024).

Ghana is believed to be the epicentre of illegal gold mining (IGM) in the world. In many developing countries, local societies participate in artisanal and small-scale mining operations due to the high-poverty rates (Baddinaah et al., 2022). The authors suggest that there are 13 million miners working today worldwide, and an average of 90 million people is indirectly dependent on ASM activities, with the majority in Sub-Saharan Africa (SSA). Wongnaa et al. (2024) have also reported about 20 million ASM with another 100 beneficiaries and another 10 million indirect employment. The ASM activities have gained roots and currently, about 1 million Ghanaians are directly employed in the sector, and also provide additional indirect jobs for over one million people. ASM accounted for 83 % of Ghana's diamond production and 9.5 % of its gold production. It is not surprising therefore that ASM is ravaging Ghana's ecological health with catastrophic consequences as it gathers steam year by year (Ampaw et al., 2024). In discussing the health effects, Boadi et al. (2024) argue that because most of galamsey activities occur at the periphery of the Ghana Health system, it has been difficult to get accurate data.

In Ghana, galamsey refers simple to the practice of illicitly mining or extracting gold found either at or below soil and water surface in Ghana. It is an illegal or unreg-

ulated form of artisanal small scale gold mining (ASM) and could either be in a stand-alone mining mode, a stand-alone processing or gold extraction mode or in a simultaneous mining and processing fashion. Galamsey is illegal because operators work without regulatory approvals (from either the Ghana Minerals Commission, Environmental Protection Agency, Water Resources Commission, Forestry Commission or the host Municipal Assembly) (Owusu-Nimo et al., 2018). The discussion of galamsey has come to the forefront because the survival of the next generation is endangered through the destruction of farmland and water bodies. This is even more pertinent when one considers the fact that arable lands have been converted into artisanal small-scale mining (galamsey) sites, which means that food crop production now competes with mining activities for land and labour. Darko et al. (2023), for example, revealed that galamsey had resulted in an increase in total suspended solids (TSS), turbidity and colour of the Pra river. Similarly, Nyantakyi-Frimpong et al. (2023) have reported that galamsey has resulted in degradation of, otherwise, fertile agricultural land, and contamination of freshwater sources leading to reduced cultivable land, crop production, and essential staple foods. Likewise, Bonah and Bellford (2022) show that the direct and indirect discharge of mining waste have resulted in disturbances in soil geochemistry evident in high degrees of contamination by mercury and arsenic. On the other hand, it has led to an increase in food prices and increased consumption of ultra-processed foods.

The government of Ghana has tried to deal with the problem of galamsey through many policy and governance reforms, however, the reforms have not yielded the desired results. Asori et al. (2023), for example, have observed that the mining industry in Ghana faces difficulties in translating governance processes and procedures from paper to successful practice. The small-scale mining legislation of 1989, which was later changed under the 2006 Minerals and Mining Act (Act 703), aimed to regulate small-scale mining operations in Ghana. However, despite several institutional and regulatory reforms enacted since 1989, the mining industry continues to be plagued by allegations of corruption and shady activities (Crawford & Botchwey, 2016, 2017; Yeboah, 2023).

The big question is why the galamsey menace continues in spite of the many policy initiatives employed to deal with the issue. How is the nexus between the informal and formal agencies affecting the galamsey activities? Is there any role for politics in the galamsey fight? This study contributes to the extant literature in answering these questions. Obviously, with a projected total gold reserve of 1,000 tonnes US Geological Survey (USGS,

2022), it is important to leverage its benefits and minimise negative tendencies from its extraction. Additionally, the study contributes to the literature that is suggestive of the fact that the discussion of the menace cannot be discussed without a consideration of the political environment in which it occurs.

In the sections that follow, the literature is presented after which the methodology is described, results are discussed and conclusions and policy implications offered.

LITERATURE REVIEW

This section presents a brief review of the theoretical foundation and empirical studies related to the study

Many theoretical arguments have been used to explain the persistence of the galamsey problem in Ghana, including political settlement theory, deep state theory, access theory, concession theory and stakeholder theory. In this paper, we discuss two of the most popular theories (political ecology and political settlement). The political ecology theory seeks to explain the complex relations between environment and social institutional lives by a critical analysis of the different means of access and control over environmental resources (Kiranmayi Bhushi). In effect, political ecology emphasizes the conflict over resources by stakeholders and how this affects their development. In other words, the political perspective seeks to answer questions like what are the causes of environmental degradation, who are the losers and beneficiaries, how do the sociocultural and political dynamics impact on the livelihoods of the community? Basically, the political ecology theory asks questions of whether interactions between humans and their environment are devoid of politics? In other words, political ecology highlights the politics of environmental change. Accordingly, political ecology rejects the view that the galamsey problem can be considered different; (scholars like Dianne Rocheleau, Arturo Escobar, Richard Peet, Piers Blaikie, Bunyan Bryant, Eric Wolf, Johnston Barbara etc. have contributed to its intellectual foundations and established the tradition of political ecology examining the relationships social power and functioning of ecologies) as a mere economic or socio technical issue to be addressed by scientific and technical fixes. In sum, Political Ecologists stress that there is ecology of politics and a politics of ecology (Kiranmayi Bhushi). The former refers to central role that natural resources—their distribution, allocation, and extraction — play in shaping the nature of political and social institutions within a society. Ecological conditions influence, the development of social structures and institutions, by imposing challenges and opportunities for meeting basic needs. Moreover, ecology is political. The central theme of political ecolo-

gy therefore, is power and how it is distributed in a community or society, which means that a discussion of the environment cannot be done devoid of politics.

According to Svarstad, Overå, and Benjaminsen (2018, p. 351), political ecology focuses on the varied uses of power and how they affect access to natural resources. Newmann (2009) explains that in political ecology, property rights are viewed as an expression of the social relations of production, forged in specific places in specific political-economic contexts and embedded in locally generated meanings of land and resources. In effect, political ecology highlights the significance of wider economic, political structures as well as cultural discourses in shaping the way people are related to environmental conditions. This is to suggest that the field of political ecology rests on the dynamic relationship between power relations and the social relations such that it plays a critical role in not just shaping our environment but also in how we respond to the changing environment. Boateng (2023) explains the concept of power from two main perspectives - the empiricist and the realist. Ordinarily, empiricism is the philosophical belief that knowledge comes primarily from sensory experience, while realism is the belief that reality exists independently of the perception of it. The empiricist view of power is seen as power as constraint such that Power is exercised to constrain the actions or possible actions of (Bachrach & Baratz, 1970). Bachrach and Baratz (1970) suggest that non decision-making is a means of identifying certain areas of community power neglected by reputational and issue analysis approaches. However, they also argue that the concept of nondecision has not been shaped into a useful analytic tool, and does not make any demands which cannot be met by decision-making analysis. In natural resource management, this means powerful individuals and institutions limit the inputs by other stakeholders in decision-making that may be contrary to their personal gains (Boateng, 2023). The realist, on the other hand, sees power as discursive, which is an indication that powerful individuals exercise power through the establishment of discourses on issues and narratives on the use of specific resource in ways that are suitable to themselves. Government, for example, can influence citizens to act in accordance with policies through coercion. As explained by Boateng (2023), the realist view is based on identifying enduring structural preconditions that shape contingent human interaction. The realist view therefore provides a synergy between the agent/structure dualism and argues that both depend on each other. These ideas are supportive of Ayelazuno and Mawuko-Yevugah's (2019) assertion that harmful impacts of mining on the ecology of Ghana are neither class-neutral nor free of politics. This they argued

could be described as ecological imperialism, which implies that galamsey is embedded in power structures and relations, in which the interest of the ruling class is supreme. An example, they claim can be seen in policies that directly or indirectly biases toward foreign mining companies at the expense of small scale Ghanaian miners. Similarly, Boateng (2023) claims that galamsey activities are characterized by traditional patrimonial rule with legal-rational bureaucracy and is marked by clientelism, a network of patron-client relationships that uses state power and resources to generate loyalty. These observations are not new because nearly two centuries ago, Tocqueville did suggest that modern democratic power does not reside in a centralized sovereign authority but it is exhibited as a diffuse social force. Robbins (2011) makes a similar claim that modern experience of democracy shows power as a social, cultural, and political force transforming the nature of sovereign power and political authority. That is, Robbins idea of power is contrary to the modern liberal view of power that operates in a neutral public space and offers a more contemporary assumption of power being fully embedded in the social, cultural and political aspirations of society.

The ideas discussed above are consistent with the political settlement theory, which suggests that a settlement emerges when the distribution of benefits supported by its institutions is consistent with the distribution of power in society, and the economic and political outcomes of these institutions are sustainable over time (Khan, 2010; 2018). This distribution of power across organizations is typically relatively stable and reproduced over time, even though incremental and sometimes disruptive changes in the distribution of power can take place. This might explain why the galamsey problem has been pervasive. According to Baddianaah et al. (2022), political settlement refers to the forging of a common understanding, usually between political elites, that their best interests or beliefs are served through acquiescence to a framework for administering political power" (Di John & Putzel, 2009:4). Similarly, Frederiksen (2019) avers that political settlements helps to explain a wide range of integrated, but a complex way of understanding the impact of politics, power, and institutional arrangements. He suggests that when exposed to an alternative political dynamism and motivations, these same institutional arrangements will automatically yield varied economic and developmental consequences. Laws and Leftwich's (2014:1) observation is worth reiterating here as it describes political settlement as the formal and informal processes, agreements, and practices that help consolidate politics, rather than violence, as a means for dealing with disagreements about interests and resources. Institutions are defined in the New Institutional Econom-

ics as rules that emerge to solve particular 'transaction' problems. Transactions can broadly describe any social interaction, and rules emerge to govern these interactions, usually with the aim of achieving better results. This is why we have rules for regulating traffic flows to enable faster and safer journeys, rules for organizing firms to clarify who does what, rules for making political decisions about taxing and spending, or rules for organizing the many transactions involved in making long-term investments. However, it soon became clear that the solution to any specific transaction problem depended not only on the specific technical problems and the characteristics of the transacting parties, but also on the broader social context in which the transaction was embedded. The latter determined, amongst other things, the probability that particular rules would be adhered to or enforced. However, the social context is complex, and there were soon many debates on the ways in which the social context mattered, and the most important characteristics of the social context that needed to be captured in an analytical frame to enable institutional analysis to be more useful. This was clearly not just an analytical question but also one of how to interpret complex historical evidence.

The institutional literature began to provide a variety of answers to the growing evidence about the confusing effects of institutions. In particular, the literature began to look seriously at how cultures, norms and enforcement capabilities of governance agencies affected the choice and effectiveness of particular institutions. The political settlements framework emerged as a critique of approaches that ignored the conflictual aspects of institutions and the conflictual nature of the social transformations that development entailed. It used historical evidence to argue that the distribution of power across organizations affected by particular institutions was usually the most important determinant of the path of institutional change, and the effectiveness of particular institutions. Organizations are groups of individuals who work together in structured ways and are subject to the rules of interaction set by institutions in their transactions with other individuals or organizations. Organizations have internal rules that define their internal interactions, so there are institutions within organizations. The state is a set of organizations that operate under rules that are more or less effective in different contexts, and governance agencies like the police or courts are also organizations. Significant institutional changes are typically not preceded by cultural or normative changes in a society, or autonomous changes in the enforcement capabilities of governance agencies. Rather these changes are typically driven by changes in the distribution of power across relevant organizations, as a result of new

political mobilizations, new technologies and economic opportunities, or external shocks. Ideologies, leaderships and external conditions can all play an important role in these mobilizations, but the sustainability of the institutions that emerge depends on whether the changes in the distribution of power required for their effective operation had already come about, or could be brought about as a result of ongoing mobilizations.

The determinants of the fluidity or rigidity of organizational power therefore plays a critical role in the political settlements analysis. The distribution of organizational power can therefore determine the institutions and policies that are likely to persist as well as the ones most likely to be developmental in that context.

Gafaru (2017) has also reported that politics is deeply embedded in the ASM sector of Ghana to the extent that any anti-galamsey crusade that fails to tackle the political drivers of the problem is unlikely to succeed. A related study by Boafo et al. (2019) alluded to the fact that there exist wide disparities between formal institutions at the national level and traditional authorities in governing the ASM sector of Ghana. Similarly, the nefarious engagement of traditional rulers in facilitating ASM activities is highlighted by Botchwey and Crawford (2018). Moreover, a large body of scholarship has come to a point of convergence that the illegal mining activities are spreading in Ghana because of political interference (Crawford & Botchwey, 2017a; Hilson, 2017; Botchwey & Crawford, 2018; Boafo et al., 2019) as opposed to weak institutional framework mostly reported by other scholars (Debrah et al., 2014; Bansah et al., 2016; Boadi et al., 2016). On the other hand, Asori et al. (2023) argue that the deep-seated linkages between different power actors such as politicians and chiefs/kings are the driving forces thwarting the fight against the menace. Likewise, Gray (2019) contributed to the discussion on political settlement and argue that the main theoretical building blocks of the political settlement framework are institutions, power, and rents. There are key differences within the literature between research that conceptualizes political settlement as action and political settlement conceptualized as a process. In understanding political settlement as process, a political settlement is conceptualized as a stable political order that has not necessarily been planned or consciously willed by different social groups.

In recent times, constructive criticisms from the public have rejuvenated the fight against galamsey, however, the modalities of the fight and socio-political power relations have jointly militated against the effectiveness of the fight. Ocquaye (2023) makes a similar argument in the assertion that the persistence of illegal Chinese mining in Ghana is a result of a collaborative effort between

some local patrons in Ghana and some Chinese. The persistence of illegal Chinese mining is also at the core, a partnership between ‘comrades in need’ (local patrons) and ‘comrades with power’ (illegal Chinese gold miners) to primarily satisfy economic motives. Additionally, the paper builds on insights from a previous publication (Alden & Ocquaye, 2021) to argue that local patrons are key to the successful absorption of the Chinese into the political economy of illegal mining in Ghana.

Antwi-Boateng Akudugu (2021) provide evidence in support of Gary’s findings when they reported that at the forefront of the galamsey activities are rent seeking elites, though structural factors such as population growth and unemployment also matter in explaining the incidence of galamsey. More important, they report that low barriers to entry, political corruption and institutional inadequacies are additional factors. In the end, the study concludes that most illegal small-scale mining communities are characterized by increased rent-seeking activities by diverse stakeholders particularly the elites, poor investments in human capital development, and weak institutional structures and processes. Accordingly, this directs our attention to the importance of accurately identifying the relative power and capabilities of relevant organizations that describe a particular political settlement and how these may be changing over time. These issues make this study pertinent. The purpose of the study is to examine the drivers of galamsey and in particular, the role of political and economic elites and local agents in the galamsey trade in Ghana. The methodology for the collection of data to achieve the research objectives is described next Methodology.

The study was taking across the country the total number of interviews contacted were 125 key stakeholders, from three towns in Ghana — Obuasi in the Ashanti region, Bolgatanga in the Upper East Region and Tarkwain the Western Region. Primary data was collected from interviews and field work observation; secondary data was obtained through existing literature. Focus group discussions were conducted in Obuasi with 10 people and another focus group of discussions in Bolgatanga with 15 people. The total number of interviewees was 125 as stated earlier, in Eastern Region, there were 20 interviews, Western Region 10 interviewees were **interviewed**, Ashanti region 50 interviewees, Central Region 25 interviewees, and Ministry of Interior, Ministry of Mines, minerals commission and Ministry of Defence in Greater Accra 10 interviewees were **interviewed**. The data obtained was analysed and presented.

It will be good to have a table to show how many from each region. Check to be sure it is three or four regions.

Region	Number of respondent
Ashanti	50
Central	25
Eastern	20
Greater Accra	10
Upper East	10
Western	10
Total	125

RESULTS AND DISCUSSION

The data collected were grouped and presented to highlight the key issues of the research.

WHY ARE GHANAIANS INVOLVED IN GALAMSEY?

Ghanaians involved in illegal mining (galamsey) can be classified into two, either as an individual self-employed, who goes to the forest with simple tools to dig or in search for gold and the second class is made up of normal labourers who are contracted to work for a daily wage. Generally, the two groups of people work at galamsey sites without knowing the negative effects they are doing to the environment. One key respondent in the mining sector who sells and supplies mining equipment at Tarkwa responded:

"illegal mining is an industry for the big men, the small guys they go around chasing don't even have money to feed themselves not to talk about buying mining equipment, the big men who are into this business and they are aware of the destruction to the environment yet they are free from arrest. To end galamsey, a white person from outside Ghana should be contracted to fight against galamsey, the white man has integrity to fight galamsey without compromise, and the white will go for the big men without compromise." The political elites and political actors are sponsoring illegal mining activities. They are hiding their faces in the political parties either by sponsoring the political parties or occupying political office that they are able to corrupt porous mining rules.

DO POLITICAL ELITES INFLUENCE THE FIGHT AGAINST GALAMSEY?

Politicians in Galamsey Activities

Ghana is a democratic nation that elects political leaders to manage the country's resources. This means that anything happening in the country whether it is good or bad must be associated with political leaders or the government in power. It is general knowledge that getting a mining licence, getting a mining equipment, and even the appointment of the heads of institutions regulating the mining activities are all political processes. For

example, the mining equipment that the Chinese bring for their work or sell to miners, for mining activities go through our borders, so the question is: why nothing is done about the importation of these equipment? One respondent at a galamsey site made a point that:

"all the heavy duty mining equipment are for the political elites who will never be arrested, boss look I only come here to get my daily bread, yet if the soldiers come here they are going to arrest me and they will end up beating me or detaining me, yet I don't even have money to buy a tire of an excavator. So you see how unfair the situation is to the poor, they should rather go and find out who is responsible for the mining and arrest him and all the mining we are employed to do here will stop. That is why I say people with power and money are into this galamsey business but not we the labourers". Almost all the people who answered the research question said the same thing: that people with money and power are actively involved in the galamsey business. It is obvious that they are politicians or have links with the government in powers who are actively involved in galamsey business.

These things have been made possible because the economic elites have political networks that enable them to get mining licences either for mining or for prospecting, especially when the party they are affiliated to is in power and then they can sell their licenses to higher bidders (mostly Chinese). Since a foreigner is not allowed to do small-scale mining, a Ghanaian citizen will take the licence and lease it to the foreigner to work without recourse to protecting the environment. The influence of the political elites can be seen in the statement of one of the chiefs in a mining community: "when we arrest the illegal miners, especially the Chinese, the court and the police will allow them to come back to the mining site again and when you ask why they did not punish them, they will say the people they work with gave them a court bail. So you see the people with money and power will not allow them to face the laws of Ghana." Well it is obvious that it is the political elites that will do that and I know the system in Ghana here with regards to arrest and court proceedings and how politicians can manipulate the system."

These observations are seen especially when a new party comes to power such that you will see that new people or bosses begin to dominate the galamsey activities. Thus, the local party sponsors change to allow the new party that is in power to control the galamsey activities and consequently allow the process of destruction of the environment. So it is clear that both political parties

promote galamsey activities of their party affiliates or supporters and therefore, making it difficult to stop the galamsey activities. The observed responses to galamsey are consistent with the political ecology and political settlement principles which are indicative of the dynamic relationship between power relations and the social relations, which play a critical role in not just shaping the environment but also in the response to the changing environment (Boateng, 2023; Syarstad et al., 2018). As Ayelazuno and Mawuko-Yevugah's (2019) have explained, the harmful impacts of mining on the ecology of Ghana are neither class-neutral nor free of politics.

In support of these arguments, one party executive of the National Democratic Congress NDC (opposition party) stated that:

“We have the constituency chairman leading a group of foreign and local people who want to do small-scale mining which is legally right, but as soon as they start working they begin to be doing the wrong things. The people involved are members of the ruling political party or constituency executives that lead them to the community. They make sure that they protect the people who destroy the environment for money and therefore the galamsey activities continue.”

THE INVOLVEMENT OF THE POLITICAL ELITES IN THE FIGHT AGAINST ILLEGAL MINING

The involvement of political elites has been an issue of interest for some time now in Ghana.

A renowned journalist who is in the forefront of the fight against illegal mining has stated that:

“They (political elites) can with the snap of a finger stop galamsey if they want to, but unfortunately they are the ones doing it.”

This statement is an indication that galamsey can easily be stopped if there is a willingness by the elites to stop it. But the question is whether it can easily be done? The political elites can stop the galamsey with just a step, but they are rather involved, an indication that we cannot succeed in the fight against galamsey. The fact is that because politicians are involved in galamsey it will only make it worse rather than finding solutions to the problem.

Another respondent (a security officer) claimed that:

“we follow orders from our superiors, and you also know and understand that our superiors follow orders from the minister or whoever is in power, so if they say go and guide this mining company I cannot

complain I just have go so that I do not lose my work and suffer the consequences”.

What is driving the galamsey activities is obviously desire to get rich. Beneficiaries of galamsey are willing to do anything to get money. On the other hand, Hilson (2017) explains that in the fight against galamsey, some analysts ignore the underlying reality that small-scale mining developments affect livelihoods well beyond the village to include sponsors of such activities who are city dwellers and mostly powerful elites. These elites have the resources to influence the chiefs and community members, in particular the youth the get land for illegal mining. This supports the view of Ayambire et al. (2024) that understanding the galamsey problem requires an appreciation of the complexity of socio-economic, socio-political, and power dynamics within mining-affected communities. One respondent (a politician) intimated that:

“People will do anything to get money, they don't care about the masses. The political elites are aware of their actions but what they need is to make money, all they will do is to destroy the environment to get the money.”

Those who are employed to protect the public interest rather become agents that help to protect the self-interest of those who are supposed to promote policies that ensure the good of all. So instead of promoting the public good and ensuring democratic governance, the political elites directly and/or indirectly help create a system of “one dollar one vote” which is against the tenets of one man one vote. In the end, the galamsey activities do not only destroy the environment but could deepen poverty and income inequality as the poor become poorer and rich get richer. *These findings are supportive of the foreword of the Natural Resource Governance Index (NRGI) report, where the President and CEO (Mr. Suneeta Kaimal stated that:*

Decisions about how the oil, gas and mining sectors are governed determine the wellbeing of the billion people living in poverty in resource-rich countries. Where policies and practices ensure informed, inclusive and accountable decision making, natural resources can enable fair, prosperous and sustainable societies, rather than undermine them. The implication is that if we will all win is political win for all of us. The big question is: will politics win for us or for the elites?

Even more important is the question of whether galamsey can be stopped? Yes, if politics will be for

the good of people and not just economic and political elites. This will however need the collective decision by all,” to see the dangers of galamsey and consequently the commitment by all stakeholders to take concrete and decisive steps to put a halt to the degradation of the environment. The all here means that government must create the enabling environment for citizens or community members, local authority (chiefs), and the economic and political elites to not only appreciate the dangers of galamsey but to take the necessary actions to prevent further environmental degradation and health hazards associated with it.

CONCLUSIONS

The research paper analysed and identified the influence by political elites in the fight against galamsey. The results of the study indicate that economic motivations are the key determinants of galamsey. The impact of galamsey ranges from water body pollution, harmful chemical exposure, or children choosing gold mining over education, among others. These findings indicate that short-term financial benefits at the expense of long term harm to the community, its residents, and overall development.

The results of the study suggest that the galamsey problem is multifaceted and cannot be resolved by any one party, which is calls a multifaceted approach based on stakeholders' commitment to deal with the problem. This means that there should be a thorough engagement and inclusive stakeholders' participation in the policy design and implementation of the strategies to deal with the galamsey canker. For example, the owners of small scale mining in each district could form one unit location that they can build a sump and this sump should have an artificial dam, which will be the only location that small-scale miners can wash the sand to extract the gold. The Minerals Commission and Forestry Commission with oversight responsibility of the Chiefs and elders in the community should be encouraged and empowered to play their roles in the protection of the environment.

Further, the Chiefs as the custodians of the land are strategically placed to help combat the galamsey menace and therefore they should be incentivized with government support for their communities to encourage them to be active agents of development. This could be complemented by the collaboration with the security services such that offenders are punished when community laws are violated. There should be the political will and commitment so that the laws of the land are applied fairly to all without fear or favor.

Further scientific research conducted could better uncover the research questions posed in this study with

deeper analysis of the relationship between the political elites, political actors, chiefdoms, media and mining policy development.

REFERENCE

- Abdulai A.-G. (2023). Political Settlement Dynamics and the Emergence and Decline of Bureaucratic Pockets of Effectiveness in Ghana. *Pockets of Effectiveness and the Politics of State-building and Development in Africa*.
- Abdulai A.-G. (2017). The Galamsey Menace in Ghana: A Political Problem Requiring Political Solutions. — URL: <http://www.effective-states.org/working-paper-78/>
- Abdulai A.-G. (2017). 'Competitive Clientelism and the Political Economy of Mining in Ghana'. ESID Working Paper No. 78, Manchester: The University of Manchester.
- Ackah D. (2017). The Negative Effect of Legal Mining (Gather Them and Sell) in Ghana Project Management Scientific Journal (<https://damaacademia.com/pmsj/>) Vol. 1, Issue 4, P. 19–25, April 2019. Published by: Dama Academic Scholarly & Scientific Research Society (www.damaacademia.com)
- Afryie K., Ganle J. K., Adomako A.A. (2016). 'The Good in Evil: A Discourse Analysis of The Galamsey Industry in Ghana'. Oxford Development Studies 44(4): 493–508.
- Afriyie K., Abass K., Frempong F., Arthur B., & Gyasi R.M. (2023). The Dynamics and Livelihood Implications of Illegal Mining in Ghana: A Critical Assessment // Geographical Research Vol. 61(1). P. 32–43.
- Ajene A.M.J. (2009). The Effect of Illegal Mining on the Youth in Obuasi // Research work submitted in fulfilment of Diploma in Youth in Development in Work.
- Akyeampong E. & Xu L. (2023). Chinese Technology and The Transformation of The Economy in Ghana: Evidence from Galamsey in The Ashanti and Savannah Regions // African Affairs. Vol. 122(488). P. 329–351.
- Alhassan I.A. (2014). Galamsey and the Making of a Deep State in Ghana: Implications for National Security and Development // Research on Humanities and Social Sciences. Vol. 4(16), P. 47–56.
- Ampaw E.M., Chai J., Jiang Y., Dumor K., Edem A.K. (2023). Why is Ghana Losing the War Against Illegal Gold Mining (Galamsey)? An artificial Neural Network-Based investigations. Environmental Science and Pollution Research, 1-23.
- Amoako K.O., Amoako I.O., Tuffour J., Naab G.Z., Owiredu-Ghorman K. (2023). Challenges of Sustainability Practices: Evidence From a Gold Mining Multinational Enterprise in Ghana // Contextualising African Studies: Challenges and the Way Forward (P. 53–78). Emerald Publishing Limited.
- Antwi-Boateng O., Akudugu M. (2021). Movers, Motives, and Impact of Illegal Small-Scale Mining: A Case Study

- in Ghana // Perspectives on Global Development and Technology. Vol. 20(4). P. 402–424.
- Aryee B.N.A., Ntibery, Atorkui B.K.E. (2003). Trends in The Small-Scale Mining of Precious Minerals in Ghana: a Perspective on Its Environmental Impact // J. Clean. Prod. Vol. 11. P. 131 – 140. URL: <http://www.ddiglobal.org/login/resources/trends-in-the-small-scale-mining-of-precious-minerals.pdf>
- Asabere P.K. (1981). The price of urban land in a chiefdom: empirical evidence on a traditional African city, Kumasi // Journal of Regional Science. Vol. 21(4). P. 529–539.
- Aubynn A. (2009). 'Sustainable Solution or A Marriage of Inconvenience? The Coexistence of Large-Scale Mining and Artisanal and Small-Scale Mining on the Abosso Goldfields Concession in Western Ghana' // Resources Policy. Vol. 34. P. 64–70.
- Ackah D (2017). The Negative Effect of Legal Mining (Gather Them and Sell) in Ghana
- Asori M., Mpobi R.K.J., Morgan A.K. et al. Is Illegal Mining Socio-Politically Entrenched? An Opinion Piece of The Interaction Between Formal Politics and Chief Dominance in Mineral Governance, and its Influence on Fighting Galamsey in Ghana. GeoJournal 88, 1953–1963 (2023). — URL: <https://doi.org/10.1007/s10708-022-10725-1>
- Ayambire R.A., Nunbogu A.M., Cobbinah P.B., Kansanga M.M., Pittman J., Dogoli M.A. (2024). Constructing Alternative Interpretation: Embeddedness of Illegality in Small-Scale Mining // The Extractive Industries and Society. Vol. 17. P. 101–430.
- Ayelazuno J.A., Mawuko-Yevugah L. (2019). Large-Scale Mining and Ecological Imperialism in Africa: The Politics of Mining and Conservation of The Ecology in Ghana // Journal of Political Ecology. Vol. 26(1). P. 243–262.
- Bebbtong A et al. (2018). 'Competitive Clientelism and The Political Economy of Mining in Ghana'. — URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820932.0003.000>
- Blocher J. (2006). Building on Custom Land Tenure Policy and Economic Development in Ghana.. — URL: <https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/Law-Journals/blocher.pdf>
- Boateng B. (2023). The role of Collaboration in dealing with Ankobra River Pollution: Investigating the Power Structures Responsible for The Pollution in Adelekezo and Eziome, Western Region of Ghana (Master's Thesis, NTNU).
- Crawford G., Agyeyoman G., Botchwey G., Mba A. (2015). The Impact of Chinese Involvement in Small-Scale Gold Mining in Ghana. — URL: <https://www.theigc.org/sites/default/files/2016/08/Crawford-et-al-2015-Final-Report-1.pdf>
- Ghana Business News. — URL: <https://www.ghanabusinessnews.com/2023/06/12/military-operation-on-galamsey-very-ineffective-csir/>
- Gray H. (2019). Understanding and Deploying the Political Settlement Framework in Africa // Oxford Research Encyclopedia of Politics.
- Hilson G., Yakovleva N., Banchirigah S.M. (2007). To Move or not to Move': Reflections On The Resettlement of Artisanal Miners in the Western Region of Ghana.
- Kelsall T. (2018). Towards a universal political settlement concept: A Response to Mushtaq Khan. African Affairs. Vol. 117(469). P. 656–669.
- Khan M.H. (2018). Political Settlements and The Analysis of Institutions // African Affairs. Vol. 117(469). P. 636–655.
- Kpienbaareh D., Kansanga M.M., Konkor I., Luginaah I. (2021). The Rise of The Fourth Estate: The Media, Environmental Policy, and The Fight Against Illegal Mining in Ghana // Environmental Communication. Vol. 15(1). P. 69–84.
- Ocquaye N. (2023). Explaining the Persistence of Illegal Chinese Mining in Ghana: The Efficacious Role of Local Patrons. LSE Global South Unit Working Paper Series Vol. 9 No. 1 (2023).
- Ofosu-Peasah G. (2021). CSO and Media Contributions to the Fight Against Corruption in Ghana's Extractive Sector: A Political Economy Analysis. Star Ghana Foundation Political Economy Series.
- Otoo J. (2021). Understanding Discourse on the Galamseyer in Ghana. A Quantitative Content Frame Analysis. — URL: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/41765/1/Major%20Research%20Paper%20Final%20Version%20Jonathan%20Otoo%206468823.pdf>
- Owusu-Nimo, F., J. Mantey, K. B. Nyarko, E. Appiah-Effah, and A. Aubynn. (2018). Spatial Distribution Patterns of Illegal Artisanal Small Scale Gold Mining (Galamsey) Operations in Ghana: A Focus on The Western Region. Heliyon 4 (2):e00534. DOI: 10.1016/j.heliyon.2018.e00534.
- Schueler V., Kuemmerle T., Schroder H. (2011). Impact of Surface Gold Mining on land Use Systems in Western Ghana // Ammbio. Vol. 40(5). P. 528–539. — URL: <https://www.jstor.org/stable/411417309>
- Tenkoreng, Emmanuel Yamoah (2021). Illegal Small Scale Mining in Asutifi North District, Ghana; Traditional Authoritys Tacit Support for an Illegality.
- Teschner B.A. (2012). Small-Scale Mining in Ghana: The Government and The Galamsey. Resources policy. Vol. 37(3). P. 308–314.
- Tease F., Johnson Gaither C., Yembilah R., Tsiboe-Darko A., Mensah P., Adams B. (2023). "When Will the Tree Grow for Me to Benefit from It?": Tree Tenure Reform to

- Counter Mining in Southwestern Ghana // Society & Natural Resources. Vol. 36(3). P. 269–287.
- Turay B.T., Dinye R.D., Opoku P., Koroma I.S. (2023). The Dynamics of Access and Exclusion of Women to Land Resources. A Case Study of Tambakha Simibungie Chiefdom, North-West Province, Sierra Leone. Survey Review. 1–17.
- Yeboah R. (2023). Galamsey Fight in Ghana: An Analysis of Failure of Government Interventions Since 1989. — URL: <https://noyam.org/wp-content/uploads/2023/04/EHASS20234417.pdf>
- African Affairs, Vol. 106, Issue 424, July 2007, P. 413–436. — URL: <https://doi.org/10.1093/afraf/adm038>
Published: 1 July 2007.
<https://www.reuters.com/article/ozabs-ghana-floods-20110725-idAFJOE76O0EP20110725>
<https://www.peacefmonline.com/pages/politics/politics/201207/124934.php>

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Научная статья
УДК 347.78.
DOI: 10.17323/tis.2025.24884

Original article

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ И ФОРМУЛЫ БЕСЦЕРЕМОННОСТИ

OFFICIAL CEREMONIES AND FORMULAS OF UNCEREMONIOUSNESS

Михаил Александрович ФЕДОТОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
mfedotov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-2591-1770,
Scopus ID: 57188800734,
SPIN-код: 8819-5654, AuthorID: 823309

Информация об авторе

М.А. Федотов — директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Аннотация. Проанализированы законодательные новеллы, вносящие существенные изменения в регулирование авторско-правовых отношений помимо четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Предполагается, что Правительство Российской Федерации сформирует перечень музыкальных и иных произведений, которые тем или иным образом связаны с событиями или периодом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Такие произведения можно будет использовать свободно при проведении праздничных и иных мероприятий, организуемых органами публичной власти, обязательными общедоступными телеканалами и радиоканалами, общероссийскими общественными организациями. Тем самым существовавший ранее институт публичного исполнения музыкальных произведений без согласия правообладателя и без

- выплаты вознаграждения при проведении официальных и религиозных церемоний, а также похорон получил
- радикальное расширение без внесения изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации.
- Анализ отечественной и зарубежной практики
- законодательного регулирования свободного использования произведений для целей проведения подобных мероприятий позволяет выявить основные тенденции в правовом регулировании данного института. Логико-правовые схемы применяемых в разных странах юридических конструкций демонстрируют высокую степень сходства, тем самым показывая общепринятый уровень исключений из прав автора, который, как указано в Бернской конвенции и почти дословно повторено в п. 5 ст. 1229 ГК РФ, «не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора».
- Представляется, что главными бенефициарами анализируемой законодательной новеллы станут обязательные общедоступные телеканалы, которые тем самым получают конкурентные преимущества перед другими телеканалами и производителями аудиовизуального контента. Они смогут не спрашивать разрешения автора или иного правообладателя и не выплачивать вознаграждение даже в случае включения охраняемого произведения в состав сложного объекта (аудиовизуального произведения, произведения мультимедиа и т.д.). На практике это может привести к тому, что телеканалы будут самовольно черпать из формирующегося перечня и включать в создаваемый ими контент

любые фрагменты художественных и документальных фильмов, любые фонограммы и видеозаписи, любые литературные произведения, любые произведения изобразительного искусства, на которые у них нет никаких интеллектуальных прав.

Ключевые слова: авторское право, права автора, официальные церемонии, религиозные церемонии, свободное использование, исключительное право, телеканал, Великая Отечественная война, советский народ, историческая память

Для цитирования: Федотов М.А. Официальные церемонии и формулы бесцеремонности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 56–70; DOI: 10.17323/tis.2025.24884

Mikhail A. FEDOTOV

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation,
mfedotov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-2591-1770,
Scopus ID: 57188800734

Information about the author

M.A. Fedotov — Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” at the National Research University “Higher School of Economics”, Honorable Lawyer of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes legislative innovations that introduce significant changes in the regulation of copyright relations in addition to Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. It is assumed that the Government of the Russian Federation will form a list of musical and other works that are in one way or another connected with the events or period of the Great Patriotic War of 1941–1945. Such works can be used freely during festive and other events organized by public authorities, mandatory public television and radio channels, and all-Russian NGOs. Thus, the previously existing institution of public performance of musical works without the consent of the copyright holder and without payment of remuneration during official and religious ceremonies, as well as funerals, has received a radical expansion without amending Part IV of the Civil Code of the Russian Federation.

Analysis of domestic and foreign practice of legislative regulation of the free use of works for the purposes of holding such events allows us to identify the main trends

- in the legal regulation of this institution. The logical and legal schemes of the legal structures applied in different countries demonstrate a high degree of similarity, thereby demonstrating the generally accepted level of exceptions
 - to the author's rights, which, as stated in the Berne Convention, "does not prejudice the normal exploitation of the work and does not unreasonably infringe upon the legitimate interests of the author". It seems that the main beneficiaries of the analyzed legislative innovation will be mandatory public television channels, which thereby gain competitive advantages over other television channels
 - and producers of audiovisual content. They will be able to not ask the permission of the author or other copyright holder even for the inclusion of a work in a complex object (audiovisual work, multimedia work, etc.). In practice, this may lead to the fact that television channels will arbitrarily draw from the formed list and include in the content they create any fragments of feature and documentary films to which they do not have any intellectual rights, any phonograms and video recordings, any literary works, any works of fine art, etc.
 - **Keywords:** copyright, author's rights, official ceremonies, religious ceremonies, free use, exclusive right, TV channel, Great Patriotic War, Soviet people, historical memory

For citation: Fedotov M.A. Official Ceremonies and Formulas of Unceremoniousness // Trudi po Intellectualnoy Slobode. 2025. Vol. 52 (1). P. 56–70; DOI: 10.17323/tis.2025.24884

9 мая 2025 г. исполнится 80 лет со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Естественно, юбилей будет отмечен многочисленными концертами, художественными выставками, театральными, телевизионными и кинопремьерами, другими культурно-массовыми мероприятиями. Вполне вероятно, что при этом будут исполняться или иным образом использоваться произведения, созданные в прошлые годы и посвященные подвигу советских воинов, героизму партизан и тружеников тыла. Большинство подобных произведений еще не успело перейти в общественное достояние, следовательно, их использование возможно только при соблюдении требований части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Такова была правовая ситуация до того момента, пока Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 545-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» (далее — Закон № 545-ФЗ) [1] не изменил ее самым радикальным образом.

Теперь в Федеральном законе от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 28.12.2024) (далее — Закон № 80-ФЗ) [2] появилась ст. 5.2 следующего содержания:

«Правительство Российской Федерации может формировать общедоступный перечень law обнародованных до 26 декабря 1991 г. музыкальных произведений (с текстом или без текста) и иных произведений, прославляющих подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, героизм, мужество, дружбу, единство, боевое братство защитников Отечества и (или) иным образом связанных с событиями или периодом Великой Отечественной войны. Формирование указанного перечня осуществляется при участии организаций по управлению правами на коллективной основе в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Авторы или иные правообладатели, общероссийские

общественные объединения вправе представлять предложения о включении таких музыкальных произведений и иных произведений в указанный перечень.

Музыкальные произведения (с текстом или без текста) и иные произведения, включенные в указанный в части первой настоящей статьи перечень, допускается использовать путем публичного исполнения, публичного показа, сообщения в эфир или по кабелю, ретрансляции, доведения до всеобщего сведения, а также путем включения в сложный объект в объеме, оправданном характером такого объекта, без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения для целей проведения организуемых в соответствии со статьей 1277 Гражданского кодекса Российской Федерации органами публичной власти или с их участием либо по их заказу, либо общероссийскими общественными объединениями, либо учрежденными на основании федерального закона, решений Президента Российской Федерации, или Правительства Российской Федерации, или других органов публичной власти иными организациями, либо обязательными общедоступными телеканалами и (или) радиоканалами праздничных шествий, собраний, митингов, демонстраций и иных мероприятий, приуроченных ко Дню Победы, Дню защитника Отечества, дням воинской славы или памятным датам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, без цели извлечения прибыли».

В настоящей статье проанализированы эти новеллы как с точки зрения их соответствия (или несоответствия) положениям Конституции Российской Федерации и части четвертой ГК РФ, так и в сравнительно-правовом аспекте.

ОТ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ПРАВ – К АДЕКАВТНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЯМ ИЗ НИХ

Как известно, авторские права, хоть и являются исключительными (абсолютными), однако гл. 70 ГК РФ

«Авторское право» предусматривает немало случаев, когда охраняемые произведения могут использоваться без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения. К числу таких исключений относится и предусмотренное ст. 1277 ГК РФ «публичное исполнение правомерно обнародованного музыкального произведения во время официальной или религиозной церемонии либо похорон в объеме, оправданном характером такой церемонии».

Поскольку Закон № 545-ФЗ ссылается именно на эту норму ГК РФ, рассмотрим ее подробно, в том числе в контексте зарубежного законодательного опыта.

Данное правовое установление, причем почти дословно воспроизведенное в ГК РФ, впервые появилось в отечественном правовом поле благодаря Закону РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» [3, ст. 22]. Действовавшие до этого времени Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [4], как и ГК РСФСР [5], не предусматривали подобную возможность свободного использования музыкальных, а тем более «иных произведений», для официальных церемоний, однако допускали иные пути реализации государством своей заинтересованности в использовании того или иного произведения, охраняемого авторским правом.

Одним из таких путей являлась возможность принудительного выкупа авторских прав государством у автора или его наследников [4, ст. 106; 5, ст. 501]. Право принудительного выкупа было предусмотрено еще постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 16 мая 1928 г. «Основы авторского права» [6]. Здесь предусматривалось: «Авторское право на всякое произведение может быть выкуплено принудительным порядком правительством Союза ССР или правительством той союзной республики, на территории которой данное произведение впервые выпущено в свет или находится в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме» [6, ст. 20].

Другой путь — публичное исполнение произведения без согласия автора, но с обязательной выплатой авторского вознаграждения. В указанном выше постановлении ЦИК СССР и СНК СССР предусматривалось, что наркоматы просвещения союзных республик вправе разрешать публичное исполнение необнародованных, но хотя бы однажды публично исполненных драматических, музыкальных, музыкально-драматических, пантомимных, хореографических и кинематографических произведений без согласия автора, но с уплатой авторского вознаграждения (гонорара) в порядке, установленном законодательством союзных республик. Соответственно, авторы таких произведений не имели права воспрещать их публичное исполнение, а получение вознаграждения

не предусматривалось, если исполнение имело место в учреждениях культурно-просветительного характера при условии невзыскания платы с посетителей [6].

По сути, в данном случае речь шла о принудительной неисключительной лицензии, которая не является чем-то из ряда вон выходящим для авторско-правового законодательства многих зарубежных стран. Как отмечает Делия Липчик, система принудительных лицензий «представляет собой компромиссное решение, приемлемое лишь для случаев, когда необходимо обеспечить доступ к произведениям и их надлежащее распространение. Она допускается только тогда, когда уже имело место первое распространение произведения с разрешения автора, и лишь для определенных видов использования, таких как *механическое воспроизведение* недраматических музыкальных произведений и сопровождающих их текстов; осуществляемая одновременно и без переделок *передача в эфир и распространение по кабельным сетям* программ вещательных организаций, а также в случае *массового и неконтролируемого использования* (частное копирование). ... Фактически в рамках этой системы сразу после использования автором его личного неимущественного права на обнародование произведения его власть над произведением исчезает и замещается лишь правом на вознаграждение» [7, с. 207-208; 8].

Частным случаем принудительной лицензии является, например, норма французского Кодекса интеллектуальной собственности, согласно которой органы местного самоуправления для организации местных народных праздников, а также общественные образовательные организации, признанные таковыми соответствующим государственным органом, для проведения мероприятий в рамках своей деятельности имеют право на снижение размера авторского вознаграждения за использование охраняемых произведений [9, L132-21]. Правда, по мнению Ролана Дюма, «закон не предусмотрел санкций за неисполнение обязательств по предоставлению скидки. Таким образом, встает законный вопрос о реальном значении» данной правовой нормы. Хотя органы местного самоуправления могут воспользоваться соглашением, заключенным Ассоциацией мэров Франции с авторским обществом SACEM, «этот договор неприменим к обществам народного просвещения» [10].

Что же касается действующего российского законодательства об интеллектуальной собственности, то оно не предусматривает возможность принудительных лицензий в сфере авторского права и смежных прав. Хотя общие положения части четвертой ГК РФ содержат норму, согласно которой «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, суд может по требованию заинтересованного лица принять решение

о предоставлении этому лицу на указанных в решении суда условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия)» (ст. 1239), однако действует она только в сфере промышленной собственности.

Можно ли рассматривать нормы, содержащиеся в ст. 1277 ГК РФ и в Законе № 545-ФЗ, как предусматривающие возможность предоставления принудительных лицензий в отношении использования объектов авторских и смежных прав? Представляется, что такое понимание было бы ошибочным, поскольку, во-первых, принудительная лицензия предоставляется только по решению суда, а во-вторых, она не освобождает пользователя от выплаты вознаграждения правообладателю (см., например, ст. 1362 ГК РФ).

В то же время следует признать, что описанная выше система принудительных лицензий и выкупа прав, введенная постановлением ЦИК СССР и СНК СССР «Основы авторского права» [6], была большим шагом в сторону уважения имущественных и неимущественных интересов авторов по сравнению с Декретом СНК РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» [11]. Данный нормативный акт, строго выдержаный в логике «искусство принадлежит народу», фактически, с одной стороны, разрешал произвольную национализацию любых объектов авторских прав и устанавливал государственную монополию на их использование, а с другой стороны, лишал авторов (а также их наследников и других правообладателей) возможности обнародовать принадлежащие им произведения без согласия государства, по сути, вводя предварительную цензуру.

В декрете, в частности, закреплялось, что «всякое как опубликованное, так и неопубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось, может быть признано, по постановлению Народного Комиссариата Просвещения, достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Таким же постановлением наркомата просвещения могли быть национализированы все произведения любого умершего автора. Использование произведений, объявленных государственным достоянием, в том числе их публичное исполнение, было возможно лишь с разрешения данного наркомата. Авторский гонорар должен был выплачиваться в размере и по ставкам, определяемым наркоматами просвещения и труда. Что же касается умерших авторов, то всякий причитающийся им авторский гонорар обращался в доход государства [11].

Характеризуя данный декрет революционной власти, И.А. Панкеев отмечает: «О том, что речь идет именно о монополии, свидетельствует сам текст документа, заключительная статья которого гласит, что за самовольное издание, распространение и публичное исполнение произведений грозит ответственность “как за нарушение государственной монополии”» [12]. По его подсчетам, до 1925 г. прошли две волны национализации произведений отечественных авторов: первая, 1918 г., коснулась 58 писателей, вторая, 1923 г., — 47 писателей [12].

Если национализация произведений была безусловным попранием права человека на защиту «моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является» [13], то установление — в общественных интересах — исключений из естественной авторской монополии на результат творческой деятельности является допустимым в определенных пределах. Эти пределы четко устанавливает ст. 9 Бернской конвенции, согласно которой авторы литературных и художественных произведений пользуются «исключительным правом разрешать воспроизведение этих произведений любым образом и в любой форме». В то же время законодательством стран — членов Бернского союза «может разрешаться воспроизведение таких произведений в особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора» [14]. К числу таких особых случаев авторско-правовое законодательство ряда стран относит, помимо прочего, свободное использование произведений, «когда речь идет об исполнении оркестрами, группами, хором трубачей, хором и другими музыкальными группами, относящимися к государственным учреждениям, музыкальных произведений на концертах во время прослушивания или же публичных представлений при условии, что вход на такие представления для широкой публики бесплатный (Аргентина, ст. 36, последний пункт; Испания, ст. 38; Италия, ст. 71; Уругвай, ст. 45.11)» [7, с. 207].

ФОРМУЛЫ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Анализируя зарубежный опыт в части регулирования свободного использования охраняемых произведений для проведения тех или иных церемоний, можно выделить несколько моделей правового регулирования, различающихся комбинацией ряда условий.

Во-первых, эти условия касаются вида используемых произведений. Обозначим эту группу условий

как переменную **A** (*любые произведения*), в которой выделяются *музыкальные (A1)* произведения.

Во-вторых, имеет значение вид использования произведения. Обозначим эту группу условий как переменную **B** (*любое использование*), выделяя в ней *публичное исполнение (B1)*, *публичный показ (B2)*, *воспроизведение произведения (B3)*.

В-третьих, одним из условий может быть требование, чтобы свободно используемое произведение было до этого законным образом обнародовано. Обозначим это условие как **C**.

В-четвертых, определенным требованиям должны отвечать сами церемонии. Обозначим эту группу условий как **D** (*любые церемонии*). Здесь выделяются *официальные (D1)*, *религиозные (D2)*, *похоронные или ритуальные (D3)*, *гражданские (D4)*, *школьные (D5)* церемонии. В свою очередь, признание церемонии в качестве официальной может зависеть от того, кто именно ее организует: *органы государственной власти (D11)*, *органы местного самоуправления (D12)*, *общественные организации (D13)*.

В-пятых, еще одно требование к свободному использованию охраняемых произведений касается **некоммерческого характера проводимых церемоний (E)**. Условие, согласно которому они должны быть *бесплатными для публики*, обозначим **E1**, а аналогичное требование в отношении исполнителей — **E2**.

В-шестых, отдельным условием может быть требование, чтобы *объем использования произведения был оправдан характером церемонии (F)*.

При наличии предусмотренной законом совокупности условий становится возможным *использование охраняемого авторским правом произведения без согласия автора и без выплаты вознаграждения (N)*.

Используя перечисленные выше условия в качестве оснований классификации, можно дифференцировать правовые конструкции, принятые в разных странах, выделяя те из них, которые распространяются на *все виды произведений* либо, напротив, только на *музыкальные произведения*; на *все виды использования произведений* или только на *публичное исполнение* и т.д.

Прежде всего обратимся к тем странам, законодательство которых разрешает свободное использование *всех видов произведений* для организации официальных и иных церемоний. И начать обзор следует с законодательства тех стран, в которых не конкретизируются не только виды произведений, но и способы их использования.

Так, согласно болгарскому закону об авторском праве и смежных правах, «*без согласия правообладателя и без выплаты компенсации возможно использование произведений в ходе религиозных церемоний*».

или официальных церемоний, организованных органами государственной власти». Это правило не распространяется только на компьютерные программы [15, п. 14 ст. 24]. С учетом этой детали применяемая здесь формула выглядит следующим образом: **A + B + D11 + D2 → N**.

Близкая правовая конструкция (**A + B + D11 + D2 + D4 + E → N**) используется в чешском законе об авторском праве: авторские права не нарушаются тем, кто без цели прямой или косвенной экономической или коммерческой выгоды использует произведение в гражданских или религиозных церемониях или официальных мероприятиях, организованных органами государственной власти [16, п. 1 ст. 35].

Перейдем теперь к законам, в которых конкретизируются если не виды произведений, то хотя бы способы их использования. Наиболее простая формула использования произведения без согласия автора и без выплаты вознаграждения при проведении официальных и иных церемоний предусмотрена законом Джибути об авторском праве и смежных правах: «*допускается публичное исполнение произведения на официальных церемониях в объеме, оправданном характером таких церемоний*» [17, п. «d» ст. 54]. Здесь не уточняется, идет ли речь о музыкальных или, например, драматических произведениях, однако упоминание *публичного исполнения* снимает вопрос об использовании, например, произведений изобразительного искусства, аудиовизуальных произведений и т.д. Однако здесь появляется новое условие (**F**), в результате чего формула приобретает следующий вид: **A + B1 + D1 + F → N**.

Точно такая же формула (**A + B1 + D1 + F → N**) соответствует греческому закону об авторском праве, смежных правах и культурных вопросах. Здесь не конкретизируется вид исполняемого произведения, хотя и здесь речь идет только о публичном исполнении. Закон разрешает без согласия автора и без выплаты вознаграждения *публично исполнять* и представлять произведение в случае официальных церемоний в объеме, оправданном характером этих церемоний [18, п. «a» ст. 27].

Сходным образом построена данная правовая конструкция в латвийском законе об авторском праве: без согласия автора и без выплаты гонорара разрешено *публично исполнять* произведение «*во время государственных или религиозных церемоний в пределах, соответствующих характеру таких церемоний*» [19, ст. 19 и 26]. Формула **A + B1 + D1 + D2 + F → N** точно отражает данную юридико-логическую схему.

Точно такую же формулу (**A + B1 + D1 + D2 + F → N**) мы наблюдаем в марокканском законе об авторском праве и смежных правах: без согласия автора

и без выплаты вознаграждения разрешается *публичное представление или исполнение произведения во время официальных или религиозных церемоний* в той степени, в которой это оправдано характером церемоний [20, ст. 23].

В ливанском законе об охране литературной и художественной собственности право свободного использования произведения распространяется не только на его *публичное исполнение*, но и на его *публичный показ* на официальных церемониях в пределах, требуемых для таких церемоний [21, ст. 32]. Соответствующим образом видоизменяется формула: $A + B1 + B2 + D1 + F \rightarrow N$.

Закон *Словении* об авторском праве построен по формуле $A + B1 + B2 + B3 + C + D1 + D2 \rightarrow N$. Здесь разрешается свободное использование опубликованного произведения путем *воспроизведения, публичного исполнения, публичного сообщения или публичного распространения*, если такое использование имеет место в течение религиозной или официальной церемонии либо в ходе мероприятия, организованного за рубежом государственным органом по случаю национального или государственного праздника, дня памяти или годовщины, имеющих общественное значение [22, ст. 47]. В Словении действует специальный закон № 241/1993, содержащий перечень государственных праздников, нерабочих дней и памятных дат, однако никаких норм, касающихся авторских прав на исполняемые произведения он не содержит.

В ряде стран законодательство об авторском праве содержит дополнительное требование, чтобы проводимая церемония носила некоммерческий характер, который должен выражаться, во-первых, в бесплатности его посещения публикой и, во-вторых, в безвозмездности участия в нем исполнителей. Так, *венесуэльский* закон об авторском праве разрешает свободное *публичное исполнение* произведений в ходе официальных и религиозных церемоний при условии, что публике разрешено посещать их бесплатно и что ни один из исполнителей не получает конкретного вознаграждения за участие в исполнении [23, п. 2 ст. 43] ($A + B1 + D1 + D2 + E1 + E2 \rightarrow N$). По той же схеме построен *перуанский* закон об авторском праве [24, ст. 41].

Аналогичное требование содержится в *венгерском* законе об авторском праве, который в то же время несколько расширяет перечень случаев свободного публичного исполнения за счет использования произведений не только на религиозных церемониях и мероприятиях, проводимых в национальные праздники, но также на праздниках религиозных общин, школьных праздниках и в рамках социальной заботы о престарелых и уязвимых категориях граждан. Закон разъясняет, что свободное *публичное исполнение* про-

изведенений будет считаться коммерческим, а следовательно, незаконным, если оно служит цели увеличения дохода, подходит для увеличения клиентской базы пользователя, для увеличения посещаемости либо если оно служит для развлечения гостей или других потребителей, посещающих помещения пользователя. В частности, сбор вступительных взносов считается получением дохода, даже если это делается под другим названием [25, ст. 38]. Юридико-логическая схема венгерского закона выглядит следующим образом: $A + B1 + C + D1 + D2 + D5 + E1 + E2 \rightarrow N$.

Польский закон об авторском праве и смежных правах использует сходную схему ($A + B1 + B3 + D11 + D2 + E1 + E2 \rightarrow N$). Отличие от венгерского состоит только в том, что официальная церемония должна проводиться государственными органами, а на школьных и академических мероприятиях должны применяться только те устройства и носители, которые расположены в том же месте, что и аудитория. Кроме того, свободное использование произведений не допускается в ходе рекламных, агитационных и предвыборных мероприятий [26, ст. 31].

Вторую группу законов составляют нормативные акты об авторском праве и смежных правах, допускающие свободное использование (исполнение) только музыкальных произведений. Юридико-логическая схема $A1 + B1 + C + D1 + D2 + D3 + F \rightarrow N$ применяется в законах *Кыргызской Республики* [27, ст. 22], *Республики Азербайджан* [28, ст. 21], *Республики Армения* [29, абз. 2 подп. «ж» п. 2 ст. 22], *Республики Грузия* [30, ст. 25], *Республики Узбекистан* [31, ст. 29], а также в процитированной выше ст. 1277 ГК Российской Федерации.

Испанский закон «Об интеллектуальной собственности» дополняет данную схему указанием на то, что публика должна иметь возможность посещать подобные официальные и религиозные церемонии бесплатно, а все, кто участвует в исполнении, не должны получать никакого вознаграждения ($A1 + B1 + D1 + D2 + E1 + E2 \rightarrow N$) [32, ст. 38]. При этом условие, согласно которому объем свободного использования произведения должен соответствовать характеру церемонии, здесь не упоминается.

Опыт проанализированных стран в регулировании свободного использования охраняемых произведений в ходе тех или иных церемоний систематизирован в табл. 1.

ЮРИДИКО-ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ст. 5.2 ЗАКОНА № 80-ФЗ

Попробуем, используя апробированную на примере действующего зарубежного и отечественного авторско-правового законодательства технологию,

Таблица 1. Компоненты регулирования свободного использования произведений в ходе официальных и иных церемоний

Страна	A	A1	B	B1	B2	B3	C	D1	D2	D3	D4	D5	E	E1	E2	F
Азербайджан		+		+			+	+	+	+						+
Армения		+		+			+	+	+	+						+
Болгария	+		+					+	+							
Венгрия	+			+			+	+	+			+		+	+	
Венесуэла	+			+				+	+					+	+	
Греция	+			+				+								+
Грузия		+		+			+	+	+	+						+
Джибути	+			+				+								+
Испания		+		+				+	+					+	+	
Кыргызстан		+		+			+	+	+	+						+
Латвия	+			+				+	+							+
Ливан	+			+	+			+								+
Марокко	+			+				+	+							+
Перу	+			+				+	+					+	+	
Польша	+			+		+		+	+					+	+	
Россия		+		+			+	+	+	+						+
Словения	+			+	+	+	+	+	+							
Узбекистан		+		+			+	+	+	+						+
Чехия	+		+					+	+			+		+		

построить юридико-логическую схему ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ и сравнить ее со схемой ст. 1277 ГК РФ, на которую в данной статье ссылается законодатель.

Для наглядности повторим норму ст. 1277 ГК РФ:

«Допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения (N) публичное исполнение (B1) правомерно обнародованного (C) музыкального произведения (A1) во время официальной (D1) или религиозной (D2) церемонии либо похорон (D3) в объеме, оправданном характером (F) такой церемонии». Этой юридической конструкции соответствует формула A1 + B1 + D1 + D2 + D3 + C + F → N.

Формализация правовых норм, содержащихся в ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, с помощью предложенных выше символов позволяет получить следующий результат:

«Музыкальные произведения (с текстом или без текста) (A1) и иные произведения (A), включенные в указанный в части первой настоящей статьи перечень (G), допускается использовать путем публичного исполнения (B1), публичного показа (B2), сообщения в эфир или по кабелю (B4), ретрансляции (B5), доведения до всеобщего сведения (B6), а так-

же путем включения в сложный объект в объеме, оправданном характером такого объекта (B7 + F), без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения для целей проведения организуемых в соответствии со ст. 1277 Гражданского кодекса Российской Федерации органами публичной власти (D11), (D12) или с их участием либо по их заказу, либо общероссийскими общественными объединениями (D13), либо учрежденными на основании федерального закона, решений Президента Российской Федерации, или Правительства Российской Федерации, или других органов публичной власти иными организациями (D14), либо обязательными общедоступными телеканалами и (или) радиоканалами (D15) праздничных шествий, собраний, митингов, демонстраций и иных мероприятий, приуроченных ко Дню Победы, Дню защитника Отечества, дням воинской славы или памятным датам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, без цели извлечения прибыли (E)».

Напомним, что в указанный перечень Правительство РФ может включать только произведения, которые были правомерно обнародованы до 26 декабря 1991 г. Следовательно, выводимая нами формула должна включать и переменную C.

Таким образом, для выражения логико-юридической схемы нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, можно предложить следующую формулу:

$$\begin{aligned} A1 + A + B1 + B2 + B3 + B4 + B5 + B6 + \\ +(B7 + F) + D11 + D12 + D13 + D14 + \\ + D15 + C + E + G \rightarrow N. \end{aligned}$$

Сравнивая данную формулу с построенной выше логико-юридической схемой ст. 1277 ГК РФ, можно выявить принципиальные различия анализируемых правовых норм.

Во-первых, ст. 1277 ГК РФ разрешает свободное использование *только одного вида* произведений, а именно *музыкальных* произведений, тогда как ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ — *любых видов* произведений, что вытекает не только непосредственно из слов «*иные произведения*», но и из перечисления разрешенных способов использования произведения. Даже произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства в виде проектов, чертежей, изображений или макетов могут попасть в формируемый перечень и оказаться включенными в сложный объект или доведенными до всеобщего сведения, если они, например, тем или иным образом связаны «с событиями или периодом Великой Отечественной войны».

Во-вторых, ст. 1277 ГК РФ разрешает свободное использование музыкальных произведений только путем *публичного исполнения*, тогда как ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ — также путем *публичного показа, сообщения в эфир или по кабелю, ретрансляции, доведения до всеобщего сведения*, а также путем *включения в сложный объект*.

Перечисленных различий достаточно, чтобы заключить, что массив произведений, которые могут попасть в формируемый Правительством РФ перечень и в результате использоваться без согласия автора и без выплаты вознаграждения, многократно расширяется.

В-третьих, предусмотренное ст. 1277 ГК РФ ограничение, согласно которому объем использования музыкального произведения должен быть *оправдан характером церемонии*, хотя и сохранено в ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, однако только в отношении включения используемого произведения в сложный объект. В отношении всех иных видов использования произведений данное ограничение отсутствует, что дает возможность использования произведений в любом объеме путем публичного исполнения, публичного показа, сообщения в эфир или по кабелю, ретрансляции и доведения до всеобщего сведения, т.е. через интернет.

В-четвертых, в ст. 1277 ГК РФ называются лишь три вида публичных мероприятий, а именно *официальные*

и религиозные церемонии, а также *похороны*, тогда как в ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ — *праздничные шествия, собрания, митинги, демонстрации и иные мероприятия*, приуроченные ко Дню Победы, Дню защитника Отечества, дням воинской славы или памятным датам, связанным с событиями Великой Отечественной войны.

К сожалению, действующее законодательство не определяет, чем официальные церемонии отличаются от других публичных мероприятий. Однако представляется невозможным приравнять в плане правового регулирования, например, телевизионную передачу, посвященную Дню Победы, к церемонии поднятия Государственного флага РФ хотя бы уже на том основании, что этот церемониал четко регламентирован законодательством [33]. Весьма сомнительным было бы приравнивание к официальным церемониям, скажем, праздничных концертов, кинопоказов в кинотеатрах, по телевидению, на аудиовизуальном сервисе, а тем более включение охраняемого произведения в состав сложного объекта. Подобное включение — в зависимости от содержания сложного объекта — может привести даже к нарушению личного неимущественного права автора на неприкосновенность включаемого произведения.

В-пятых, хотя ст. 1277 ГК РФ не указывает организаторов официальных и религиозных церемоний, а также похорон, можно с уверенностью утверждать, что организаторами официальных церемоний и религиозных церемоний являются официальные и религиозные организации соответственно, а похорон — лица, оказывающие ритуальные услуги.

Напротив, ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ включает в число возможных организаторов праздничных мероприятий весьма широкий круг лиц:

- а) органы публичной власти (в том числе в качестве участников и заказчиков), т.е. все органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ);
- б) общероссийские общественные объединения;
- в) иные организации, учрежденные на основании федерального закона (например, Общественную палату РФ);
- г) иные организации, учрежденные на основании решений Президента РФ (например, АНО «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» [34]);
- д) иные организации, учрежденные на основании решений Правительства РФ (например, Фонд «Инновационный научно-технологический центр “Аэрокосмическая инновационная долина”» [35]);
- е) иные организации, учрежденные на основании решений «других органов публичной власти»;

т.е. любых органов государственной власти и органов местного самоуправления; ж) обязательные общедоступные телеканалы и радиоканалы, к которым относятся Первый канал, телеканал «Россия», телеканал «Матч ТВ», телекомпания НТВ, «Петербург — 5 канал», телеканал «Россия — Культура», информационный канал «Россия-24», детско-юношеский телеканал «Карусель», телеканал «Общественное телевидение России», ТВ ЦЕНТР — Москва, а также радиоканалы «Вести ФМ», «Маяк» и «Радио России» [36].

Таким образом, круг лиц, которые могут свободно использовать любые произведения, входящие в формируемый Правительством РФ перечень, также оказывается чрезвычайно широким. И главными бенефициарами из всех перечисленных выше лиц являются, на наш взгляд, именно обязательные общедоступные телеканалы, которые тем самым получают *конкурентные преимущества* перед другими телеканалами и производителями аудиовизуального контента. Теперь они имеют возможность не спрашивать разрешения автора или иного правообладателя даже для включения произведения в состав сложного объекта (аудиовизуального произведения, произведения мультимедиа и т.д.) и не выплачивать вознаграждение. На практике это может привести к тому, что телеканалы будут самовольно черпать из формируемого перечня и включать в создаваемый ими контент любые фрагменты художественных и документальных фильмов, на которые у них нет никаких интеллектуальных прав, любые фонограммы и видеозаписи, любые литературные произведения, любые произведения изобразительного искусства.

Подобное бесцеремонное отношение к авторским правам не позволяла себе даже советская власть после 1925 г. Получается, что столетие возвращения в Россию азов авторского права ознаменовалось его почти полным отрицанием в отношении авторов произведений, посвященных Победе. Представляется, что в данном случае налицо не только ущемление имущественных прав авторов, но и *проявление неуважения как к авторам, так и к самим произведениям*, прославляющим подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, героизм, мужество, дружбу, единство, боевое братство защитников Отечества. Примем во внимание и тот факт, что многие из этих авторов сами были участниками войны. Проявление подобного неуважения к ветеранам представляется кощунственным.

Отрадно, что, указанный перечень формируется Правительством РФ, как сказано в ч. 1 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, «при участии организаций по управлению правами на коллективной основе в порядке, установ-

ленном Правительством Российской Федерации». Однако в отсутствие нормативного правового акта, определяющего этот порядок¹, невозможно понять, в чем именно будет состоять участие ОКУП (обществ по коллективному управлению имущественными правами) в формировании перечня. Если в том, чтобы согласовывать с правообладателями предложения о включении в перечень того или иного произведения, то это вполне разумно и уважительно по отношению как к авторам, так и к их произведениям. Намек на возможность такого прочтения можно при желании увидеть в последней фразе ч. 1 ст. 5.2: «Авторы или иные правообладатели, общероссийские общественные объединения вправе представлять предложения о включении таких музыкальных произведений и иных произведений в указанный перечень». При таком понимании авторы и иные правообладатели *не лишаются* по воле законодателя права давать согласие на использование своих произведений без выплаты вознаграждения, а лишь адресуют свое согласие не конечному пользователю, а Правительству. Подобный механизм может быть полезен, поскольку упрощает работу, например, телерадиокомпаний по очистке прав.

Однако возможно и прямо противоположное, буквальное толкование данной нормы: авторы и другие правообладатели могут лишь предлагать *включить* принадлежащие им произведения в указанный перечень, но не вправе предлагать, а тем более требовать противоположного.

Отрадно и то, что вторая фраза ч. 1 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ построена как диспозитивная: «В целях сохранения исторической памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне Правительство Российской Федерации *может* (выделено мной. — М.Ф.) формировать общедоступный перечень...». Иными словами, Правительство может формировать такой перечень, а может и не формировать. Есть основания полагать, что подобная деликатность не в последнюю очередь связана с теми замечаниями, которые содержались в официальном отзыве Правительства РФ на законопроект № 651044-8. Здесь, в частности, отмечалось, что «механизм формирования перечня представляется не вполне урегулированным, поскольку неясно, каким образом Правительство Российской Федерации будет осуществлять сбор сведений о конкретных произведениях (помимо поступающих предложений от авторов и иных правообладателей, общероссийских общественных объединений). Невозможно также установить, на основании

¹ На момент написания статьи такой нормативный акт отсутствовал.

каких критериев будет производиться оценка произведений в целях их включения в перечень, в связи с чем соответствующие положения законопроекта нуждаются в доработке» [37].

Государственная Дума ФС РФ учла замечания Правительства, во-первых, заменив слово «формирует» на словосочетание «может формировать» и, во-вторых, добавив фразу: «Формирование указанного перечня осуществляется при участии организаций по управлению правами на коллективной основе в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». Воспользуется ли правительство предоставленной возможностью или будет настаивать на корректировке нового закона, неизвестно.

Не обратила внимания Государственная Дума ФС РФ и на замечание Правительства о необходимости обосновать указанную в законопроекте дату — 26 декабря 1991 г., отметив, что «произведения, посвященные прославлению героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны, создавались и после» указанной даты. Вопрос о том, почему произведения о войне, обнародованные до даты прекращения существования Союза ССР как государства и субъекта международного права [38], можно использовать свободно, а обнародованные позднее — нельзя, остался открытым.

Однако главное замечание Правительства касалось гораздо более существенного вопроса, а именно *соответствия законопроекта положениям части четвертой Гражданского кодекса РФ*. В официальном отзыве ясно говорилось: «Законопроектом ограничиваются исключительные права правообладателей на произведения, в связи с чем необходимо учесть положения п. 5 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации». Напомним, что абзац первый данного пункта недвусмысленно устанавливает: «Ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, в том числе в случае, когда использование результатов интеллектуальной деятельности допускается без согласия правообладателей, но с сохранением за ними права на вознаграждение, устанавливаются настоящим Кодексом».

Отсюда следует, что *никакой иной федеральный закон*, помимо ГК РФ, не может определять случаи использования охраняемых произведений без согласия авторов или иных правообладателей и без выплаты вознаграждения. Основополагающий принцип законодательного установления исключений из исключительных прав закреплен в абзаце третьем п. 5 ст. 1229 ГК РФ: «Ограничения исключительных прав на произведения науки, литературы или искусства либо на объекты смежных прав устанавливаются в опреде-

ленных особых случаях при условии, что такие ограничения не противоречат обычному использованию произведений либо объектов смежных прав и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей».

К сожалению, Государственная Дума ФС РФ учла это замечание правительства весьма своеобразно. Она не стала пытаться реализовать конституционно оправданную цель законопроекта — сохранение исторической памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне — путем внесения корректных изменений в гл. 70 «Авторское право» части четвертой ГК РФ в духе правовых позиций Конституционного Суда РФ о возможности взаимоприемлемого и сбалансированного развития института «исключения из исключительных прав» с целью «уравновесить интересы авторов и иных правообладателей с интересами пользователей сообразно предписаниям Конституции Российской Федерации, предполагающим охрану исторической памяти» [39], и «обеспечения в том числе возможностей формирования гармонично развитой личности» [40].

Государственная Дума ФС РФ пошла другим путем: она включила в ч. 2 ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ упоминание ст. 1277 ГК РФ в качестве правового основания... организации «праздничных шествий, собраний, митингов, демонстраций и иных мероприятий». Однако такая ссылка представляется необоснованной, так как данная правовая норма не определяет основания и порядок организации официальных и религиозных церемоний, а также похорон, а лишь устанавливает возможность свободного исполнения при их проведении музыкальных произведений. Сомнительность данной ссылки подтверждается еще и тем, что порядок организации таких публичных мероприятий, как уличные шествия, собрания, митинги и демонстрации, определяется вовсе не ст. 1277 ГК РФ, а Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [41]. О том же говорится и в ч. 4 ст. 1 Закона № 80-ФЗ: «Порядок проведения праздничных шествий, собраний, митингов и демонстраций, посвященных Дню Победы, определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Представляется, что главная проблема, порожденная ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, заключается в том, что содержащиеся здесь правовые предписания вторгаются в законодательство об интеллектуальной собственности и нарушают его целостность. Согласно ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, интеллектуальная собственность охраняется законом. При этом п. «о» ст. 71 Конституции РФ уточняет, что речь идет именно о «правовом регулировании интеллектуальной собственности».

В настоящее время практически весь континуум правовых норм, с помощью которых осуществляется регулирование интеллектуальной собственности, сконцентрирован в части четвертой ГК РФ. Согласно ч. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу». Следовательно, нормы, содержащиеся в ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ, будучи очевидно гражданско-правовыми, должны соответствовать положениям гл. 70 «Авторское право» части четвертой ГК РФ, в которой перечислены *все случаи свободного использования произведений* (ст. 1273–1280.1 ГК РФ).

Наконец, обратим внимание на неожиданные правовые сюрпризы, которыми чревато указание в ст. 5.2 Закона № 80-ФЗ на то, что свободное использование попавших в перечень произведений должно осуществляться «без цели извлечения прибыли». Например, если исходить из опыта ряда зарубежных стран, который был проанализирован нами выше, некоммерческий характер мероприятий должен выражаться в том, что их посещение является *бесплатным для публики, а участие в них — безвозмездным для исполнителей*. Здесь также не может быть места рекламе, в том числе спонсорской, за исключением социальной. Разумно предположить, что практика применения проанализированной в данной статье законодательной новеллы может породить *многочисленные судебные споры*, которые отнюдь не будут способствовать сохранению исторической памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 545-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон РФ от 9 июля 1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // СПС «Консультант-Плюс».
4. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утв. Верховным Советом СССР 31.05.1991 № 2211-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 16 мая 1928 г. «Основы авторского права» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Липчик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр.: предисл. М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002.
8. Ficsor M. Gestion collective des droits d'auteur et des droits voisins. Geneve:OMPI, 1990. Р. 7.
9. France, Code de la propriété intellectuelle, version consolidée au 17 février 2024. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/fr/legislation/details/22588>
10. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции / пер. с фр. М.: Международные отношения, 1989. С. 153.
11. Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918 «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Панкеев И.А. Российское авторское право XX века в нормативных актах // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/3/rossiyskoe-avtorskoe-pravo-xx-veka-v-normativnykh-aktakh/>
13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант-Плюс».
14. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Bulgaria, Law on Copyright and Neighboring Rights (SG No 56/1993, as amended up to December 13, 2019). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19460>
16. Czech Republic, Act No 121/2000 Coll., of April 7, 2000, on Copyright and Related Rights and on Amendments to Certain Acts (Copyright Act) (as amended up to Act No. 429/2022 Coll.). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22298>
17. Djibouti, Law No 154/AN/06 of July 23, 2006, on the Protection of Copyright and Related Rights. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9086>
18. Greece, Copyright, Related Rights and Cultural Matters (amended up to April 4, 2018). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18205>
19. Latvia, Copyright Law (amended up to April 5, 2023). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21953>
20. Morocco, Law No 2-00 on Copyright and Related Rights (promulgated by Dahir No 1-00-20 of 9 Dhul-Qa'dah 1420 (February 15, 2000), and amended up to Law No 79-12). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19766>.

21. Lebanon, Law on the Protection of Literary and Artistic Property (No 75 of April 3, 1999). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2786>
22. Slovenia, Act No 185/2015 Coll. on Copyright and Related Rights, amended by Act No 455/2022 Coll. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22748>
23. Venezuela, Law on Copyright (of August 14, 1993). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3989>
24. Peru, Legislative Decree No. 822, Copyright Law (as amended up to Legislative Decree No. 1391), - <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18762>.
25. Hungary, Act No. LXXVI of 1999 on Copyright, consolidated text of September 1, 2024. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22713>
26. Poland, Act of February 4, 1994, on Copyright and Related Rights (amended up to Act of March 11, 2022). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22307>
27. Kyrgyzstan, Law No 6 of January 14, 1998, on Copyright and Related Rights (amended up to Law No 62 of March 17, 2023). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22616>
28. Azerbaijan, Law of the Republic of Azerbaijan on Copyright and Related Rights (as amended up to Law No 1079-IIQD of September 30, 2010). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9165>
29. Armenia, Law on Copyright and Related Rights, Law No. HO-142-N, amended up to September 30, 2013. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15942>
30. Georgia, Law No. 2112-IIS June 22, 1999, on Copyright and Neighboring Rights, amended up to Law No 3966-XIIIms-Xmp of December 15, 2023. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22704>
31. Uzbekistan, Law on Copyright and Related Rights, Law No. 42 of July 20, 2006, amended up to Law No 709 of August 20, 2021. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22562>
32. Spain, Consolidated Text of the Law on Intellectual Property, Regularizing, Clarifying and Harmonizing the Applicable Statutory Provisions (approved by Royal Legislative Decree No 1/1996 of April 12, 1996, and amended up to Royal Decree-Law No 6/2022 of March 29, 2022). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21371>
33. Стандарт Церемонии поднятия (спуска) Государственного флага Российской Федерации, утв. Минпросвещения России 06.06.2022 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Указ Президента РФ от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации "Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
35. Постановление Правительства РФ от 22.04.2022 № 735 «О создании инновационного научно-технологического центра "Аэрокосмическая инновационная долина"» (ред. от 23.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
36. Указ Президента РФ от 24.06.2009 № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах» (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
37. Официальный отзыв на проект федерально-го закона № 651044-8 «О внесении изменения в Федеральный закон "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов"», внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, Л.С. Гумеровой, Д.С. Ландратовой и другими, депутатами Государственной Думы А.Е. Хинштейном, И.А. Яровой, А.Г. Сидякиным и другими. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/87c6b029-c6e0-4a20-ab93-e82d1db2af21>
38. Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР от 26.12.1991 № 142-Н «В связи с созданием Содружества Независимых Государств» // СПС «КонсультантПлюс».
39. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 33-П «По делу о проверке консти-туционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Изда-тельский дом "Фест Хэнд"» // СПС «Консультант-Плюс».
40. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интел-лектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодатель-ные акты Российской Федерации" и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
41. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2025 g. № 545-FZ "O vnesenii izmeneniya v Federal'nyj zakon «Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov»" // SPS "Konsul'tantPlyus".
2. Federal'nyj zakon ot 19.05.1995 № 80-FZ "Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov" (red. of 28.12.2024) // SPS "Konsul'tantPlyus".
3. Zakon RF ot 9 iyulya 1993 № 5351-1 "Ob avtorskom prave i smezhnym pravah" // SPS "Konsul'tantPlyus".
4. Osnovy grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i respublik, utv. Verhovnym Sovetom SSSR 31.05.1991 № 2211-1 // SPS "Konsul'tantPlyus".
5. Grazhdanskij kodeks RSFSR, utv. Verhovnym Sovetom RSFSR 11.06.1964 // SPS "Konsul'tantPlyus".
6. Postanovlenie CIK SSSR i SNK SSSR ot 16 maya 1928 g. "Osnovy avtorskogo prava" / SPS "Konsul'tantPlyus".
7. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhye prava / per. s fr.; predislovie M. Fedotova. M.: Ladorin; Izdatel'stvo YUNESKO, 2002.
8. Ficsor M. Gestion collective des droits d'auteur et des droits voisins. Geneve: OMPI, 1990. P. 7.
9. France, Code de la propriété intellectuelle, version consolidée au 17 février 2024. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/fr/legislation/details/22588>.
10. Dyuma R. Literaturnaya i hudozhestvennaya sobstvennost'. Avtorskoe pravo Francii / per. s fr. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989. S. 153.
11. Dekret SNK RSFSR ot 26.11.1918 "O priznanii nauchnyh, literaturnyh, muzykal'nyh i hudozhestvennyh proizvedenij gosudarstvennym dostoyaniem" // SPS "Konsul'tantPlyus".
12. Pankeev I.A. Rossijskoe avtorskoe pravo HKH veka v normativnyh aktah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/3/rossijskoe-avtorskoe-pravo-xx-veka-v-normativnykh-aktakh/>
13. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah, priyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON // SPS "Konsul'tantPlyus".
14. Bernskaya Konvensiya po ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij ot 09.09.1886 (red. of 28.09.1979) // SPS "Konsul'tantPlyus".
15. Bulgaria, Law on Copyright and Neighboring Rights (SG No 56/1993, as amended up to December 13, 2019). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19460>
16. Czech Republic, Act No 121/2000 Coll., of April 7, 2000, on Copyright and Related Rights and on Amendments to Certain Acts (Copyright Act) (as amended up to Act No 429/2022 Coll.). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22298>
17. Djibouti, Law No 154/AN/06 of July 23, 2006, on the Protection of Copyright and Related Rights. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9086>
18. Greece, Copyright, Related Rights and Cultural Matters (amended up to April 4, 2018). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18205>
19. Latvia, Copyright Law (amended up to April 5, 2023). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21953>
20. Morocco, Law No. 2-00 on Copyright and Related Rights (promulgated by Dahir No 1-00-20 of 9 Dhul-Qa'dah 1420 (February 15, 2000), and amended up to Law No 79-12). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19766>
21. Lebanon, Law on the Protection of Literary and Artistic Property (No 75 of April 3, 1999). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2786>
22. Slovenia, Act No 185/2015 Coll. on Copyright and Related Rights, amended by Act No 455/2022 Coll. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22748>
23. Venezuela, Law on Copyright (of August 14, 1993). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3989>
24. Peru, Legislative Decree No 822, Copyright Law (as amended up to Legislative Decree No 1391). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18762>
25. Hungary, Act No LXXVI of 1999 on Copyright, consolidated text of September 1, 2024. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22713>
26. Poland, Act of February 4, 1994, on Copyright and Related Rights (amended up to Act of March 11, 2022). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22307>
27. Kyrgyzstan, Law No. 6 of January 14, 1998, on Copyright and Related Rights (amended up to Law No 62 of March 17, 2023). — <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22616>
28. Azerbaijan, Law of the Republic of Azerbaijan on Copyright and Related Rights (as amended up to Law No 1079-IIQD of September 30, 2010). — <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9165>
29. Armenia, Law on Copyright and Related Rights, Law No. HO-142-N, amended up to September 30, 2013. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15942>

30. Georgia, Law No 2112-IIS June 22, 1999, on Copyright and Neighboring Rights, amended up to Law No 3966-XIIIms-Xmp of December 15, 2023. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22704>
31. Uzbekistan, Law on Copyright and Related Rights, Law No 42 of July 20, 2006, amended up to Law No. 709 of August 20, 2021. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22562>
32. Spain, Consolidated Text of the Law on Intellectual Property, Regularizing, Clarifying and Harmonizing the Applicable Statutory Provisions (approved by Royal Legislative Decree No 1/1996 of April 12, 1996, and amended up to Royal Decree-Law No 6/2022 of March 29, 2022). — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21371>
33. Standart Ceremonii podnyatiya (spuska) Gosudarstvennogo flaga Rossijskoj Federacii, utv. Minprosveshcheniya Rossii 06.06.2022 // SPS "Konsul'tantPlyus".
34. Ukaz Prezidenta RF ot 02.11.2023 № 817 "O sozdaniii avtonomnoj nekommercheskoj organizacii "Nacional'nyj centr istoricheskoi pamyati pri Prezidente Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
35. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.04.2022 № 735 "O sozdaniii innovacionnogo nauchno-tehnologicheskogo centra "Aerokosmicheskaya innovacionnaya dolina" (red. of 23.11.2023) // SPS "Konsul'tantPlyus".
36. Ukaz Prezidenta RF ot 24.06.2009 № 715 "Ob obshcherossijskih obyazatel'nyh obshchedostupnyh telekanalah i radiokanalah" (red. of 22.04.2024) // SPS "Konsul'tantPlyus".
37. Oficial'nyj otzyv na proekt federal'nogo zakona № 651044-8 "O vnesenii izmeneniya v Federal'nyj zakon "Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov", vnesennyj senatorami Rossijskoj Federacii A.A. Klishasom, L.S. Gumerovo, D.S. Lantratovo i drugimi, deputatami Gosudarstvennoj Dumy A.E. Hinshtejnom, I.A. YArovoj, A.G. Sidyakinym i drugimi. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/87c6b029-c6e0-4a20-ab93-e82d1db2af21>
38. Deklaraciya Soveta Respublik Verhovnogo Soveta SSSR ot 26.12.1991 № 142-N "V svyazi s sozdaniem Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv" // SPS "Konsul'tantPlyus".
39. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.06.2024 № 33-P "Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 1276 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranicennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'skij dom "Fest Hend"" // SPS "Konsul'tantPlyus".
40. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.2015 № 1539-O "Po zaprosu Suda po intellektual'nym pravam o proverke konstitucionnosti chasti 7 stat'i 7 Federal'nogo zakona ot 12 marta 2014 goda № 35-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" i puncta 1 stat'i 4 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
41. Federal'nyj zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ "O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah" (red. of 05.12.2022) // SPS "Konsul'tantPlyus".

ОХРАНА ИДЕЙ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

PROTECTION OF IDEAS AS INTELLECTUAL PROPERTY: BACKGROUNDS, EXPERIENCE, PERSPECTIVES

Марина Николаевна КОМАШКО

НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5211-0055

Информация об авторе

М.Н. Комашко — кандидат юридических наук, доцент Департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам

Аннотация. Рассмотрены вопросы потенциальной правовой охраны идей как интеллектуальной собственности. Дано описание текущей ситуации. Сделан вывод, что в обществе созрела потребность выделять и признавать творческий труд автора идеи, его вклад в создание результата интеллектуальной деятельности (или иного объекта).

Однако право интеллектуальной собственности не предоставляет возможностей для охраны идей. В то же время отдельные категории идей уже давно и успешно охраняются правом как интеллектуальная собственность: архитектурные и подобные проекты и сценарии аудиовизуальных произведений, чье содержание, по существу, является идеями объектов (зданий и фильмов), которые предстоит создать.

Рассмотрев исторический путь развития прав на классические виды интеллектуальной собственности от глубокой древности до появления исключительного права, автор статьи приходит к выводу, что начинать выстраивать будущий механизм правовой охраны идей следует не с внедрения монопольных прав на содержание идеи, а с признания труда автора идеи и его вклада в создание объекта.

Ключевые слова: идея, интеллектуальная собственность, авторство, исключительное право, архитектурный про-

- ект, дизайн-проект, дизайн одежды, сценарий, аудиовизуальное произведение, древние произведения
- Для цитирования: Комашко М.Н. Охрана идей как интеллектуальной собственности: предпосылки, опыт, перспективы // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 71–83; DOI: 10.17323/tis.2025.24885
- **Marina N. KOMASHKO**
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5211-0055
- **Information about the author**
M.N. KOMASHKO — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of the Digital Technology Law and Bio Law, Faculty of Law, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University
- **Abstract.** The paper considers the issues of potential legal protection of ideas as intellectual property. The author gives a description of the current situation and concludes that society is ripe with the need to highlight and recognise the creative work of the idea's author, his contribution to the creation of the result of intellectual activity (or other object). However, intellectual property law does not provide opportunities for the protection of ideas. None of its institutes proved to be suitable for (potential) legal protection of such an intangible object as an idea. At the same time, certain categories of ideas have long been successfully protected by law as intellectual property: architectural and similar projects and scripts of audiovisual works, the content of which, in essence, are ideas of objects (buildings and films) to be created.

Having considered the historical path of development of rights to classic types of intellectual property from ancient times to the emergence of the exclusive right, the article's author concludes that it is necessary to start building the future mechanism of legal protection of ideas not immediately with the introduction of monopoly rights to the content of the idea, but with the recognition of the work of the idea's author and his contribution to the creation of the object.

- Оригинальность умерла ... Сейчас мы переживаем самый производный период человеческого творчества со времен промышленной революции, каждый из 10 самых кассовых фильмов 2022 года был сиквелом или перезагрузкой.

Стивен Марч [1]

ВВЕДЕНИЕ

К вопросу об установлении или каком-либо закреплении прав на идеи исследователи время от времени обращаются уже несколько лет (см., например, [2] — одну из наиболее ранних среди известных мне работ по этой теме; а также, например, [3–6]). Как правило, идеи рассматриваются в контексте авторского права. Иногда предпринимаются попытки отнести охрану идей к области патентного права (см., например, [7]).

Почему тема отнесения идей к интеллектуальной собственности стала вызывать интерес исследователей в XXI в.? Предыдущие эпохи, насколько известно, вполне обходились «традиционной» интеллектуальной собственностью (а в более раннее время — и вообще без нее), и об охране столь нематериальной, неудивимой сущности, как идея, даже речи не могло идти.

Давайте рассмотрим идеи в современном мире как явление подробнее.

ПРЕПРОСЫЛКИ

Мы живем в удивительную эпоху: развитие технологий продвигается вперед семимильными шагами, все больше освобождая людей от трудоемкой рутины. В то же время как-то так выходит, что в сфере творчества человечество все больше обращается к прошлому, к уже сделанному предыдущими поколениями; вместо создания нового творчество все чаще оказывается лишь переработкой старого.

Помимо вынесенной в эпиграф к настоящей работе цитаты из статьи Стивена Марча можно вспомнить интервью Карена Шахназарова 2008 г. [8]: «... вроде все в порядке — и техника есть, и с финансированием, в общем, нормально, а идеи нет; значит, и кино нет. ... Не хватает идей. Когда будет идея, тогда ... будет кино. ... Идея — это главное».

Каждый из нас как зритель наверняка и сам не раз замечал, что вокруг — почти сплошь переработки. Не только фильмы, но и, например, телешоу: одинаковые во всем мире франшизы, и сами шоу похожи друг на друга, как братья-близнецы (см. в том числе пример спора по поводу телешоу [3, с. 22; 5, с. 10]). Везде пестрят реплики на картины предыдущих эпох: от рекламы и дизайна товаров народного потребления до художественных галерей, словно у современных дизайнеров и художников нет никаких других собственных идей, кроме как испортить великое произведение искусства, созданное до них.

Даже инфобиз (проекты, делящиеся контентом и знаниями в различных форматах за денежное вознаграждение), который, казалось бы, должен транслировать уникальные экспертные знания, и тот работает «под копирку»: одинаковые рекламные рассылки, одинаковые скрипты, одинаковые так называемые курсы — все одинаковое. Ни о какой «的独特性 (的独特性) эксперта» и речи не идет.

Проблема вторичности продуктов затронула даже гейм-индустрию (см., например, [9]), хотя она и существует-то без году неделя.

Как произошло, что развитие технологий не привело к возрастанию уровня творчества в обществе? Да что там, скажем прямо: привело к снижению уровня творчества. Ведь в течение XX в. как минимум человечество верило и ожидало, что научно-технический прогресс, освобождая человека от физического труда, приведет людей к вершинам творчества, каковых достигали античные греки (использовавшие вместо научно-технического прогресса труд рабов для обеспечения материального благополучия): «Фабрика освобождает от рутины ... делает человека творцом» [10, с. 268]. Но имея не только фабрики (и заводы), но уже и постиндустриальные технологии, мы почему-то не только не поднялись в творческом плане над предыдущими поколениями, но опустились до вторичности и переработок.

Кстати, о постиндустриальных технологиях. Сейчас принято проводить различные митапы, хакатоны, акселераторы в поисках творческих людей и новых идей (вероятно, широкое распространение этой практики также является следствием идейного кризиса). Участники этих мероприятий довольно часто беспокоятся о сохранности своей интеллектуальной собственности (которой толком может еще и не быть, обычно это только идея будущего проекта): мол, сейчас другие участники подсмотрят, подслушают, и украдут бесценные наработки. Как правило, организаторы успокаивают участников тем, что проект — это только проект, подслушать его мало, самое сложное — реализовать, а у авторов есть неоспоримое преимущество: они луч-

ше всех знают суть проекта и сильнее всех «заряжены» на претворение проекта в жизнь.

Еще с десяток лет назад такая позиция звучала убедительно. Однако, как показывает жизнь, позаимствовать и «реализовать хорошую, сформулированную и “упакованную” идею подходящей команде с капиталом в руках ничего не стоит, а автор идеи мог потратить много сил и времени на то, чтобы ... качественно ее сформулировать и до определенной степени “упаковать” в “идейный продукт”» [11].

Проще говоря, время не стоит на месте, и теперь мы достигли такого уровня развития технологий, что реализовать *самую сложную и навороченную идею легче, чем ее придумать!*

Для иллюстрации этого тезиса обратимся к легендарному фильму «Звездные войны. Эпизод IV: Новая надежда» [12], который вышел на экраны в 1977 г. Нужно отметить, что какого-то особо интересного сюжета в этом фильме (да и во всей саге) нет, психологической линии нет, любовная линия довольно простенькая, социальных проблем, в отличие от нашего «Кин-дза-дза» [13], «Звездные войны» не поднимают. Зато в качестве достоинств фильма критики отмечали чудеса технологических возможностей современной (в 1977 г.) киностудии, спецэффекты и трюки, писали про самый дорогой и самый искусный фильм, про новую Вселенную, которую хочется исследовать (см., например, [14]). И вот как выглядела эта «чудесная и невиданная» новая Вселенная (рис. 1): песочек, актеры в костюмах и кое-какой движущийся реквизит.

Рис. 1. Кадр из фильма «Звездные войны.

Эпизод IV: Новая надежда»

Источник: <https://www.soyuz.ru/articles/726>

А в 2009 г. в фильме «Аватар» [15] мы увидели планету Пандору (рис. 2).

Не правда ли, вселенная Звездных войн уже не впечатляет? Прошло всего 30 лет, а какая фантастическая разница в технологиях!

Отметим еще один аспект. Технологии позволяют нам сохранять все созданное предыдущими поколени-

Рис. 2. Кадр из фильма «Аватар»

Источник: <https://www.mirf.ru/worlds/pandora-mir-avatar/>

ями. Если раньше созданное забывалось с течением времени, то теперь информация хранится бесконечно (при условии своевременного обновления материальных носителей, конечно: перфокарт, дискет, CD-дисков и т.д.). «Ничто не ново под луной», и тем труднее придумать что-то оригинальное. Тем более значительное, требуется творческое усилие, чтобы появилось что-то более или менее необычное, чего еще не было.

В силу этих обстоятельств в обществе сформировалась потребность отмечать вклад, заслуги автора идеи. Этой практике уже как минимум несколько лет.

Приведу два примера из множества случаев:

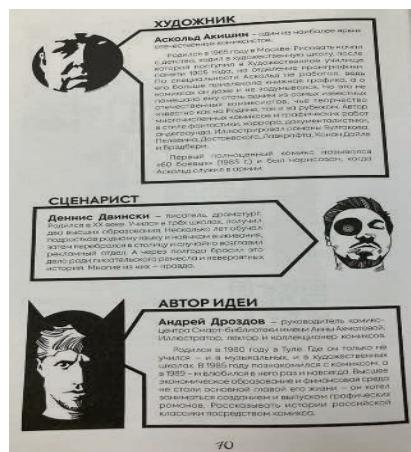
- афиша концерта студентов Музикально-педагогического института имени Ипполитова-Иванова (рис. 3), на которой отмечен автор идеи;
- графический роман «Меня зовут Гуми-лев» 2020 г. (рис. 4).

Рис. 3. Афиша (фото из личного архива автора)

О последнем можно сказать подробнее. Автор книги Аскольд Акиншин — не писатель, а художник: ведь роман графический, своего рода комикс. А автор идеи, тоже иллюстратор, — Андрей Дроздов. Интер-

Рис. 4. Фрагмент из графического романа «Меня зовут Гуми-лев» (фото из личного архива автора)

ресно, что у книги есть еще и сценарист — драматург и писатель Денис Двински.

Порой и сам автор считает необходимым подчеркнуть, что идея — тоже его («придумал и написал», рис. 5).

Рис. 5. Обложка книги «Динозавры-детективы. Дело копченой скумбрии», 2024

(фото из личного архива автора)

А.П. Сергеев пишет о практике отмечать творческий вклад того, кто придумал идею (будущего аудиовизуального произведения), путем специального указания на заслуги этого человека в создании произведения в титрах [5, с. 11].

В каком-то смысле разновидностью признания заслуг автора идеи является практика наделения его правами автора произведения.

Так, однажды ко мне обратился коллектив исследователей, занимающихся одной из гуманитарных отраслей науки, с вопросом об оформлении авторских

прав на созданный ими результат интеллектуальной деятельности (далее — РИД). Это был бы обычный вопрос, если бы один из указанных соавторов не умер лет за десять до того, как остальные исследователи приступили к созданию этого РИД. Оказалось, что умерший «соавтор» был вдохновителем этой работы и автором (единственным) идеи, даже концепции, будущего РИД. Просто так сложились обстоятельства, что реализовать его задумку при его жизни они не смогли; смогли сделать это, только спустя много времени и уже без участия умершего коллеги в создании собственно РИД. То есть участие автора идеи было только в виде разработки концепции, но не включить его в соавторы готового РИД, с точки зрения его учеников, было совершенно невозможно и неправильно. А с юридической точки зрения было совершенно невозможно и неправильно включить его в число соавторов. Вот такая коллизия между правдой жизни и правом.

Другой, весьма занятный, пример — пьеса «4'33» американского композитора Джона Кейджа [16, 17]. Вкратце эту пьесу можно описать так: музыканты сидят на сцене и ничего (абсолютно ничего) не делают; зрители сидят в зале и немного шумят (кашляют, шуршат и т.п.). Смысл сей композиции, как принято считать, в том, что Кейдж попытался показать, что окружающий мир наполнен музыкой и музыкой являются любые звуки (см., например, [18, 19]). Как бы там ни было, но нот Кейдж не написал (а музыканты ничего не играют: клавиши и струны не трогают и звуков не издают). Автором чего он признается (между прочим, на протяжении уже 72 лет, с 1952 г.)? Пьеса по факту отсутствует; точнее, каждый раз произведение, звучащее в зале, получается новым, ведь создают «музыку» сами зрители. Но за невозможностью признаваться автором весьма острумной идеи Кейдж считается автором музыкального произведения.

Однако имеется и противоположная рассмотренным выше вариантам практика — умыкать идеи, во-площая их без участия автора и без ссылки на него.

Так, А.С. Волков еще в 2006 г. писал о том, что «охота за проектами¹, кража проектов — это отдельный бизнес, и особенно данные вопросы актуальны в конкурентной среде» [11] (а какая среда сейчас не конкурентная?). А О.В. Белая отмечает «участившиеся случаи обращения в суды за защитой нарушенных прав на идеи и проекты» [3, с. 20]. Вопрос только в том, какие права на идеи могут быть защищены в суде.

Опыт

Принято считать, что «в соответствии с европейской традицией автор идеи не является автором в юридическом смысле», «по российскому праву идеи как таковые не пользуются самостоятельной правовой охраной» [5, с. 9]. Однако так ли это? Посмотрим на возможности современной правовой охраны подробнее, остановившись на двух ключевых институтах права интеллектуальной собственности. Начнем с патентного права как более очевидного.

Патентное право

Прежде всего необходимо отметить, что патент выдается на конкретное решение, которое раскрыто достаточно подробно, чтобы его можно было реализовать. Как пишет А.П. Сергеев, «автором и потенциальным патентообладателем будет тот, кто разработал решение, пусть даже на основе чужой идеи» [5, с. 9].

Кроме того, что решение должно быть конкретным, оно должно быть еще и техническим (для изобретений и полезных моделей; промышленные образцы в данной части статьи опущены) (п. 1 ст. 1350, п. 1 ст. 1351 ГК РФ). Таким образом, все идеи, не носящие технического характера, сразу отпадают.

Основываясь на многолетней практике работы с техническими решениями, могу сказать, что именно идеи будущих РИД практически никогда не имеют технического характера. Чаще всего они носят организационно-управленческий характер (а-ля «заменить дорогое сырье дешевым без потери качества продукции», «автоматизировать ручные операции»; см. также, например, [20]), а вот затем уже будущие авторы будущего изобретения пытаются превратить это в техническое решение: кропотливо подбирают параметры, тестируют работу в разных условиях, пробуют один вариант, второй, пятый и так далее, пока не найдется такое сочетание всех факторов, при котором удастся получить искомый технический эффект.

Есть и другой способ решать технические задачи (т.е. создавать изобретения и полезные модели). Его разработал знаменитый советский ученый Г.С. Альтшуллер и назвал теорией решения изобретательских задач (ТРИЗ). В одной из своих работ — книге с красноречивым названием «Найти идею» [21] — он приводит множество примеров «идей» будущих изобретений. Но именно «идей» (в кавычках), так как найденная по методу Альтшуллера идея составляет самую соль изобретения (а не нечто, что еще нужно дорабатывать и перерабатывать, чтобы оно стало готовым РИД). А значит, автор идеи и есть автор изобретения (см., например, [21, с. 69]).

¹ «Проекты», как следует из текста процитированной работы, можно понимать как более или менее полный синоним «идеи».

Авторское право

Согласно прямому указанию п. 5 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), авторские права не распространяются на идеи и концепции.

Однако в литературе порою пробуют подвергнуть этот постулат сомнению. Так, Е.И. Каминская и Д.Д. Штодина считают, что «расхожий миф о принципиальной неохраноспособности идей по авторскому праву должен быть ... развеян как не имеющий под собой серьезных правовых оснований» [4, с. 149]. Соглашаясь с тем, что «идея, существующая лишь в сознании человека, не имеет ни малейшего шанса на охрану авторским правом», исследовательницы, тем не менее, утверждают, что «идея же, выраженная в объективной форме и при этом обладающая свойством результата творческой деятельности (что должно быть специально доказано), разумеется, получит авторско-правовую охрану» [там же]. Правда, необходимо отметить, что далее в своей работе авторы рассматривают правовую охрану незавершенных произведений, частей произведений (названий, персонажей, фрагментов) и составных произведений, подчиненных «организующей идеи», которая «разумеется, должна воплотиться в объективно существующий сборник» [4, с. 155]. То есть вовсе не идея, а обычных объектов авторского права.

Мы же рассмотрим положения авторского права применительно именно к идеям.

Конечно, если идея совершенно абстрактна («Пусть все будут богатыми и не будет бедных» и т.д.), о правовой охране такой идеи бессмысленно даже и говорить. Но идеи бывают не только абстрактными, но и вполне конкретными, как можно было видеть на примерах в первой части настоящей статьи.

Считается, что авторское право охраняет только объективную форму произведения. Более того, в п. 3 ст. 1270 ГК РФ даже специально оговорено, что практическое применение положений, составляющих содержание произведения, не является использованием произведения, т.е. не является нарушением исключительного права правообладателя (п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

Однако в ГК РФ оговорено и исключение из общего правила: право на практическую реализацию архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта принадлежит правообладателю (п. 1, подп. 10 п. 2 и п. 3 ст. 1270 ГК РФ). Проект не может быть воплощен без согласия (разрешения) правообладателя!

Но почему бы не охранять архитектурный проект просто как обычный объект авторского права?

Как произведение архитектурный проект представляет собой совокупность чертежей — стопку бу-

мажных листов, покрытых разнообразными линиями. А дизайн-проект, как правило, включает в себя, помимо чертежей, также цветные зарисовки предлагаемого клиенту интерьера решения. Не так уж эти проекты отличаются от произведений изобразительного искусства — графики, рисунков.

Аналогично другим объектам авторского права охрана изображений, составляющих архитектурный или дизайнерский проект, могла бы ограничиться запретом воспроизводить их (создавать новые экземпляры), распространять их — изображения — путем продажи или иного отчуждения экземпляров, публично показывать, перерабатывать, доводить до всеобщего сведения. Ведь что создано творческим трудом архитектора или дизайнера? Изображения.

Очевидно, что существует огромная разница между архитектурным проектом и построенным зданием. Можно ли сказать, что архитектор создал здание? Нет, здание создадут строители. Архитектор лишь придумал, каким оно должно быть, — создал *идею* будущего здания. Так же дизайнер создает *идею* будущего интерьера. Тем не менее законодатель не ограничился простым признанием авторских прав на сами проекты (изображения), но и предоставил права на *идеи*, содержащиеся в проектах.

То же самое можно сказать и про модельеров. Вообще, неочевидно, что в подп. 10 п. 2 ст. 1270 ГК РФ имеются в виду дизайнеры одежды. Результаты их труда обычно не называются дизайнерскими проектами. Скорее, дизайн одежды в п. 2 ст. 1270 ГК РФ подразумевается в числе произведений дизайна среди других произведений изобразительного искусства и в числе произведений декоративно-прикладного искусства. Про запрет на воплощение в жизнь дизайна одежды ничего не сказано. Однако же общепринято, что правом охраняются не только рисунки, сделанные мастерами моды, как произведения изобразительного искусства и не только готовые изделия, сшитые швейными по рисункам-эскизам, но и *идеи* платьев и прочих предметов одежды, придуманные модельерами.

Еще более интересный пример — сценарий. Сценарные произведения являются объектами авторского права (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Соответственно, автор сценария обладает интеллектуальными правами на созданный им сценарий. Однако, кроме того, автор сценария признается также соавтором аудиовизуального произведения (п. 2 ст. 1263 ГК РФ).

Причем любопытно отметить, что норма касается только аудиовизуальных произведений. Как все мы знаем, сценаристы указываются в титрах фильма или телесериала наравне с режиссерами и даже получают награды, если фильм (телесериал) хорош («Оскар», «Золотая пальмовая ветвь» — в Каннах, Приз имени

Григория Горина — на «Кинотавре», «Ника» и др.; Премия Гильдии сценаристов Америки, «Эмми» за лучшие сценарии телесериалов и др.). А про автора сценария шоу, например, ничего не сказано. Конечно, права на текст сценария никуда не денутся, но соавтором шоу сценарист не считается.

Даже для человека, который никогда не видел сценария, совершенно очевидно, что сценарий не является составной частью готового аудиовизуального произведения. Существует огромная разница между сценарием и фильмом (например, к аудиовизуальным произведениям, как известно, относятся не только фильмы). Причем эта разница совершенно не такая, как, скажем, у стихов и песни: слова, из которых состоят стихи, остаются в неизменном виде, но только читаются или поются под музыку. А сценарий всего лишь служит, так сказать, «сырьем» для нового самостоятельно существующего результата интеллектуальной деятельности.

Взаимосвязь сценария и снятого по нему фильма — примерно такого же плана, как и взаимосвязь архитектурного проекта и построенного здания. Сценарий — всего лишь идея, описывающая будущий РИД.

Как видно на этих примерах, идеи и концепции правом, конечно, не охраняются, но иногда все-таки охраняются. Как говорится, перед законом все равны, но некоторые равнее. В случае с проектами и сценариями — настолько равнее, что законодатель отступает от общих правил и прямо указывает на особую природу этих произведений.

Что объединяет эти два случая? Длительный и трудоемкий процесс создания конечного результата интеллектуальной деятельности. Одно дело, когда наш современник поэт Владимир Вишневский сочиняет свое знаменитое однотишие «О, как внезапно кончился диван» [22]. Совсем другое дело — стройка или производство художественного фильма.

Представьте себе мир, в котором архитектурные проекты и сценарии к кино не охраняются от воплощения. Это означало бы, что архитектор не может никому показать свой проект без риска быть «обокраденным», без риска, что здание построят без него. А сценарист, соответственно, бережет свой сценарий от посторонних глаз, чтобы никто не смог снять фильм по его сценарию без его согласия и участия. Представьте, каким скучным был бы такой мир, если бы каждый архитектор вынужден был самостоятельно строить здание чтобы воплотить свои архитектурные идеи в жизнь, а каждый сценарист вынужден был бы сам спонсировать, продюсировать, режиссировать и снимать фильм по своему сценарию. Не часто бы они радовали нас новинками!

Между тем именно в таком мире мы и живем. Просто не замечаем этого. Одни молчат, хранят свои идеи в тайне; в лучшем случае — годами корпят над их воплощением «в одно лицо». А другие сетуют на нехватку новых идей и не имеют поприща для приложения своих организационных талантов, капитала и т.д. В итоге в проигрыше и те, и другие, и мы все вместе.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Как было сказано выше, в обществе уже сформировалась потребность каким-то образом отмечать творческий труд авторов идей. И даже устанавливать на содержание идеи некие права: «Если кто-то войдет в вашу гостиную без приглашения, вы почувствуете себя по праву обиженным. То же самое чувствуют те, у кого украдли идеи» [23].

А.П. Сергеев также высказываеться за то, что «не все, но многие идеи ... заслуживают получения хотя бы минимальной юридической защиты и общественного признания» [5, с. 10].

М.А. Конопленко считает, что идеи, которые «являются результатом сознательных размышлений и умозаключений автора», хоть и не признаются, но фактически являются РИД, даже «не будучи выраженными в какой-либо форме» и «не будучи сообщенными кому-либо другому лицу» [7, с. 100]. Тем не менее он предлагает ограничить объем охраняемых идей теми идеями, которые выражены вовне (ибо такая идея может быть присвоена другими лицами, а потому нуждается в охране), новые (придуманы впервые — «защита интересов первого автора является основной задачей») и оригинальны [там же, с. 103]. Правда, автор изложенной точки зрения не раскрывает, каким образом следует устанавливать новизну и оригинальность идей и кто этим будет заниматься. В целом, его позиция напоминает дискуссии о правовой охране произведений (имеются в виду предложения исключить «недостаточно творческие» произведения из числа объектов авторского права) и широко распространенные в литературе высказывания о необходимости новизны и оригинальности для признания объекта произведением; соответственно, можно прийти к выводу, что эти рассуждения держатся в русле авторско-правовой охраны.

О.В. Белая рассматривает охрану идей также с позиции авторского права и считает, что «... запрет на отнесение идей и концепций к объектам авторского права не соответствует изменяющимся условиям развития общества и не отражает реальных потребностей участников гражданских правоотношений в защите их прав» [3, с. 20].

Однако в авторском ли праве заинтересованы разработчики идей и концепций (хоть бизнес-идей², хоть идей другого рода)? Чем им поможет охрана формы? Ведь, как совершенно справедливо утверждает Э.П. Гаврилов, «авторское право охраняет не то, что сказано, а то, как это сказано» [24, с. 10].

Предположим, законодатель согласился распространить авторско-правовую охрану на идеи. Что это значило бы на практике?

Прежде всего, согласно нормам авторского права, автор идеи должен выразить свою идею в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ): письменно, устно, в аудио- или видеоформе и т.д. Возьмем наиболее распространенный и рекомендуемый (см., например, [5, с. 10; 25, с. 109-110]) для фиксации идей формат — записка (в виде текста, схем, таблиц и т.п.). Что такое записка? Это произведение. Она уже — объект авторского права. Для ее охраны не требуется изменений в законодательстве.

Что, однако, мы получаем от правовой охраны записи? Запрет на воспроизведение текста (включая схемы, таблицы и т.п.) записи. То есть постороннее лицо без нашего разрешения не может, условно говоря, издать брошюру с материалами из нашей записи или повесить нашу записку в интернете. Само по себе это неплохо и лишним не будет. Только при чем тут охрана *идей*, зафиксированной в записке? К охране идей мы не приблизились ни на шаг.

Таким образом, очевидно, что авторское право не способно продвинуть нас на пути к охране «того, что сказано».

В связи с этим О.В. Белая, примеряя авторско-правовую охрану к бизнес-идеям, предлагает изменить законодательный подход к формированию понятия произведения: «остро ощущается необходимость ... смещения акцентов с рассмотрения произведений исключительно как формы выражения к единству анализа содержания произведения и его фиксации в объективной форме» [3, с. 23].

Но разве это не является аналогом патентно-правовой охраны? Охрана изобретения в пределах описания и формулы, содержащихся в патенте, — это и есть единство (смыслового) содержания результата интеллектуальной деятельности и его фиксации

в объективной форме (текста патента). Стоит ли понимать предложение О.В. Белой в смысле распространения патентной охраны на все тексты (в том числе не содержащие в себе технического решения)? Если исходить из рассмотренной в цитируемой работе ситуации с промышленными образцами [3, с. 22], то кажется, что нет. Если исходить из заключительных слов работы, то кажется, что да. В целом, не очень понятно, каким образом предлагается реформировать авторско-правовую охрану так, чтобы с ее помощью стала возможна охрана идей (пусть даже только бизнес-идей).

Трудно не согласиться с Э.П. Гавриловым, который считает, что для охраны идей потребовалось бы «построение механизмов, которых нет в авторском праве» и которые противоречат постулатам авторского права: это было бы уже не авторское право [24, с. 10].

Итак, авторское право, как ни крути, не годится для охраны идей.

В связи с этим В.Н. Синельникова предлагает «в целях устранения имеющегося пробела в части охраны авторских прав на бизнес-идеи ... признавать их объектами патентных прав и по аналогии закона применять к ним режим полезных моделей» [7].

Необходимо отметить, что аналогия закона стоит в применении к отношениям, которые прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и для которых отсутствует подходящий обычай, если это не противоречит их существу, гражданского законодательства, которое регулирует сходные отношения (ст. 6 ГК РФ). Это означает, что для применения аналогии закона необходимо, чтобы отношения по поводу бизнес-идей были сходны с отношениями по поводу полезных моделей.

Бизнес-идею В.Н. Синельникова определяет как «выраженный в объективной форме результат творческого процесса, содержащий определенную и конкретную концепцию, обладающую признаками новизны и оригинальности, имеющую потенциальную экономическую или социальную ценность, способную принести пользу обществу в целом и конкретным лицам в частности, раскрываемую при обстоятельствах, предлагающих компенсацию за ее использование» [7].

В качестве полезной модели охраняется техническое решение, относящееся к устройству (п. 1 ст. 1351 ГК РФ).

Из этих определений непонятно, что именно сходного нашлось у технического решения, относящегося к устройству, и у бизнес-идеи. Трудно найти среди результатов интеллектуальной деятельности более конкретное решение, чем полезная модель (упрощенно говоря, это конструкция какого-либо

² О.В. Белая под бизнес-идеей понимает любую идею, направленную в итоге на получение потенциально положительного экономического результата [3, с. 20]. В зависимости от широты взглядов читающего приведенные в настоящей статье примеры можно посчитать как направленными на получение экономического результата, так и не направленными непосредственно на экономический результат. В силу этого данная работа не ограничивается бизнес-идеями, а касается любых идей, которые предназначены для последующего воплощения.

агрегата, приспособления, инструмента и тому подобного, которая отличается от других, ранее известных конструкций конкретными деталями, узлами и т.д.). И трудно найти более аморфную сущность, чем (бизнес-)идея — «концепция, имеющая потенциальную экономическую или социальную ценность»: т.е. неизвестно даже, чем конкретно она полезна (под социальную ценность можно подвести что угодно) и полезна ли вообще — ценность-то только потенциальная.

С другими характеристиками бизнес-идей — не лучше. Какие обстоятельства предполагают компенсацию за использование потенциально полезных концепций? В чем состоит само использование? Кто будет это все определять? «Признаки новизны и оригинальности» также вызывают вопросы: например: по сравнению с чем? На какой момент? И т.д.

Представляется необходимым снова согласиться с Э.П. Гавриловым, что «идей не являются оригинальными, уникальными» в принципе, а для их охраны «надо было бы построить систему, обеспечивающую учет, государственную регистрацию и проверку новизны этих идей, первенство (приоритет) лиц, которые их высказывают, и т.д.» [24, с. 10]. Осуществимость этих мероприятий и их полезность для общества и экономики вызывают большие сомнения.

В каком-то смысле американский законодатель пошел по этому пути и построил свою патентную систему так, что объектами патентных прав в США оказались почти любые решения: «Тот, кто изобретает или открывает любой новый и полезный процесс, машину, производство, продукт или состав вещества либо любое новое и полезное его усовершенствование, может получить патент на него ...» (§101 разд. 35 «Патенты» Свода законов США [26]).

Согласитесь, чрезвычайно широкий взгляд на круг решений, которые могут быть запатентованы. Однако привело это лишь к возникновению весьма оригинальных проблем (вроде «патентных зарослей») и к умозаключениям о вреде патентов (см., например, [23; 27, с. 80]). Проблемы американского патентного права довольно специфичны и заслуживают отдельного внимания, но непосредственно к теме настоящей статьи они не относятся. Наше патентное право, к счастью, построено в большем согласии со здравым смыслом. Пусть таким и остается. А охране идей (даже только бизнес-идей) в патентном праве не место.

Нельзя не отметить, что перспективнее охранять идеи в режиме секрета производства (ноу-хая), особенно если правообладателем является физическое лицо: не рассказывай никому свою идею, и ее никто не украдет. Но тогда мы вынуждены вернуться к проблеме отсутствия оборота идей и невозможности привлечения ресурсов для их реализации (о чем под-

робно говорилось в первой и во второй частях настоящей статьи). То есть ноу-хау также не подходит для решения рассматриваемой проблемы.

Остальные институты права интеллектуальной собственности (смежные права, права на селекционные достижения, права на топологию интегральных микросхем и права на средства индивидуализации) и вовсе не годятся.

Тем не менее представляется, что все-таки стоит двигаться к признанию идей интеллектуальной собственностью в будущем. Возможно, в отдаленном будущем.

Разумеется, речь идет об идеях, выраженных вовне. Если автор молчит и идея существует лишь в его голове, в помощь права ни первый, ни вторая не нуждаются (по крайней мере, пока мы не научились читать мысли на расстоянии).

Как известно из истории, творчеством и искусством человек занимался даже в те времена, когда он пребывал еще в первобытном состоянии. В том числе занимался и техническим творчеством: палку-копалку, освоение огня, изготовление ножей и копий вполне можно считать первыми изобретениями. Самые древние из известных наскальных рисунков относятся к периоду около 73–40 тыс. лет до н.э. (см., например, [28, 29]). Первая настоящая письменность возникла в Шумере в 28-м в. до н.э. [30], а самое древнее из дошедших до нас произведение литературы — «Поучения Шурупака», созданное неизвестным автором, датируют 27-м–26-м вв. до н.э. (см., например, [31]. Самая древняя из найденных палка-копалка имеет возраст более 170 тыс. лет (см., например, [32]). А разведению огня (будущие) люди научились не менее 400 тыс. лет назад (см., например, [33]).

Однако до мысли о необходимости признания авторского труда как такового, фиксации сведений об авторе человечество, насколько можно судить, дорошло намного позднее. Самые древние литературные произведения, автор которых известен, созданы Энхедуаной, аккадской принцессой и по совместительству поэтессой, жившей в 23-м в. до н.э. в Древней Месопотамии (см., например, [34]). Из самых ранних художественных произведений, подписанных авторами своими именами, известны древнегреческие вазы 6-го в. до н.э. (см., например, [35; 36, с. 44]) и «таблички из Пиццы», также датированные 6-м в. до н.э. (см., например, [37]; хотя собственно имя автора в надписи не сохранилось, считается, что за указанием на происхождение — «коринфянин» — следовало его имя). Также в античной Греции сформировался прототип защиты автора от plagiarisma (см., например, [38, с. 7]).

Древнейшим изобретателем, имя которого нам известно, вероятно, можно считать древнеегипетско-

го мудреца, визиря, почитаемого после смерти в качестве бога медицины, Имхотепа, жившего в 27-м в. до н.э. Он изобрел пирамидальную архитектурную форму, колонну и методы лечения ряда болезней (см., например, [39]). Более древние изобретения, насколько можно судить, анонимны.

Что же касается собственно прав на созданные результаты интеллектуальной деятельности, то их появление оказалось возможным лишь спустя длительное время. Формат монопольного права на реализацию, воспроизведение придуманного творческим трудом (будущего исключительного права) стал зарождаться в Европе лишь в эпоху Возрождения (см., например, [38, с. 10-11, 29].

Из этого исторического экскурса видно, что формирование исключительного права является наиболее поздней стадией. Поэтому неправильно начинать поиск инструментов правовой охраны идей сразу с вариантов установления исключительных прав на них. Говорить об исключительных правах на идеи, представляется, станет возможно еще очень нескоро, если вообще когда-нибудь станет возможно. Для М.А. Конопленко, например, «очевидно, что исключительное право на идеи не будет существовать никогда» [7, с 104]. На взгляд автора этой статьи, предрекать или отрицать появление исключительных прав на идеи на данном этапе невозможно, нет предпосылок ни для того, ни для другого. К тому же некое право на идею может появиться со временем, но необязательно быть именно исключительным. Может быть, оно будет носить какой-то другой характер.

Глядя на исторический путь, пройденный другими, «классическими», РИД (произведениями и изобретениями), мы можем сделать вывод, что далеки от фазы формирования исключительного или другого имущественного права на идеи. Литературе потребовалось более 40 столетий, чтобы пройти путь от зарождения как самобытной сущности до получения первых монопольных привилегий, а произведениям изобразительного искусства — и того больше, около 75 тыс. лет. Конечно, идеям вряд ли понадобятся тысячи лет, сейчас общественные отношения развиваются стремительно. Тем не менее сама сущность идеи как объекта (потенциальной) правовой охраны пока слишком аморфна.

Однако на каком этапе мы находимся сейчас? Если проводить аналогию с развитием прав на литературные произведения, то можно сказать, что в данный момент на пути к правовой охране идей (за исключением некоторых проектов и сценариев, о чем подробно было сказано во второй части этой статьи) мы находимся примерно в 23-м веке до н.э. Идеи постепенно перестают быть анонимными, и первые слу-

чаи фиксации авторства идей уже имеют место (о них говорилось в первой части настоящей статьи). Поэтому как раз о признании авторства в отношении идеи вполне уже можно подумать.

Как было сказано выше, представляется, что речь об охране прав автора стоит вести только в том случае, если он кому-то раскрыл свою идею.

Далее, очевидно, что одна и та же идея может прийти в голову разным людям совершенно независимо друг от друга. Поэтому не стоит говорить об охране идеи вообще, самой по себе. Также представляется, что не стоит говорить о чьем-то личном первенстве в «рождении» идеи и об охране идеи «против всех» третьих лиц (они ведь могут придумать то же самое самостоятельно).

Охрана идеи нужна, насколько можно судить на настоящем этапе, только в том случае, если автор раскрыл свою идею кому-то конкретному в поисках партнеров. Представляется, что было бы правильно в таком случае, чтобы этот кто-то, если он воспользовался идеей единолично, без ее автора, как минимум указал имя автора идеи и признал тем самым его заслугу в появлении результата интеллектуальной деятельности или иного объекта, в котором воплощена идея.

На взгляд автора этой статьи, не стоит форсировать естественный процесс развития общественных отношений, и лучше действовать более осторожно. На данном этапе, как видится, даже поиск правовой формы для закрепления обязанности указывать авторство идеи — довольно амбициозная задача, требующая тщательного анализа и кропотливой проработки деталей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, обозначу еще раз основные моменты, отмеченные в настоящей статье.

На современном этапе развития общества, науки и техники идеи, предназначенные для будущего воплощения в жизнь, стали приобретать самостоятельную ценность, чего раньше не наблюдалось (ценность имели только уже «готовые» объекты). Технологии, доступные человечеству, позволяют реализовывать самые смелые и фантастические идеи, и в то же время сохранять от забвения все, сделанное предыдущими поколениями. В силу этого придумать что-то новое и оригинальное стало труднее, чем воплотить задуманное.

В связи с этими обстоятельствами в обществе сформировалась потребность отмечать вклад в создание объекта автора идеи. И начинает постепенно складываться практика указывать, кому принадлежит авторство идеи, даже если автор идеи сам же и реализовал ее.

Хотя право интеллектуальной собственности отрицает возможность правовой охраны идеей как таковых, на самом деле некоторые идеи давно получили собственную правовую охрану: архитектурные, дизайнерские, градостроительные и садово-парковые проекты, а также сценарии аудиовизуальных произведений. Причем авторы последних не просто защищены от использования их сценарных идей без их согласия, но даже объявлены соавторами самих аудиовизуальных произведений.

Однако для правовой охраны остальных идей, сколь бы конкретными и подготовленными к воплощению в жизнь они ни были, право интеллектуальной собственности возможностей не предоставляет. Высказанные в литературе мнения насчет возможности охраны идей авторским или патентным правом не выдерживают критики.

В итоге одни (те, кто имеют интересные, перспективные идеи) молчат, хранят свои идеи в тайне, боясь, что эти идеи реализуют без их участия; а другие сетуют на нехватку новых идей и не имеют поприща для приложения своих организационных талантов, капитала и т.д. В результате в проигрыше оказываются и те, и другие, и все общество в целом.

В связи с изложенным выше представляется, что необходимо двигаться по пути признания идей интеллектуальной собственностью, пусть и в отдаленном будущем. Начинать этот путь следует, естественно, не с установления исключительного права или иной формы монополии на идеи, а хотя бы с признания авторства. Как известно из истории, все виды результатов интеллектуальной деятельности проходили этот путь, начиная именно с фиксации авторства и признания обществом авторского труда по созданию этого РИД. На первых порах даже такая задача — признание права авторства в отношении идеи — весьма амбициозна и требует тщательного продумывания возможного правового механизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Marche St. The Future of Writing is a Lot Like Hip-Hop. — URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/05/generative-ai-novel-writing-experiment-stephen-marche/673997/> (accessed: 04.12.2024).
 2. Леонтьев Б.Б. Введение в теорию обновления общества. М.: РИНФО, 1999.
 3. Белая О.В. Бизнес-идея как объект интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. № 4. С. 20–23.
 4. Каминская Е.И., Штодина Д.Д. Место идей в сфере авторско-правовой охраны (опыт России в зарубежных странах). — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S092658041830010X> (accessed: 04.12.2024).
 5. Кейдж Дж. 4'33". — URL: https://dzen.ru/video/watch/65619566af22215051c4e857?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 04.12.2024).
 6. Кейдж Джон Милтон. «4'33» — пьеса молчаливого присутствия. Тишина или анархия. — URL: [https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC,_2009_\(%D1%84%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC,%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC,_2009\)&oldid=10500000](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%BC_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC,_2009_(%D1%84%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%BC,%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BC,_2009)&oldid=10500000) (дата обращения: 04.12.2024).

бежном контексте) // Труды по интеллектуальной собственности. 2019. Т. XXXIV. № 3-4. С. 147–163.

REFERENCES

1. *Marche St. The Future of Writing is a Lot Like Hip-Hop.* — URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2023/05/generative-ai-novel-writing-experiment-stephen-marche/673997/> (date of the application 04.12.2024).
 2. Leontyev B.B. *Vvedenie v teoriyu obnovleniya obshchestva*. M.: RINFO, 1999.
 3. Belya O.V. *Biznes-ideya kak ob'ekt intellektual'noy sobstvennosti* // *Grazhdanskoe pravo*. 2018. No 4. S. 20–23.
 4. Kaminskaya E.I., Shtodina D.D. *Mesto idey v sfere avtorsko-pravovoy ohranyi (opyit Rossii v zarubezhnom kontekste)* // *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti*. 2019. T. XXXIV. No 3-4. S. 147–163.
 5. Sergeev A.P. *Ob okhrane idey v rossiyskom avtorskom prave* // *Patenty i litsenzi. Intellektual'nyie prava*. 2020. No 12. S. 9–13.
 6. Konoplenko M.A. *Ideya kak ob'ekt intellektual'nogo prava* // *Kopirayt (Vestnik Akademii intellektual'noy sobstvennosti)*. 2021. No 2. S. 99–107.
 7. Sinel'nikova V.N. *Biznes-ideya kak novyy ob'ekt patentnogo prava (doklad na Kruglom stole "Razvitiye patentnogo zakonodatel'stva v sovremennyikh usloviyakh", 10 noyabrya 2022 g.)*. — URL: <https://www.hse.ru/org/persons/57317070/#sci> (date obrashcheniya: 04.12.2024).
 8. Kovalenko N. Karen Shakhnazarov: "V kino — krizis idey". — URL: <https://www.interfax.ru/culture/9892> (date obrashcheniya: 04.12.2024).
 9. Krizis idey v geymdeve, a mozhet myi zazhralis'? — URL: https://pikabu.ru/story/krizis_idey_v_geymdeve_a_mozhet_myi_zazhralis_8654805#comments (date obrashcheniya: 04.12.2024).
 10. Raskov D. *Len' i trud: po motivam Malevicha* // *Logos*. 2019. No 1 (128). S. 259–271.
 11. Volkov A.S. *Investitsionnyie proekty: ot modelirovaniya do realizatsii*. — URL: <https://econ.wikireading.ru/10218> (date obrashcheniya: 04.12.2024).
 12. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BD%D1%91%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B.

- _%D0%AD%D0%BF%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0
%B4_IV:_%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%
F_%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%
%B6%D0%
%B4%D0%
%B0 (date obrashcheniya: 04.12.2024).

13. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%
B8%D0%BD-%D0%
B4%D0%
B7%D0%
B0-%D0%
B4%D0%
B7%D0%
B0!](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%
B8%D0%BD-%D0%
B4%D0%
B7%D0%
B0-%D0%
B4%D0%
B7%D0%
B0!) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

14. Pavlova A. Chto pisali v 1977 godu kritiki o fil'me
"Zvezdnyie voyni. Epizod IV: Novaya nadezhda". —
URL: <https://www.soyuz.ru/articles/726> (date
obrashcheniya: 04.12.2024).

15. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%
B2%D0%
B0%D1%
B8%D0%
B2%D0%
B0%D1%
B8_\(%D1%
B4%D0%
B8%D0%
BB%D1%
B8C%D0%
BC,_2009\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%
B2%D0%
B0%D1%
B8%D0%
B2%D0%
B0%D1%
B8_(%D1%
B4%D0%
B8%D0%
BB%D1%
B8C%D0%
BC,_2009)) (date
obrashcheniya: 04.12.2024).

16. Cage J. 4'33". — URL: [https://dzen.ru/video/watch/
65619566af22215051c4e857?utm_referrer=www.
google.com](https://dzen.ru/video/watch/
65619566af22215051c4e857?utm_referrer=www.
google.com) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

17. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/4'33> (date of the
application 4.12.2024 g.).

18. Lipov A.N. Djon Milton Keydg. "4'33" — pyesa
molchalivogo prisutstviya. Tishina ili anarkhiya
molchaniya? Ch. 1 // Kul'tura i iskusstvo. 2015. No 4.
S. 436–454.

19. Lipov A.N. Djon Milton Keydg. "4'33" — pyesa
molchalivogo prisutstviya. Tishina ili anarkhiya
molchaniya? Ch. 2 // Kul'tura i iskusstvo. 2015. No 6.
S. 669– 686.

20. Nikonenko S. 30 idey dlya technologicheskogo
startapa, kotoryie byi voplotil Mark Tsukerberg, esli byi
ne sdelal Facebook. — URL: [https://www.purrweb.
com/ru/blog/30-idej-dlya-tehnologicheskogo-
startapa/](https://www.purrweb.
com/ru/blog/30-idej-dlya-tehnologicheskogo-
startapa/) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

21. Al'tshuller G. Nayti ideyu: Vvedenie v TRIZ — teoriyu
resheniya izobretatel'skikh zadach. M.: Al'pina
Publisher, 2014. 319 s.

22. URL: <http://www.vishnevskii.ru/ap/> (date
obrashcheniya: 04.12.2024).

23. Time to fix patents: Ideas fuel the economy. Today's
patent systems are a rotten way of rewarding them //
The Economist. Aug 8th 2015. — URL: [https://www.economist.com/leaders/2015/08/08/time-to-fix-
patents](https://www.
economist.com/leaders/2015/08/08/time-to-fix-
patents) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

24. Gavrilov E.P. Avtorskoe pravo i "dissertatsionnoe
pravo" // Patenty i litsenzi. Intellektual'nyie prava.
2018. No 12. S. 9–15.

25. Leont'ev B.B. Kak fiksirovat' idei i razvivat' tvorcheskuyu
aktivnost' // Kkopirayt (Vestnik Akademii intellektual'noy
sobstvennosti). 2021. No 2. S. 108–112.

26. URL: [https://www.govinfo.gov/content/pkg/
USCODE-2011-title35/html/USCODE-2011-title35.htm](https://www.govinfo.gov/content/pkg/
USCODE-2011-title35/html/USCODE-2011-title35.htm)
(date obrashcheniya: 04.12.2024).

27. Machlup F. An Economic Review of the Patent System.
Washington: U.S. Government Printing Office, 1958. 89 s.

28. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Blombos_Cave
(accessed: 04.12.2024).

29. Adam Brumm et al. Oldest cave art found in
Sulawesi // Science Advances. 2021. Vol. 7. No 3.
DOI:10.1126/sciadv.abd4648.

30. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%
B1%D1%
B82%D0%
BE%D1%
B80%D0%
B8%D1%
B8F_%D0%
BF%D0%
B8%D1%
B81%D1%
B8C%D0%
BC%D0%
B5%D0%
BD%D0%
BE%D1%
B81%D1%
B82%D0%
B8](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%
B1%D1%
B82%D0%
BE%D1%
B80%D0%
B8%D1%
B8F_%D0%
BF%D0%
B8%D1%
B81%D1%
B8C%D0%
BC%D0%
B5%D0%
BD%D0%
BE%D1%
B81%D1%
B82%D0%
B8) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

31. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%
BE%D1%
B83%D1%
B87%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B8%D1%
B8F_%D0%
A8%D1%
B83%D1%
B80%D1%
B83%D0%
BF%D0%
BF%D0%
B0%D0%
BA%D0%
B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%
BE%D1%
B83%D1%
B87%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B8%D1%
B8F_%D0%
A8%D1%
B83%D1%
B80%D1%
B83%D0%
BF%D0%
BF%D0%
B0%D0%
BA%D0%
B0) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

32. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%
B0%D0%
BB%D0%
BA%D0%
B0-%D0%
BA%D0%
BE%D0%
BF%D0%
B0%D0%
BB%D0%
BA%D0%
B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%
B0%D0%
BB%D0%
BA%D0%
B0-%D0%
BA%D0%
BE%D0%
BF%D0%
B0%D0%
BB%D0%
BA%D0%
B0) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

33. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%
B81%D0%
B2%D0%
BE%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B0%D0%
B8%D0%
B5_%D0%
BE%D0%
B3%D0%
BD%D1%
B8F_%D0%
B4%D1%
B80%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B2%D0%
BD%D0%
B0%D0%
B8%D0%
BC%D0%
B8%D0%
B8%D0%
B0%D0%
BB%D1%
B8E%D0%
B4%D1%
B8C%D0%
BC%D0%
B8](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%
B81%D0%
B2%D0%
BE%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B0%D0%
B8%D0%
B5_%D0%
BE%D0%
B3%D0%
BD%D1%
B8F_%D0%
B4%D1%
B80%D0%
B5%D0%
BD%D0%
B2%D0%
BD%D0%
B0%D0%
B8%D0%
BC%D0%
B8%D0%
B8%D0%
B0%D0%
BB%D1%
B8E%D0%
B4%D1%
B8C%D0%
BC%D0%
B8) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

34. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%
B4%D1%
B85%D0%
B5%D0%
B4%D1%
B83%D0%
B0%D0%
B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%
B4%D1%
B85%D0%
B5%D0%
B4%D1%
B83%D0%
B0%D0%
B0) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

35. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sophilos> (date
obrashcheniya: 04.12.2024).

36. Fedotov M.A. Vvedenie v kontsept obshchey teorii
avtorstva // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti
(Works of Intellectual Property). 2023. T. 46. No 3.
S. 38– 75.

37. Samaya drevnyaya kartina v mire. — URL: [https://shakko.ru/137966.html?from=sds](https://
shakko.ru/137966.html?from=sds) (date
obrashcheniya: 04.12.2024).

38. Losev S.S. Iskluchitel'noe pravo v sisteme
grazhdanskikh prav. Minsk: Biznesofset, 2016. 270 s.

39. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%
C1%
B85%D0%
BE%D1%
B82%D0%
B5%D0%
BF](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%
C1%
B85%D0%
BE%D1%
B82%D0%
B5%D0%
BF) (date obrashcheniya: 04.12.2024).

О ПЕРСПЕКТИВАХ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ НА КРЕАТИВНЫЕ ПРОДУКТЫ

ON PERSPECTIVES IN THE PROTECTION AND DEFENSE OF CREATIVE PRODUCTS

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
nbuzova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2268-0345

Роман Львович ЛУКЬЯНОВ

Semenov&Pevzner, Москва, Россия,
r.lukyanov@semenovpevzner.ru,
ORCID: 0009-0004-9217-5306

Информация об авторах

Н.В. Бузова — доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российской государственного университета правосудия, кандидат юридических наук Р.Л. Лукьянов — управляющий партнер юридической фирмы Semenov&Pevzner

Аннотация. В последние пять лет внимание государства к креативной экономике планомерно возрастало: государство инициировало публичные дискуссии о креативной экономике, организовывало тематические мероприятия, точечно изменяло законодательный ландшафт, выделяло гранты, формулировало концепции развития, определяло целевые показатели. Ожидаемым и прогрессивным результатом участия государства в регулировании креативной экономики стало принятие Федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Несмотря на то что в большей части норм нового закона сформулированы достаточно общие по содержанию положения, на первый взгляд, не вызывающие интереса у юридического сообщества, все же этот закон имеет фундаментальное значение. Фактически он устанавливает политico-правовые границы как для последующих законодательных инициатив, так и для правореализационных процессов. Поскольку в основе креативной экономики лежит интеллектуальная собственность,

- представляет особый интерес проанализировать, в какой степени и как соотносятся действующее законодательство и правоприменительный опыт с положениями нового закона. Именно анализу этого соотношения посвящена настоящая статья.
- **Ключевые слова:** креативные индустрии, креативный продукт, защита интеллектуальной собственности, нарушение интеллектуальных прав, ответственность за нарушение интеллектуальных прав
- **Для цитирования:** Бузова Н.В., Лукьянин Р.Л. О перспективах охраны и защиты прав на креативные продукты // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, №1. С. 84–94.
• DOI: 0.17323/tis.2025.24886

Natalia V. BUZOVA

Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
nbuzova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2268-0345

Roman L. LUKYANOV

Semenov&Pevzner, Moscow, Russia
r.lukyanov@semenovpevzner.ru
• ORCID: 0009-0004-9217-5306

Information about the authors

N.V. Buzova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Russian State University of Justice
R.L. Lukyanov — Managing partner of Semenov&Pevzner

- **Abstract.** Over the past five years, the state's attention to the creative economy has been steadily increasing. The state initiated public discussions on the creative economy, organized thematic events, selectively changed the legislative landscape, allocated grants, formulated

development concepts, and defined target indicators. An expected and progressive result of the state's participation in regulating the creative economy was the adoption of the federal law "On the Development of Creative Industries in the Russian Federation". Despite the fact that most of the provisions of the new law contain provisions that are quite general in content and, at first glance, do not arouse interest in the legal community, this law is still of fundamental importance. In fact, it sets political and legal boundaries for both subsequent legislative initiatives and law enforcement processes. Given that the creative economy is based on intellectual property, it is of particular interest to what extent and how the current legislation and law enforcement experience correlate with the provisions of the new law. This article is devoted to the analysis of this correlation.

Keywords: creative industries, creative product, protection of intellectual property, violation of intellectual rights, liability for violation of intellectual rights

For citation: Buzova N.V., Lukyanov R.L. On Perspectives in the Protection and Defense of Creative Products // Trudi po Intellectualnoy Sostvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 84–94; DOI: 0.17323/tis.2025.24886

- С распространением цифровых технологий творческая деятельность, несмотря на то что ее результаты имеют нематериальный характер и преимущественно способствуют распространению информации и продвижению культуры и образования в обществе, открывает новые возможности для экономики. Креативная экономика предполагает внедрение инноваций во все сферы деятельности человека и активное использование в создаваемых и продвигаемых на рынке товарах, работах и услугах результатов интеллектуальной деятельности. В целях развития в Российской Федерации креативной экономики, создания условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потенциала, стимулирования развития креативных (творческих) индустрий и создания креативных продуктов, увеличения объема нематериальных активов и обеспечения охраны и защиты прав на креативные продукты принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее — Закон) [1]. Указанный Закон вступил в силу 5 февраля 2025 г.
 - Частью 1 ст. 1 Закона установлено, что он направлен на определение основ правового регулирования организации и развития в Российской Федерации креативных индустрий и определяет условия деятельности и государственной поддержки в сфере креативных индустрий. Под креативной (творческой) индустрией в Законе понимается экономическая деятельность, непосредственно связанная с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью (п. 1 ст. 3).

Как следует из пояснительной записки к проекту данного Федерального закона № 474016-8 [2], его представлению в рамках законодательной инициативы предшествовали два распоряжения Правительства Российской Федерации: от 20 сентября 2021 г. № 2613-р [3] и от 17 августа 2022 г. № 2290-р [4]. В частности, в разд. VIII распоряжения Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р зафиксированы определенные целевые показатели, которые должны быть достигнуты государством: доля творчес-

ских индустрий в экономике Российской Федерации должна быть увеличена до 6% к 2030 г., доля занятости в творческих профессиях должна быть увеличена к 2030 г. до 15% (оба показателя должны быть увеличены практически трехкратно применительно к дате комментируемого распоряжения). Очевидно, что новый Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» призван в том числе обеспечить успешное достижение упомянутых показателей.

В пояснительной записке к комментируемому Закону прямо указано, что в его основе лежит ст. 44 Конституции Российской Федерации [5], в которой помимо прочего гарантируется защита интеллектуальной собственности. В п. 5 ч. 2 ст. 1 Закона также зафиксирована одна из его целей: стимулирование создания креативных продуктов, увеличения объема нематериальных активов и обеспечение охраны и защиты прав на креативные продукты. При этом, согласно п. 2 ст. 3 Закона, под креативным продуктом понимается результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Понятие «креативный продукт» не является синонимом результата интеллектуальной деятельности и заимствовано из зарубежных источников. Согласно п. 2 ст. 3 Закона, понятие «креативный продукт» является обобщающим. Оно не раскрывает правовую природу, характеристики или сущность обозначаемого объекта, а указывает на объекты, которые могут быть отнесены к соответствующей категории. При этом полагаем, что в Законе речь идет об охраняемых в Российской Федерации результатах интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности), которые указаны в ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [6], а именно об объектах авторского права, смежных прав, патентного права и так называемого специального права (топологии интегральных микросхем, ноу-хау и селекционных достижениях).

Вместе с тем целесообразно отметить виды креативных индустрий, указанные в ст. 6 Закона, в рамках которых создаются, продвигаются и распространяются креативные продукты, обратив особое внимание на п. 1 ч. 2, индустрии, основанные на историко-культурном наследии (включая народные художественные промыслы, ремесла, деятельность галерей, деятельность по представлению обществу музеиных предметов и музейных коллекций, производство продукции с использованием изображений музейных предметов, музейных коллекций, зданий музеев и иных объектов

культуры и культурного достояния). Полагаем, что креативные продукты в индустрии, основанной на историко-культурном наследии, могут и не подпадать под охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, в частности, в связи с переходом в общественное достояние и применением к ним специальных правовых режимов, предусмотренных другими законами, например Федеральным законом от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [7].

Понятие «креативный продукт» объединяет как непосредственно результаты интеллектуальной деятельности, так и их совокупность. Но совокупность результатов — это не только сложные объекты, указанные в ст. 1240 ГК РФ (аудиовизуальное произведение, база данных, мультимедийный продукт, театрально-зрелищное представление), но и другие сочетания результатов интеллектуальной деятельности. Например, к совокупности объектов можно отнести программу для ЭВМ и изобретение, которые, функционируя совместно, создают единый технологический процесс; музыкальную композицию, записанную на фонограмму. Любое составное произведение может быть отнесено к данной категории, поскольку может объединять несколько результатов интеллектуальной деятельности, если его содержание представлено охраняемыми объектами.

Но особого внимания требуют объекты, характеризующиеся как «продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации», и также рассматривающиеся как креативный продукт. В определении используется дополнительное понятие «добавленная стоимость». Например, П.А. Самуэльсон и У.Д. Нордхаус под «добавленной стоимостью» понимали «разницу между стоимостью произведенных товаров и стоимостью материалов и комплектующих, использованных при их производстве» [8, с. 675]. При этом проблема видится в том, что добавленную стоимость от использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации можно понимать достаточно широко. Большая часть вещей, которые нас окружают, выполняемых работ и оказываемых услуг так или иначе содержит добавленную стоимость, в которой учтено использование результатов интеллектуальной деятельности и/или средств индивидуализации. К таким объектам можно было бы отнести и бумагу, на которой пишется данная статья, поскольку она выпускается под товарным знаком «Снегурочка», и услуги магазина с коммерческим обозначением «Карандаш», в котором была куплена эта бумага. Но при таком подходе значительное

количество окружающих нас предметов, оказываемых услуг и выполняемых работ можно отнести к креативным продуктам, что не предполагается рассматриваемым Законом.

Хотя позитивный эффект имущественного и немимущественного характера от использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации возможен и при нарушении интеллектуальных прав (неправомерном использовании), следует предположить, что в Законе речь идет или должна идти о правомерном использовании соответствующих объектов.

Использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации может как непосредственно правообладатель, так и лицо, которому право использования предоставлено на основании договора (лицензиат) или в соответствии с Законом, в том числе ввиду заключения государственного контракта либо ограничения или исключения интеллектуального права (например, иллюстрация, цитирование и т.д.). Если исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на товарный знак (знак обслуживания) принадлежит правообладателю, который его непосредственно использует для собственных товаров (продукции, работ или услуг), и такой товарный знак (знак обслуживания) стоит как нематериальный актив на балансе в определенной организации, определение добавленной стоимости товара, работы и услуги является разрешимой задачей. Аналогичный подход может быть применен и в отношении географических указаний и наименований мест происхождения товаров. Также возможно определить добавленную стоимость, когда в продукте используется результат интеллектуальной деятельности либо продукт или его упаковка маркируется товарным знаком, право использования которого предоставлено по лицензионному договору. Вместе с тем правообладателю или лицензиату достаточно сложно определить, что именно использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации фактически создало добавленную стоимость продукции, работы или услуги.

Однако следует предположить, что, вероятно, термин «креативный продукт» следует понимать уже, но в пояснительной записке к проекту Закона отсутствуют пояснения, которые могли бы давать дополнительные ограничивающие характеристики креативного продукта.

Возможно, ограничивающие критерии можно вывести из определения «креативная (творческая) индустрия», в котором указывается на креативный продукт, обладающий «的独特性 и экономической ценностью». Но хотя специалисты, например

Э.П. Гаврилов [9, с. 83], и относят уникальность к критериям творчества, а следовательно, к охраноспособности произведений, такой критерий не указан в ГК РФ, и для признания результата интеллектуальной деятельности охраняемым необходим творческий характер деятельности по его созданию. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права» (абзац третий п. 80 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [10]). То есть результат, даже не обладая признаками уникальности, может рассматриваться как результат творчества, а следовательно, например, как объект авторского права.

Что же касается экономической ценности, в Руководстве по оценке экономического вклада отраслей, основанных на авторском праве, подготовленном Всемирной организацией интеллектуальной собственности, указывается на то, что не только непосредственно творческая деятельность относится к экономической деятельности, экономический эффект может быть достигнут в связи с созданием экземпляров произведения, их распространением и потреблением [11, с. 36], то есть в связи с введением оригинала и экземпляров произведения в гражданский оборот. Таким образом, воздействие на экономику и получение экономического эффекта возможно на любом этапе от создания до потребления результата интеллектуальной деятельности.

В связи с возможностью неоднозначного толкования понятия «креативный продукт», имеется необходимость раскрыть данное понятие или определить его существенные характеристики в последующих правовых актах, которые будут приняты в развитие рассматриваемого Закона.

В целом, следует отметить, что Закон в части креативных продуктов касается в большей степени правообладателей и лицензиатов по лицензионным договорам о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации или пользователей по договорам коммерческой концессии. Такие лица могут быть отнесены к субъектам креативной индустрии.

Одной из основных задач, которые призван решить Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», является обеспечение охраны и защиты прав на креативные продукты в таком объеме, который позволит

достичь определенных государством целевых показателей. При этом с учетом содержания термина «креативные продукты» речь в первую очередь идет об эффективной охране и защите результатов интеллектуальной деятельности. В этом смысле представляется обоснованным оценить, в какой степени данной задаче соответствует существующий уровень защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации с точки зрения отдельных аспектов законодательного регулирования и правоприменительной практики.

На сегодняшний день не существует какого-либо объективного и универсального способа измерить степень (уровень) защиты интеллектуальной собственности в государстве в целом. Оценить этот показатель можно лишь приблизительно, прибегая к отдельным показателям. В самом общем смысле индикаторами уровня защищенности какого-либо блага могут выступать следующие факторы: наличие правового режима охраны в национальном законодательстве и его объемы; наличие правовых средств защиты и мер юридической ответственности за нарушение прав на соответствующий результат; доступность таких средств и мер правообладателю; динамичность правоприменения средств защиты и мер юридической ответственности.

Важно учитывать, что правовая охрана и защита не являются эквивалентными понятиями, на что обращается внимание в юридической науке [12, 13]. При этом применительно к креативным продуктам можно констатировать, что уровень их правовой охраны в Российской Федерации в целом соответствует всем международным стандартам (в том числе в силу участия Российской Федерации в соответствующих международных соглашениях, включая Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений [14], Договор ВОИС по авторскому праву [15], Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам [16], Международную конвенцию об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций [17], Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [18] и другие). В то же время вопросы защиты интеллектуальных прав требуют дополнительного внимания.

Как уже было отмечено ранее, в основе креативного продукта лежат результаты интеллектуальной деятельности, и именно они предопределяют его ценность как для субъекта креативной индустрии, так и для общества. Этот факт следует учитывать при оценке уровня защиты прав на креативные продукты. В такой ситуации «благом», в отношении которого должна обеспечиваться защита, является совокупность интеллектуальных прав относительно соот-

ветствующего результата интеллектуальной деятельности. В первую очередь — исключительного права, поскольку оно является имущественным и в большинстве случаев представляет собой объект сделок в креативных индустриях. При таких обстоятельствах для правообладателя результата интеллектуальной деятельности как субъекта креативной индустрии важно иметь правовые инструменты, обеспечивающие контроль за использованием креативного продукта и эффективное противодействие нарушениям.

Нематериальная природа результатов интеллектуальной деятельности предопределяет простоту нарушения прав на них, сложность постоянного и всеобъемлющего контроля за соблюдением этих прав и как следствие множественность нарушений прав. Эти обстоятельства в отсутствие надлежащих правовых инструментов защиты в значительной степени затрудняют развитие креативных индустрий в той динамике и до тех целевых показателей, которые сформулированы государством.

Особенности результатов интеллектуальной деятельности, поименованные в предыдущем абзаце, зачастую предопределяют наличие у достаточно широкого круга субъектов соблазна совершить нарушение исключительных прав, тем самым удешевив для себя достижение поставленной цели предпринимательской или иной экономической деятельности. В этом контексте от права ожидается такое регулирование отношений, которое эффективно программирует правомерное поведение потенциального пользователя результата интеллектуальной деятельности.

Во многом данное регулирование достигается за счет превентивной функции юридической ответственности. При этом следует учесть, что речь в данном случае идет как о позитивной, так и о негативной юридической ответственности. В научной литературе указывается, что превенция юридической ответственности осуществляется путем формулирования обязанностей, запретов, угрозы наказания и реальным применением наказания [19, с. 144-145]. Превентивное воздействие гражданско-правовой ответственности начинается с определения гражданско-правовых обязанностей, которые побуждают субъекта к должному поведению [20, с. 209]. В случае если эти обязанности нарушаются, превенция выражается в применении мер юридической ответственности к нарушителю.

В научной литературе также отмечается, что право может влиять на неправомерное поведение людей, повышая либо номинальное значение санкций, либо вероятность привлечения к ответственности [21].

Отметим, что ситуация с нарушениями исключительных прав на результаты интеллектуальной де-

ятельности в России на сегодняшний день должна оставаться в фокусе внимания с учетом поставленных государством задач и целевых показателей развития креативной экономики. Так, объем пиратского видеоконтента в интернете за 2023 г. увеличился более чем в два раза [22], было скачано пиратских копий видеоигр на 324 млрд рублей [23]. Также в 2023 г. доля незаконного оборота детской продукции в Российской Федерации, в которой наиболее часто используются детские анимационные персонажи, составила около 30% [24].

На сегодняшний день нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности сопряжено с возможными последствиями в виде применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. Несмотря на достаточно широкий набор возможностей, большинство из них на практике не всегда позволяют достичь ожидаемого эффекта.

Так, положения ст. 7.12. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [25] предполагают возложение на нарушителя денежного штрафа максимум до 40 тыс. рублей (в некоторых случаях — с возможной конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения). Кроме того, что на практике данная статья применяется относительно редко, предусмотренный в комментируемой норме объем ответственности едва ли способен превентивно воздействовать на нарушителя и в позитивном контексте влиять на его поведение в будущем применительно к соблюдению исключительных прав. Кроме того, в свете принятия Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 192-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [26] у правообладателей также возникает неопределенность в отношении того, какой орган государственной власти уполномочен на составление протоколов о правонарушении по данной категории споров.

Статья 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [27] устанавливает уголовную ответственность за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, обладающее определенными квалифицирующими признаками. Одним из таких признаков традиционно является размер причиненного ущерба. Так, уголовный состав противоправного деяния имеет место только тогда, когда размер ущерба является крупным или особо крупным. Федеральным законом от 12 июня 2024 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации» [28] в примечание к ст. 146 УК РФ, определяющее размер крупного и особо крупного ущерба, внесены изменения. С 23 июня 2024 г. показатель данного квалифицирующего признака был повышен в 5 раз — со 100 тыс. рублей до 500 тыс. рублей, особо крупный размер изменен с 1 млн рублей до 2 млн рублей. При этом в 2023 г. по ст. 146 УК РФ было осуждено лишь 70 человек, из них только двое были приговорены к наказанию в виде реального лишения свободы¹. Можно предположить, что в свете принятых поправок эти показатели будут значительно ниже.

Иными словами, меры публично-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности сегодня применяются редко, а объем ответственности в рамках их применения в большинстве случаев незначителен. При таких обстоятельствах особенное значение приобретают меры гражданско-правовой ответственности. Применительно к сфере интеллектуальной собственности такое положение вещей концептуально представляется объяснимым: предполагается большая активность правообладателя для защиты своих нарушенных или оспаренных прав. И в этом смысле представляется логически последовательным, с учетом в том числе сформулированных в Федеральном законе «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» целей и задач, наделение правообладателей эффективными, доступными и предсказуемыми с точки зрения правовых последствий гражданско-правовыми средствами защиты.

С учетом особенностей результатов интеллектуальной деятельности, как правило, в случае возникновения гражданского спора большинство правообладателей избегают выдвигать требования о возмещении убытков. Связано это с достаточно высоким доказательственным стандартом, который на сегодняшний день, вероятно, не вполне адаптирован под случаи нарушения исключительных прав. Требование о возмещении убытков сопряжено со сложностями как подтверждения причинно-следственной связи между действиями (бездействием) нарушителя и возникшим у правообладателя убытками, так и доказывания размера убытков. В этом смысле иллюстрацией могут служить судебные акты Верховного Суда Российской Федерации по делам № А63-6499/2021 [29] и № А34-5796/2016 [30].

Наиболее часто правообладатели прибегают к требованию о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав, применяя способ ее расчета

¹ URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 12.08.2024).

по формуле от 10 тыс. до 5 млн рублей. Фактически компенсация за нарушение исключительных прав в современной российской правовой системе — это единственная мера юридической ответственности, которая применяется часто, является доступной и достигает максимального по сравнению с большинством иных мер юридической ответственности предиктивного эффекта.

Однако нужно учесть, что с сентября 2024 г. доступность и этого правового инструмента для правообладателей изменилась. Так, в связи с принятием Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [31] кратно повышаются размеры государственных пошлин за совершение отдельных процессуальных действий (включая обращение в суд с иском о защите исключительного права). Безусловно, данные поправки влияют не только на сферу интеллектуальной собственности, однако применительно к защите исключительных прав их значение обладает рядом особых характеристик.

Во-первых, обращение за судебной защитой с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительного права относится к наиболее эффективной мере защиты.

Во-вторых, поскольку размер компенсации, рассчитанной по формуле от 10 тыс. до 5 млн рублей (а иные формулы расчета часто недоступны правообладателю из-за недостатка доказательной базы), определяется в итоге по усмотрению суда с учетом конкретных обстоятельств дела, частичное удовлетворение иска будет приводить к пропорциональному распределению государственной пошлины между сторонами спора, что, в свою очередь, может привести к тому, что расходы правообладателя на защиту нарушенного права будут больше, чем компенсация, которую он может получить по итогам рассмотрения спора. В итоге такое положение дел может привести к тому, что защита исключительных прав станет чрезмерно обременительной для большинства правообладателей. Это, в свою очередь, существенно затруднит выполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р, равно как и достижение цели по стимулированию создания креативных продуктов и обеспечение защиты прав на них.

На сегодняшний день на рассмотрении в Госдуме Российской Федерации находится законопроект № 348960-8, которым предлагается реформировать институт компенсации за нарушение исключительных прав [32]. Законопроект является во многом попыткой оптимизировать институт компенсации под

текущую правовую реальность, а также реализовать предписания Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные, в частности, в постановлениях от 13 декабря 2016 г. № 28-П [33] и от 24.07.2020 № 40-П [34]. Отметим, что первая версия данного законопроекта была подготовлена и представлена до того, как были приняты иные федеральные законы, упомянутые в настоящей статье. Между тем обновленная регуляторная среда в значительной степени предопределяет возможные последствия принятия комментируемого законопроекта; вероятно, в среднесрочной перспективе именно этот законопроект во многом повлияет на общий уровень защиты результатов интеллектуальной деятельности и как следствие креативных продуктов в Российской Федерации.

Так, в публично доступной версии законопроекта № 348960-8 устанавливается обновленный минимальный предел для компенсации за нарушение исключительных прав на объекты патентного права: его значение повышается до 50 тыс. рублей. Представляется, что в свете всех перечисленных выше обстоятельств было бы разумно повысить до указанных пределов и минимальный порог компенсации за нарушение исключительных прав на иные результаты интеллектуальной деятельности.

Повышение госпошлин объясняется Верховным Судом Российской Федерации, в частности, тем, что действующие размеры госпошлин не индексировались 15 лет. Аналогичным образом объяснялось и повышение порога уголовной ответственности при внесении в 2024 г. поправок в ст. 146 УК РФ. Абсолютно справедливым и даже необходимым кажется применение аналогичного подхода к компенсации.

Так, диапазон компенсации в твердой сумме (его минимальные и максимальные пороги) не менялся в российском гражданском законодательстве на протяжении 20 лет (с 2004 г.). И если до 2004 г. в силу положений ст. 49 ранее действовавшего Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» размер компенсации индексировался автоматически (поскольку был привязан к МРОТ) [35], то после 2004 г. эта законодательная механика была упразднена. Для сравнения, если бы используемый законодателем механизм расчета компенсации сохранился, то минимальный размер компенсации по состоянию на 1 января 2005 г. составляла бы 7200 рублей, а по состоянию на 1 января 2024 г. — 192 420 рублей.

В качестве иных предпосылок для повышения госпошлин Верховный Суд Российской Федерации указывал на необходимость стимулировать стороны к урегулированию споров до суда. Такому урегулированию может способствовать и применение процедур

медиации. Иными словами, повышение госпошлины должно играть определенную превентивную роль в поддержании правопорядка и цивилизованного урегулирования споров, стимулировать стороны к досудебному урегулированию. Представляется, что предложение о повышении минимальных порогов компенсации за нарушение исключительных прав в полной мере соответствует этим целям. Очевидно, что повышение частоты обращения в суд — совсем не тот инструмент, к которому стремятся правообладатели и судебная система. В этой связи вопрос о повышении номинального значения минимального размера компенсации становится очень актуальным.

Безусловно, реализация предполагаемого подхода должна учитывать в том числе позиции Конституционного Суда Российской Федерации и допускать возможность в определенных, исключительных случаях снижать размер компенсации ниже установленного минимального порога.

Конечно, кроме компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, есть и иные способы обеспечить качественный уровень защиты креативных продуктов для достижения поставленных государством целевых показателей в креативной экономике. Однако с учетом всех рассмотренных в настоящей статье факторов по большей части сегодня именно компенсация является тем инструментом, законодательная корректировка которого способна на практике оперативно приблизиться к одной из целей, сформулированных в Федеральном законе «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.08.2024, № 0001202408080136.
2. Проект федерального закона № 474016-8 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8> (дата обращения: 04.08.2024).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «О Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года». — URL: <http://government.ru/docs/all/136723/> (дата обращения: 04.08.2024).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2022 № 2290-р «Об утверждении прилагаемого плана мероприятий по реализации в 2022–2024 годах Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». — URL: <http://government.ru/docs/all/142659/> (дата обращения: 04.08.2024).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // С3 РФ. 2006. №52 (часть I). Ст. 5496.
7. Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // С3 РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
8. Samuelson P.A., Nordhus W.D. Economics. 19 ed. New York. McGraw-Hill, 2010. 715 р.
9. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные понятия. Тенденции развития. М.: Наука, 1984. 222 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/27773/> (дата обращения: 31.10.2024).
11. Guide on Surveying the Economic Contribution of the Copyright-Based Industries. WIPO Publication № 893E. Geneva. WIPO. 2015. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/893/wipo_pub_893.pdf (дата обращения: 31.10.2024).
12. Гражданское право: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Бек, 1998. 785 с.
13. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Нужны работающие механизмы защиты авторских прав // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 17–19.
14. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Берн, 9 сентября 1886 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
15. Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.
16. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г.). — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817958?ysclid=m2xm5bia3915053529> (дата обращения: 31.10.2024).
17. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7.
18. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Марракеш, 15 апреля

- 1994 г.). — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 23.09.2024).
19. Липинский Д.А. Соотношение функций права и функций юридической ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 3. С. 144–155.
 20. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. 934 с.
 21. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 527 с.
 22. Руки в блоки: объем пиратского контента в Сети за год увеличился вдвое. ИЗВЕСТИЯ. 19.01.2024. — URL: <https://iz.ru/1636225/elizaveta-krylova/ruki-v-bloki-obem-piratskogo-kontenta-v-seti-za-god-uvelichilsia-vdvoe> (дата обращения: 12.08.2024).
 23. В России в 2023 году «спиритили» игр на 324 млрд рублей // Ведомости. 2024. 1 февраля. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/01/1017829-v-rossii-v-2023-godu-spiratili-igr-na-324-mld-rublei> (дата обращения: 12.08.2024).
 24. Эксперт заявила, что доля незаконного обогащения детской продукции в РФ составляет около 30% // ТАСС. 2023. 25 августа. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/18585283> (дата обращения: 12.08.2024).
 25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // С3 РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
 26. Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 192-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // С3 РФ. 2024. № 31. Ст. 4452.
 27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // С3 РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 28. Федеральный закон от 12 июня 2024 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // С3 РФ. 2024. № 25. Ст. 3397.
 29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 309-ЭС17-15659 по делу № А34-5796/2016. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1987838 (дата обращения: 31.10.2024).
 30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 308-ЭС22-17045 по делу № А63-6499/2021. — URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2209776&ysclid=m2xkm4lf710237275 (дата обращения: 31.10.2024).
 31. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // С3 РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4955.
 32. Проект федерального закона № 348960-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8> (дата обращения: 12.08.2024).
 33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края». — URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/23/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 31.10.2024).
 34. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда». — URL: <https://rg.ru/documents/2020/08/07/grazhdanskiy-kodeks-dok.html> (дата обращения: 31.10.2024).
 35. Закон Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. 1993. № 147.

REFERENCES

1. Federal`nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. № 330-FZ "O razvitiu kreativnyx (tvorcheskix) industrii v Rossiijskoj Federacii". Official`nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 08.08.2024, № 00012024080136.
2. Proekt federal`nogo zakona № 474016-8 "O razvitiu kreativnyx (tvorcheskix) industrij v Rossiijskoj Federacii". — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8>
3. Rasporyazhenie Pravitel`stva Rossiijskoj Federacii ot 20.09.2021 № 2613-r "O Koncepcii razvitiya kreativnyx (tvorcheskix) industrij i mehanizmov osushhestvleniya ix gosudarstvennoj podderzhki do 2030 goda". — URL: <http://government.ru/docs/all/136723/>
4. Rasporyazhenie Pravitel`stva Rossiijskoj Federacii ot 17.08.2022 № 2290-r "Ob utverzhdenii prilagаемого plana meropriyatij po realizacii v 2022-2024 godakh Koncepcii razvitiya tvorcheskix (kreativnyx) industrij i mehanizmov osushhestvleniya ix gosudarstvennoj podderzhki v krupnyx i krupnejshix gorodskix

- aglomeraciyax do 2030 goda". — URL: <http://government.ru/docs/all/142659/>
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata v senarodny m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993. No 237.
 6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. No 230-FZ // SZ RF. 2006. No 52 (ch.I). St. 5496.
 7. Samuelson P.A., Nordhus W.D. Economics. 19 ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 715 p.
 8. Federal'nyj zakon ot 26 maya 1996 g. No 54-FZ "O Muzejnom fonde Rossijskoj Federacii i muzeayax v Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 1996. No 22. St. 2591.
 9. Gavrilov E.P. Sovetskoe avtorskoe pravo. Osnovnye poniatiya. Tendencii razvitiya. M., 1984. 222 s.
 10. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii". — URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/27773/>
 11. Guide on Surveying the Economic Contribution of the Copyright-Based Industries. WIPO Publication № 893E. Geneva. WIPO. 2015. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/893/wipo_pub_893.pdf
 12. Grazhdanskoe pravo: V 2 t. T. 1 / otv. red. E.A. Suxanov. 2-e izd. M.: Bek, 1998. 785 s.
 13. Bliznecz I.A., Leont'ev K.B. Nuzhnye rabotayushchie mehanizmy zashchity avtorskich prav // Rossijskaya yusticiya. 1999. No 11. S. 17–19.
 14. Bernskaya konvenciya ob ohrane literaturny x i xudozhestvenny x proizvedenij (Bern, 9 sentyabrya 1886 g.) // Byulleten mezhdunarodny x dogоворов. 2003. No 9.
 15. Dogovor VOIS po avtorskomu pravu (Zheneva, 20 dekabrya 1996 g.) // Byulleten mezhdunarodny x dogоворов. 2016. No 12.
 16. Dogovor VOIS po ispolneniyam i fonogrammam (Zheneva, 20 dekabrya 1996 g.). — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817958?ysclid=m2xm5bia3915053529>
 17. Mezhdunarodnaya konvenciya ob ohrane prav ispolnitelej, izgotovitelej fonogramm i veshhatel'nyx organizacij (Rim, 26 oktyabrya 1961 g.) // Byulleten mezhdunarodny x dogоворов. 2005. No 7.
 18. Soglashenie po torgovy m aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti (Marrakesh, 15 aprelya 1994g.). — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf
 19. Lipinskij D.A. Sootnoshenie funkciij prava i funkciij yuridicheskoy otvetstvennosti // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2004. No 3. S. 144–155.
 20. Hachaturov R.L. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. SPb.: Yuridicheskiy centr-Press, 2007. 934 s.
 21. Karapetov A.G. Ekonomiceskij analiz prava. M.: Statut, 2016. 527 s.
 22. Ruki v bloki: ob`em piratskogo kontenta v Seti za god uvelichilsya vdvoe // IZVESTIYa. 19.01.2024. — URL: <https://iz.ru/1636225/elizaveta-krylova/ruki-v-bloki-obem-piratskogo-kontenta-v-seti-za-god-uvelichilsia-vdvoe>
 23. V Rossii v 2023 godu "spiratili" igr na 324 mlrd rublej // Vedomosti. 01.02.2024. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/01/1017829-v-rossii-v-2023-godu-spiratili-igr-na-324-mldr-rublei>
 24. Ekspert zayavila, chto dolya nezakonnogo oborota detskoj produkci v RF sostavlyayet okolo 30% // TASS. 25.08.2023. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/18585283>
 25. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny x pravonarusheniya ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
 26. Federal'nyj zakon ot 22 iyulya 2024g. No 192-FZ "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny x pravonarusheniya" // SZ RF. 2024. No 31. St. 4452.
 27. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. No 63-FZ // SZ RF. 1996. No 25. St. 2954.
 28. Federal'nyj zakon ot 12 iyunya 2024 g. № 133-FZ "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2024. No 25. St. 3397.
 29. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 aprelya 2021 g. № 309-E-S17-15659 po delu № A34-5796/2016. — URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=1987838
 30. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 2023 g. № 308-E-S22-17045 po delu № A63-6499/2021. — URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=2209776&ysclid=m2xkm4lf710237275
 31. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. No 259-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogax i sborax" // SZ RF. 2024. № 33 (chast' 1). St. 4955.
 32. Proekt federal'nogo zakona № 348960-8 "O vnesenii izmenenij v chast' chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii". — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8>
 33. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 dekabrya 2016 g. № 28-P "Po delu o proverke konstitucionnosti podpunktta 1 stat'i 1301, podpunktta 1 stat'i 1311 i podpunktta 1 punkta 4 stat'i 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj

Federacii v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo
suda Altajskogo kraja". — URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/23/postanovlenie-dok.html>

34. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossiijskoj
Federacii ot 24.07.2020 No 40-P "Po delu o proverke
konstitucionnosti podpunktâ 2 punkta 4 stat'i 1515
Grazhdanskogo kodeksa Rossiijskoj Federacii v
svyazi s zaprosom Pyatnadzhatogo arbitrazhnogo
apellyacionnogo suda". — URL: <https://rg.ru/documents/2020/08/07/grazhdanskiy-kodeks-dok.html>

35. Zakon Rossiijskoj Federacii ot 9 iyulya 1993 g.
No 5351-I "Ob avtorskom prave i smezhnyx
pravax" // Rossijskaya gazeta. 1993. No 147.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПЛАТФОРМАХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ¹

USE OF NEW TECHNOLOGIES FOR COPYRIGHT PROTECTION ON E-COMMERCE PLATFORMS: INTERNATIONAL EXPERIENCE²

Анна Владимировна ПОКРОВСКАЯ

Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы, Юридический институт, Москва, Россия,
1142220181@pfur.ru,
ORCID 0009-0002-6473-2027

Информация об авторе

А.В. Покровская — аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патрика Лумумбы, ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института, эксперт патентной практики ЦИС «Сколково»

Аннотация. Рассмотрены особенности защиты авторских прав на платформах электронной коммерции в различных юрисдикциях с акцентом на Соединенные Штаты, Европейский союз и Китай. Платформы электронной коммерции часто используются в качестве каналов для распространения цифрового контента, включая текст, изображения, видео и музыку, что может привести к нарушению авторских прав. В связи с этими проблемами в статье анализируются стратегии защиты авторских прав на платформах электронной коммерции, включая внедрение надежной политики в области авторского права, использование таких технологических инструментов, как управление цифровыми правами (УЦП) и нанесение водяных знаков, проведение регулярного мониторинга на предмет нарушения

- авторских прав и принятие упреждающих мер против нарушителей. В заключение подчеркивается важная роль охраны авторских прав в формировании эволюции электронной коммерции и цифровой экономики.
- Уравновешивая защиту авторских прав со свободой самовыражения и инновациями, компании могут создать устойчивую экосистему, способствующую развитию творчества, защите интеллектуальной собственности и выгоде потребителей во всем мире.
- **Ключевые слова:** платформы электронной коммерции, нарушение авторских прав, новые технологии, цифровой контент, мониторинг

- **Для цитирования:** Покровская А.В. Использование новых технологий для защиты авторских прав на платформах электронной коммерции: международный опыт // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 95–108; DOI: 10.17323/tis.2025.24887

Anna V. POKROVSKAYA

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Law Institute, Moscow, Russia,
1142220181@pfur.ru,
ORCID: 0009-0002-6473-2027

- **Information about the author**
A.V. Pokrovskaya — postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, assistant of the Department Civil Law and Process and Private International Law, Law Institute, expert in Patent Practice, Intellectual Property Center "Skolkovo"

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

² The research was supported by Russian Science Foundation grant No 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

Abstract. This article examines the specificities of copyright protection on e-commerce platforms in various jurisdictions, with a particular focus on the United States, the European Union and China. E-commerce platforms are often used as channels for the distribution of digital content, including text, images, videos and music, which can lead to copyright infringement. In response to these challenges, the article analyzes strategies for copyright protection on e-commerce platforms, including implementing robust copyright policies, using technological tools such as digital rights management (DRM) and watermarking, conducting regular monitoring for copyright infringement, and taking proactive measures against infringers. Finally, the important role of copyright protection in shaping the evolution of e-commerce and the digital economy is emphasized. By balancing copyright protection with freedom of expression and innovation, companies can create a sustainable ecosystem that fosters creativity, protects intellectual property and benefits consumers worldwide.

Keywords: e-commerce platforms, copyright infringement, new technologies, digital content, monitoring

For citation: Pokrovskaya A.V. Use of New Technologies for Copyright Protection on E-Commerce Platforms: International Experience // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 95–108; DOI: 10.17323/tis.2025.24887

-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ

- Сфера электронной коммерции произвела революцию в ведении бизнеса, обеспечив платформу для онлайн-транзакций и цифрового обмена товарами и услугами. Поскольку компании все больше полагаются на цифровую сферу для маркетинга, продаж и распространения своей продукции, понимание и соблюдение законов об авторском праве в цифровой сфере приобретает первостепенное значение. В данной статье мы рассмотрим важные аспекты защиты авторских прав в электронной коммерции, сосредоточившись на проблемах, стратегиях, международных последствиях, законах о цифровом авторском праве и важности соблюдения прав интеллектуальной собственности в цифровой экономике.
- Цифровой контент играет ключевую роль в стимулировании продаж и привлечении потребителей в сфере электронной коммерции. Однако эта цифровая сфера также изобилует проблемами, связанными с нарушением авторских прав. Несанкционированное воспроизведение, распространение или публичная демонстрация материалов, защищенных авторским правом, широко распространены в интернете, что создает значительные риски как для компаний, так и для производителей контента.

Платформы электронной коммерции часто служат каналами для распространения цифрового контента, включая тексты, изображения, видео и музыку. Хотя эти платформы помогают развитию коммерции и инноваций, они также способствуют нарушению прав интеллектуальной собственности. От несанкционированного использования изображений на веб-сайтах электронной коммерции до незаконного обмена цифровыми музыкальными файлами — нарушение авторских прав в онлайн-сфере принимает различные формы.

В условиях глобализации электронной коммерции компаниям приходится ориентироваться в законах и нормах авторского права различных юрисдикций. Хотя международные соглашения, такие как Бернская конвенция [1], обеспечивают основу для гармонизации защиты авторских прав, расхождения в национальных законах и механизмах правоприменения создают проблемы для транснациональных корпораций.

По мере развития технологий в сфере электронной коммерции появляются новые формы нарушения авторских прав. Начиная с распространения платформ для создания пользовательского контента и заканчивая появлением произведений, созданных искусственным интеллектом, компании сталкиваются с новыми проблемами при защите своих прав интеллектуальной собственности.

Баланс между защитой авторских прав и принципами свободы выражения мнений и инноваций остается извечным вопросом для политиков и заинтересованных сторон в отрасли. Хотя надежная защита авторских прав необходима для стимулирования творчества и инвестиций в создание контента, чрезмерные ограничения на цифровой контент могут препятствовать инновациям и затруднять доступ к информации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования, посвященного обеспечению защиты авторских прав на платформах электронной коммерции, предполагает комплексный подход к решению проблем, связанных с нарушением авторских прав в цифровую эпоху. В исследовании подчеркивается важность защиты прав интеллектуальной собственности в электронной торговле и освещаются проблемы, связанные с несанкционированным воспроизведением, распространением и публичным показом защищенных авторским правом материалов в интернете. Платформы электронной коммерции служат каналами для распространения цифрового контента, включая тексты, изображения, видео и музыку, что может привести к нарушению авторских прав.

В исследовании рассматриваются международные аспекты защиты авторских прав, признаются проблемы, с которыми сталкиваются многонациональные компании при навигации по различным законам об авторском праве и механизмам правоприменения в разных юрисдикциях. В нем подчеркивается роль Закона об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act; далее — DMCA) [2] в США как ключевой правовой основы для защиты охраняемых авторским правом материалов в интернете.

Кроме того, в исследовании обсуждаются новые тенденции и проблемы защиты авторских прав в цифровой сфере, признается меняющийся характер нарушения авторских прав, которому способствуют достижения в области технологий электронной коммерции. В исследовании подчеркивается постоянная необходимость поиска баланса между защитой автор-

ских прав и поощрением свободы выражения мнений и инноваций в цифровой экономике.

В целом, в методологии исследования используется многомерный подход к анализу и решению сложных проблем защиты авторских прав в электронной коммерции, подчеркивается важность упреждающих мер, соблюдения правовых норм, технологических решений, международного сотрудничества и постоянной адаптации к возникающим вызовам в цифровом ландшафте.

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

В сфере электронной коммерции цифровой контент играет ключевую роль в стимулировании продаж и привлечении потребителей. Однако этот цифровой ландшафт также сопряжен с проблемами, связанными с нарушением авторских прав. Несанкционированное воспроизведение, распространение или публичная демонстрация материалов, защищенных авторским правом, часто встречаются в интернете, что создает значительные риски как для компаний, так и для производителей контента.

Цифровой контент и нарушение авторских прав

Платформы электронной коммерции часто служат каналом для распространения цифрового контента, включая текст, изображения, видео и музыку. Хотя эти платформы способствуют коммерции и инновациям, они также облегчают нарушение авторских прав. От несанкционированного использования изображений на сайтах электронной коммерции до незаконного обмена цифровыми музыкальными файлами — нарушение авторских прав принимает различные формы в онлайн-сфере.

Выявление и устранение нарушений авторских прав в электронной коммерции требует бдительности и упреждающих мер. Компании должны внедрять надежную политику в области авторского права и использовать технологические инструменты для обнаружения и пресечения несанкционированного использования материалов, защищенных авторским правом. Кроме того, для обеспечения защиты авторских прав в цифровой сфере могут потребоваться такие средства правовой защиты, как письма о прекращении использования материалов, отказ от их использования и уведомления о снятии ограничений DMCA.

Международные аспекты защиты авторских прав

В глобальном мире электронной коммерции компаниям приходится ориентироваться в законах и нор-

мах об авторском праве, действующих в разных юрисдикциях. Как говорилось выше, хотя международные договоры, такие как Бернская конвенция [1], обеспечивают основу для гармонизации защиты авторских прав, различия в национальных законах и механизмах правоприменения создают проблемы для многонациональных компаний.

В Соединенных Штатах Америки DMCA [2] играет важнейшую роль в защите материалов, защищенных авторским правом, в интернете. DMCA обеспечивает безопасную гавань для поставщиков онлайн-услуг (Online Service Provider; далее — OSP), которые соблюдают определенные требования, такие как незамедлительное удаление нарушающего авторские права контента после получения соответствующего уведомления.

[Новые тенденции и проблемы в области защиты авторских прав](#)

По мере развития технологий в сфере электронной коммерции продолжают появляться новые формы нарушения авторских прав. От распространения платформ для создания пользовательского контента до появления произведений, созданных искусственным интеллектом, компании сталкиваются с новыми проблемами при защите своих прав на объекты интеллектуальной собственности [3].

Баланс между защитой авторских прав и принципами свободы выражения мнений и инноваций — постоянная проблема для политиков и заинтересованных сторон в данной отрасли. Хотя надежная защита авторских прав необходима для стимулирования творчества и инвестиций в создание контента, чрезмерные ограничения на цифровой контент могут затормозить инновации и затруднить доступ к информации [4].

Ясно, что авторское право будет играть центральную роль в формировании эволюции электронной коммерции и цифровой экономики. Поддерживая инновации и соблюдая принципы авторского права, компании смогут создать устойчивую и динамичную экосистему, которая будет способствовать творчеству, защищать интеллектуальную собственность и приносить пользу потребителям во всем мире.

[ЦИФРОВОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО](#)

Цифровое авторское право — это юридические права, которыми обладают создатели, авторы и другие производители контента на свои цифровые творения [5]. Оно охватывает широкий спектр материалов, от музыкальных композиций и электронных книг до программного обеспечения и цифровых изображений.

Как и традиционное авторское право, цифровое авторское право направлено на защиту прав создателей, гарантируя, что они получат вознаграждение за свои работы и могут контролировать их использование, распространение и монетизацию [6].

[Основные аспекты цифрового авторского права](#)

1. *Защита цифровых произведений.* По своей сути цифровое авторское право обеспечивает защиту контента, который создается и распространяется в цифровых форматах. Сюда входят базы данных, компьютерные программы, подкасты, статьи в интернете и многое другое.

2. *Права создателя.* Создатель цифрового произведения имеет исключительное право воспроизводить, распространять, исполнять и демонстрировать свое произведение, а также создавать производные работы. Он также имеет право передавать эти права другим лицам.

3. *Ограничения и исключения.* Цифровое авторское право не дает абсолютной власти творцам. Существуют определенные исключения, такие как «добросовестное использование», которое может позволить ограниченное использование защищенных авторским правом материалов без получения разрешения, особенно для таких целей, как критика, комментарии, освещение новостей, образование и исследования.

4. *Закон об авторском праве в цифровую эпоху* (DMCA) [2], принятый в 1998 г., является ключевым законодательным актом в США, направленным на решение цифровых проблем. Он криминализирует производство и распространение технологий, устройств или услуг, предназначенных для обхода мер по управлению цифровыми правами (DRM), которые защищают произведения, охраняемые авторским правом. Он также предоставляет правообладателям механизм, позволяющий требовать удаления нарушающего авторские права контента с онлайн-платформ.

5. *Управление цифровыми правами* (УЦП). Это относится к технологиям контроля доступа, используемым авторами, издателями и правообладателями для ограничения использования цифровых носителей или устройств. УЦП — это практический метод, используемый для защиты цифровых авторских прав и предотвращения несанкционированного распространения цифровых носителей.

6. *Проблемы правоприменения.* Одной из основных проблем цифрового авторского права является его соблюдение. Глобальный характер интернета затрудняет контроль за распространением цифрового контента. Однако с развитием технологий и международных соглашений предпринимаются шаги по пресечению несанкционированного использования и распространения.

Важность цифрового авторского права в электронной коммерции

Электронная коммерция, характеризующаяся онлайн-сделками и цифровым обменом товарами и услугами, переживает беспрецедентный рост в последнее десятилетие [7].

Поскольку предприятия все больше полагаются на цифровую сферу для маркетинга, продажи и распространения своей продукции, понимание и соблюдение цифрового авторского права приобрели первостепенное значение.

Факторы, определяющие важность цифровых авторских прав в электронной коммерции:

- *защита интеллектуальной собственности (ИС).* На платформах электронной коммерции часто размещается множество продуктов, многие из которых являются цифровыми по своей природе, например электронные книги, цифровое искусство, программное обеспечение и музыка. Цифровое авторское право гарантирует, что создатели этих цифровых продуктов сохраняют контроль над своей интеллектуальной собственностью, предотвращая ее несанкционированное использование или распространение;
- *сохранение целостности бренда.* Несанкционированное использование или тиражирование цифрового контента может подорвать репутацию бренда. Когда потребители сталкиваются с контрафактной продукцией или несанкционированными копиями, это может подорвать доверие к оригинальному бренду. Цифровое авторское право помогает компаниям сохранить целостность своего бренда, обеспечивая распространение только подлинных и лицензированных продуктов;
- *поощрение творчества и инноваций.* Когда авторы знают, что их работа защищена, они с большей вероятностью будут вкладывать время и ресурсы в производство высококачественных инновационных продуктов. Это выгодно не только создателям, но и потребителям, которые получают доступ к более широкому ассортименту уникальных цифровых товаров;
- *денежные выигрыши для создателей.* Цифровое авторское право гарантирует, что создатели и предприятия смогут получать прибыль от своих цифровых продуктов. Без защиты контрафактные копии могут наводнить рынок, снижая потенциальные продажи для лицензированных объектов ИС. Это особенно важно для предприятий, чей основной доход приносят цифровые товары;
- *установление отраслевых стандартов.* Надежная система защиты цифровых авторских прав

помогает установить стандарты для платформ электронной коммерции и продавцов. Это создает равные условия, при которых предприятия действуют по единым правилам, обеспечивая честную конкуренцию и препятствуя незаконной практике;

- *правовая охрана и средства правовой защиты.* В случае нарушения авторских прав у компаний есть законные основания для принятия мер. Они могут варьироваться от уведомлений о снятии ограничений до требования возмещения ущерба. Такие меры защиты могут служить сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей;
- *доверие потребителей.* Потребители предпочитают покупать товары на платформах и у продавцов, которым они доверяют. Знание того, что платформа электронной коммерции уважает и соблюдает цифровые авторские права, может повысить доверие потребителей, что приведет к росту лояльности и продаж;
- *международные отношения и торговля.* Многие страны заключили договоры и соглашения о соблюдении и обеспечении соблюдения цифровых авторских прав на международном уровне. Надлежащее соблюдение этих правил обеспечивает бесперебойную международную торговлю и способствует установлению хороших деловых отношений между странами.

Процесс защиты цифровых авторских прав в электронной коммерции

Навигация по сложному миру цифровых авторских прав в электронной коммерции включает в себя множество шагов по обеспечению их защиты, соблюдения и исполнения.

Ниже приведен структурированный процесс, описывающий, как цифровое авторское право обычно работает в сфере электронной коммерции [8]:

Создание цифрового контента. Процесс начинается, когда создатель производит уникальный цифровой продукт, будь то программное обеспечение, электронная книга, цифровое произведение искусства или другая интеллектуальная собственность.

Оригинальные произведения автоматически защищаются авторским правом в момент создания, но официальная регистрация может обеспечить более прочную юридическую основу во многих юрисдикциях.

Регистрация (необязательна, но рекомендуется). Создатели могут зарегистрировать свою работу в соответствующем национальном ведомстве или аналогичном органе. Регистрация обычно включает в себя предоставление копии произведения, указание соот-

ветствующих данных и уплату пошлины. После регистрации авторы получают свидетельство, которое может стать решающим доказательством в случае возникновения споров.

Внедрение системы управления цифровыми правами (УЦП). Чтобы предотвратить несанкционированное копирование или распространение, авторы или компании могут включить в свои цифровые продукты средства УЦП. Средства УЦП ограничивают возможности потребителей по использованию продукта, например ограничивают количество устройств, на которых можно получить доступ к продукту, или предотвращают копирование.

Размещение на платформах электронной торговли. Продавцы загружают свои продукты на платформы электронной коммерции, обеспечивая при этом четкое уведомление о перечислении продуктов. Условия предоставления услуг и лицензионные соглашения должны быть ясно изложены, должны информировать покупателей о том, как им разрешено использовать приобретенный цифровой продукт.

Мониторинг и правоприменение. Регулярный контроль онлайн-платформы и других потенциальных каналов продаж позволяет выявить несанкционированное использование или распространение материалов. Автоматизированные инструменты и сервисы могут помочь отследить распространение защищенного авторским правом контента в интернете. В случае нарушения авторских прав первым шагом обычно является подача уведомления о снятии ограничений с использованием таких механизмов, как Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) в США или аналогичные законы в других странах.

Реагирование на уведомления о снятии ограничений. Платформы электронной коммерции, получившие действительное уведомление об изъятии, должны незамедлительно принять меры по удалению нарушающего авторские права контента. Продавцы могут подать апелляцию или встречное уведомление, если считают, что удаление было несправедливым.

Правовые средства защиты. Если неформальные меры, такие как уведомления об удалении, не решают проблему нарушения авторских прав, владельцы могут обратиться в суд. Результатом судебного разбирательства могут стать судебные запреты в отношении нарушителей, денежные компенсации или мировые соглашения.

Лицензирование и партнерство. Владельцы авторских прав могут разрешить лицензировать свои цифровые продукты другим продавцам или платформам, предоставляя разрешение на распространение в обмен на роялти или единовременное вознаграждение. В лицензионных соглашениях должны быть четко

прописаны условия использования, права на распространение и вознаграждение.

Возможность непрерывных обновлений. С учетом быстро меняющейся природы цифровых технологий и онлайн-рынков правообладателям необходимо регулярно обновлять свои продукты, механизмы защиты и лицензионные соглашения. Это поможет опередить потенциальных нарушителей и адаптироваться к меняющемуся ландшафту электронной коммерции.

АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕГО В ЕС РЕЖИМА В ОТНОШЕНИИ НАРУШЕНИЯ ЦИФРОВЫХ АВТОРСКИХ ПРАВ

В настоящее время в ЕС ответственность за размещение и передачу защищенного авторским правом контента в интернете определяется режимом, перенесенным в национальное законодательство в соответствии с Директивой о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной торговли, на внутреннем рынке (2000/31/EC) (Директива об электронной торговле) [9]. Кроме того, в Директиве о гармонизации авторского права в информационном обществе (2001/29/EC) (Директива InfoSoc) [10] указан ряд исключений и ограничений ответственности за нарушение права на воспроизведение, принадлежащего авторам и иным правообладателям, которые государства-члены могут ввести в национальное законодательство, включая любое использование в целях карикатуры, пародии или пастиша (имитацию стиля работ одного или нескольких авторов).

По сути, создатели Директивы об электронной торговле [9] стремились уравновесить права правообладателей и реалии информационного века в интернете путем введения трех исключений:

- исключение простого проводника (*mere conduit*) для передачи контента, когда поставщик услуг не инициирует передачу и не участвует в выборе контента или его получателя;
- исключение кэширования (*caching*) для автоматического и временного кэширования контента с единственной целью передачи;
- исключение хостинга (*hosting*), когда поставщик услуг не имеет фактических сведений о незаконной деятельности или информации, фактах или обстоятельствах, из которых следует, что незаконная деятельность очевидна.

Во всех случаях исключения (освобождения от ответственности) сохраняют за судами право выносить судебные запреты, если это необходимо. Кроме того, исключения для кэширования и хостинга регулиру-

ются режимом «уведомления и удаления» (notice and take-down) [11], что означает, что соответствующий поставщик услуг освобождается от ответственности только в том случае, если он удаляет или отключает доступ к контенту после получения уведомления о нарушении. В соответствии с этими исключениями провайдеры не обязаны активно отслеживать свои платформы и сервисы на предмет наличия нарушающего права контента. Этот режим остается неизменным для контента, удаления которого добиваются по причинам, не связанным с нарушением авторских прав, через платформы обмена онлайн-контентом, о чем кратко говорится ниже.

[Новый режим ответственности для поставщиков услуг по обмену онлайн-контентом \(OCSSP\)](#)

Директива об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке ((EU) 2019/790) (Директива DSM) [12], которая была опубликована 17 мая 2019 г. и должна быть перенесена государствами-членами к июню 2021 г., была призвана радикально изменить режим ответственности для платформ обмена онлайн-контентом. Реализация Директивы DSM, в частности ст. 17, будет означать переход от режима «уведомления и удаления» к режиму «уведомления и приостановления» в отношении нарушающего права контента, а также может потребовать использования технологий фильтрации для предотвращения загрузки нарушающего права контента на такие платформы. Статья 17 налагает на Online Content-Sharing Service Providers (далее — OCSSP) гораздо более жесткий режим ответственности за нарушение авторских прав по сравнению с системой, в рамках которой они работают в настоящее время. Она требует, чтобы OCSSP принимали активные меры для получения «разрешения» от правообладателей, чьи произведения размещены на сайте OCSSP. Такое разрешение, как правило, принимает форму лицензионного соглашения (если соответствующие правообладатели согласны на такое лицензирование). Если лицензионные соглашения не заключены, платформы должны приложить «все усилия» для того, чтобы контент, не разрешенный правообладателями, не был доступен на их сайте.

[Практическая реализация нового режима ответственности OCSSP](#)

Европейская комиссия заявила, что обязательство «прилагать максимальные усилия» «не предписывает никаких конкретных средств или технологий» [13]. Более того, в самой Директиве говорится, что применение ст. 17 «не должно приводить к какому-либо общему обязательству по мониторингу» [12].

Однако многие ученые и заинтересованные стороны утверждают, что практическая интерпретация ст. 17 налагает на OCSSP обязательство по фильтрации, согласно которому они должны внедрить систему определения того, защищены ли авторским правом произведения, размещаемые в открытом доступе на их сайте, и активно запрашивать согласие правообладателей перед публикацией таких произведений в сети.

Этот стимул к использованию и разработке фильтров загрузки вызывает необходимость рассмотреть вопрос о законности такой технологии в соответствии с другими правовыми принципами и о том, как сбалансировать эти новые обязательства с исключениями «доброповестного использования», предусмотренными законодательством об авторском праве.

Кроме того, в Директиве DSM указано, что обработка персональных данных (в отношении как правообладателей, так и пользователей), осуществляемая в рамках Директивы DSM, должна проводиться в соответствии с Директивой об обработке персональных данных и защите частной жизни в секторе электронных коммуникаций (2002/58/EC) (Директива e-Privacy) [14] и Общим регламентом по защите данных (Регламент (ЕС) 2016/679) (GDPR) [15]. Поэтому внедрение этих механизмов необходимо будет оценивать как в контексте ст. 17 Директивы [12], так и в соответствии с принципами и процедурами GDPR (например, прозрачность, необходимость, пропорциональность, правовая основа, раскрытие, хранение, права личности и т.д.).

Стоит обратить внимание на следующие вопросы:

- фильтры загрузки, обрабатывающие персональные данные пользователя или правообладателя, вероятно, участвуют в автоматизированном принятии решений, имеющих юридические последствия (поскольку они определяют, защищено ли произведение авторским правом), и поэтому могут подпадать под действие ст. 22 GDPR (требующей гарантий прав и свобод личности);
- фильтры загрузки также могут не выявить пользовательский контент, на который распространяются исключения, указанные в ст. 17(7) Директивы [12] (например, цитирование, пародия, критика). Знание культурного контекста часто необходимо для определения того, нарушает ли произведение авторское право, поскольку фильтры, использующие только анализ содержания, могут не обнаружить, например, сатирический или критический характер произведения. Поэтому сомнительно, что технология фильтрации может обеспечить необходимую контекстуальную и культурную осведомленность для защиты свободы самовыражения пользователей [12] при выявлении случаев нарушения авторских прав.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПЛАТФОРМАХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Законодательство ЕС об авторском праве влияет на онлайн-контент и другими способами, в числе которых [16]:

- *скрипинг (Screen Scraping)*: Суд Европейского союза (далее — CJEU) принял решение [5] по вопросу об экранировании в области нарушения авторских прав и прав на базы данных, постановив, что в обстоятельствах, когда владелец веб-сайта не может полагаться на свои права на базы данных для борьбы с нарушением путем «экранирования», он может полагаться на свои положения и условия для предотвращения этого;
- *гиперссылки (Hyperlinking)*: законодательство о последствиях гиперссылок для авторского права все еще развивается [6], но на сегодняшний день CJEU установил следующие правила:
 - размещение гиперссылки на произведение, защищенное авторским правом, которое уже находится в свободном доступе в интернете с разрешения владельца авторских прав, не нарушает авторских прав;
 - гиперссылка, делающая защищенные авторским правом работы доступными для «новой публики», может представлять собой нарушение авторских прав, т.е. если размещение ссылки делает работу доступной для пользователей, которые в противном случае не должны иметь доступа к этому контенту;
 - нарушение происходит, если ссылка ведет на произведение, о котором разместивший ссылку знал (или должен был знать), что произведение было размещено на стороннем ресурсе или сайте без согласия правообладателя (при условии, что произведение действительно было размещено без согласия правообладателя). Это может произойти, например, в случае, когда разместивший ссылку знает или должен был знать, что конкретный правообладатель никогда не предоставляет контент бесплатно, однако его контент оказывается на другом ресурсе. CJEU постановил, что, когда размещение гиперссылок осуществляется в целях получения прибыли, ожидается, что лицо, размещающее ссылку, проведет необходимые проверки, чтобы убедиться, что оно не нарушает авторские права.

На онлайн-контент также распространяются определенные права, предусмотренные GDPR [15]. Например, «право на забвение» позволяет людям требовать

удаления личных данных с онлайн-платформ и поисковых систем, если больше нет оснований для публикации такой информации (например, данные больше не являются точными).

ТЕХНОЛОГИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ БУДУЩЕЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Несколько технологических инноваций проложили путь в будущее электронной коммерции [17]. Благодаря этим инновациям предпринимателям стало намного проще и эффективнее управлять своим бизнесом в сфере электронной коммерции и увеличивать свои шансы на получение прибыли.

Мобильная коммерция

Мобильная коммерция, также известная как *m-commerce*, произвела революцию в сфере покупок, позволив покупателям совершать покупки на ходу, не выходя из своих мобильных устройств [18]. Компании, которые принимают эту новую парадигму, разрабатывая и предлагая мощные мобильные приложения, будут впереди всех, предлагая своим покупателям более персонализированный опыт покупок в соответствии с их потребностями.

Блокчейн

Технология блокчейн стала неожиданным игроком в индустрии электронной коммерции, что потенциально может иметь серьезные последствия для безопасности транзакций [19]. Компании электронной коммерции используют блокчейн, чтобы сделать транзакции более прозрачными и безопасными, управлять цепочками поставок и даже бороться с поддельными товарами и мошенническими операциями.

ИИ и машинное обучение

ИИ и машинное обучение становятся доминирующими технологиями в электронной коммерции и применяются в таких случаях, как персонализация рекомендаций по товарам, оптимизация ценообразования и предиктивная аналитика для управления запасами [20]. Используя эти технологии, предприятия электронной коммерции могут вести деятельность гораздо эффективнее, обеспечивая своим клиентам превосходный опыт.

Чат-боты и виртуальные помощники

Многие компании, занимающиеся электронной коммерцией, начали использовать чат-боты и виртуальные помощники, часто работающие на основе технологии искусственного интеллекта, для обслуживания клиентов. Поскольку эти ресурсы обычно доступны

24 часа в сутки семь дней в неделю, их можно использовать для ответов на вопросы и помочи в процессе покупки, причем мгновенно, что значительно повышает качество обслуживания клиентов.

[Большие данные и аналитика](#)

Многие предприятия электронной коммерции также начинают использовать революцию больших данных, собирая и анализируя информацию о клиентах, чтобы понять их поведение, принимать более обоснованные решения и предлагать персонализированный опыт покупок. Таким образом, эти компании могут минимизировать свои расходы и повысить вероятность конверсии в продажи.

[AR и VR](#)

Дополненная реальность (AR) и виртуальная реальность (VR) — два инструмента, которые произвели революцию в работе с покупателями в электронной коммерции. Например, с их помощью покупатели могут виртуально примерить одежду, аксессуары или представить, как будет выглядеть декор в их доме или офисе, что позволяет им принимать более взвешенные решения о покупке.

[Голосовой поиск и умные колонки](#)

Устройства с голосовым управлением, такие как умные колонки, привели к интеграции голосового поиска в электронную коммерцию, облегчая покупателям поиск и покупку товаров у их любимых продавцов. Некоторые из них даже начали предлагать возможность оформить заказ, просто произнеся команду на смарт-динамике.

[Услуги по подписке](#)

Некоторые платформы электронной коммерции также начали предлагать услуги подписки, чтобы сделать этот процесс еще более удобным для потребителей. Позволяя клиентам подписываться на автоматические поставки, часто стимулируемые небольшими скидками, платформы электронной коммерции могут обеспечить постоянный бизнес, а также предоставить своим клиентам регулярный доступ к товарам, которые они используют.

[ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ОНЛАЙН-МИРЕ: ПРАКТИКА КИТАЯ](#)

После шести лет подготовки Закон об электронной коммерции вступил в силу в январе 2019 г. Новый закон предусматривает, в частности, важный инструмент правоприменения — систему «уведомления и удаления», которая была введена в Гражданский кодекс и вступила в силу 1 января 2021 г.

Если пользователь онлайн-сервиса в ответ на уведомление правообладателя представит заявление об отсутствии нарушений, провайдер интернет-услуг или оператор платформы электронной коммерции может прекратить меры по удалению, блокировке или отключению обжалуемых ссылок при условии, что правообладатель не подал гражданский иск или административную жалобу в разумный срок. Задержки, которые могут быть вызваны обстоятельствами, не зависящими от правообладателя, например нотариальное заверение и легализация процессуальной документации, не включаются в расчет такого разумного срока. Однако подобный срок не должен превышать 20 рабочих дней.

Если заявление о ненарушении прав подано недобросовестно, правообладатель вправе требовать взыскания штрафных санкций.

Если правообладатель допустил фактическую ошибку в уведомлении об изъятии, но может обосновать, что жалоба была подана добросовестно, он должен быть освобожден от ответственности.

[Платформы электронной коммерции](#)

Продавец, осуществляющий деятельность на платформе электронной торговли, также может обратиться за судебным запретом, обязывающим данную платформу электронной торговли восстановить ссылку, удаленную по требованию правообладателя, если в силу неотложности обстоятельств его законным интересам будет нанесен непоправимый ущерб.

Что касается жалоб или заявлений о ненарушении патентов, платформа электронной коммерции может потребовать представить описание сравнения технических или конструктивных особенностей. Если речь идет о патенте на промышленный образец или полезную модель, платформа электронной торговли может также потребовать представить отчет об оценке новизны такого патента, выданный Китайским национальным управлением интеллектуальной собственности (CNIPA).

В руководящих документах определены критерии, которые необходимо учитывать при принятии решения о недобросовестности (bad faith); о факте принятия платформой электронной коммерции разумных мер (reasonable measures); о том, знали или должны были знать платформы электронной торговли о нарушении (know or should have known).

[КЕЙС: СЮЙ ЧУНЬШАНЬ ПРОТИВ ТЯНЬ ЦИНХУНА, ЛЮ ЯНЬБО И ШАНЬДУН ШИБО \[21\]](#)

4 сентября 2019 г. Сюй Чуньшань, онлайн-продавец желатинового торта из ослиной шкуры (традиционное китайское тонизирующее средство), обратился

в окружной суд провинции Ухань за досудебным запретом, попросив суд обязать трех ответчиков немедленно прекратить действия по захвату его интернет-магазина на Taobao.com.

Суд организовал срочное слушание и поддержал иск Сюя 16 сентября 2019 г., подтвердив следующее: Тянь Цинхун также является онлайн-продавцом желатинового торта из ослиной шкуры и прямым конкурентом Сюя.

Тянь подала в общей сложности 17 уведомлений о снятии ограничений, основанных на ее предполагаемых авторских правах на упаковку торта; однако Тянь подозревает, что авторские свидетельства были поддельными.

Лю Яньбо и Шаньдун Шибо подали еще шесть уведомлений о нарушении авторских прав в отношении интернет-магазина Сюй; однако предоставленная информация о регистрации авторских прав не соответствовала той, что была зарегистрирована в Бюро по авторским правам.

Доказательства показали, что Тянь, Лю и Шаньдун Шибо имеют очевидные связи — они использовали одного и того же агента для сохранения доказательств нарушения, имели один и тот же адрес электронной почты и использовали один и тот же IP-адрес при посадке уведомлений о нарушении авторских прав. Таким образом, используя частично измененные или поддельные свидетельства о собственности, публикации и разрешении, а также другие материалы для подачи жалоб о нарушении авторских прав на магазин Сюя на Taobao несколько раз, три ответчика успешно удалили аукционы товаров Сюя, чтобы достичь цели устранения конкурента, получения конкурентного преимущества и захвата доли рынка. Такие жалобы подозреваются в том, что они совместно представляют собой акты недобросовестной конкуренции.

Суд посчитал, что непринятие запретительных мер нанесет непоправимый вред Сюю. Осень и зима — пиковые сезоны продаж желатинового торта из ослиной шкуры. Национальный день, Новый год, Праздник весны и рекламные дни “Double Eleven” и “Double Twelve” на платформе электронной коммерции осенью и зимой также являются пиковыми сезонами. Если бы не было принято никаких запретительных мер, это повлияло бы на продажи и привело бы к убыткам для компании Сюя.

Убытки, вызванные жалобой на неправомерные действия, необратимы. Онлайн-продажи отличаются от офлайн-продаж. Рейтинг аукциона — это результат непрерывного рекламного воздействия, накопления объема продаж и положительных потребительских оценок, напрямую влияющих на вероятность успешных сделок. После удаления все преимущества, связанные с этим конкретным аукционом, исчезают и не могут быть восстановлены.

Согласно правилам Taobao, как только жалоба на нарушение установлена, помимо удаления с аукциона она часто влечет за собой такие наказания, как снижение рейтинга магазина, ограничение на выпуск товаров или отказ в доступе к маркетинговым возможностям, что скажется на продажах всего магазина.

Наконец, принимая во внимание длительный период рассмотрения споров о недобросовестной конкуренции между двумя сторонами, чтобы соблюсти баланс интересов обеих сторон, а также учитывая пиковый сезон продаж соответствующих товаров, суд постановил, что запрет ответчикам подавать жалобы на недобросовестную конкуренцию будет действовать до конца февраля 2020 г.

BAYER ПРОТИВ ЛИ ЦИН [22]

В мае 2015 г. Ли Цин как физическое лицо подал заявку и в июле 2016 г. получил регистрацию 3-го класса на два знака устройств, имитирующих отличительную часть защищенных авторским правом образцов компании Bayer, используемых на ее солнцезащитных средствах Coppertone.

Начиная с сентября 2016 г. Ли начал борьбу с дистрибуторами и мелкими и средними продавцами на Taobao, которые предлагали продавать солнцезащитные средства Coppertone от Bayer с использованием защищенных авторским правом образцов, неоднократно подавая оператору платформы уведомления о снятии защиты. Эти жалобы привели к удалению ссылок на аукцион и снижению рейтинга продавцов. Ли также отправлял дилерам Bayer письма с требованием прекратить нарушение авторских прав и возместить ущерб, даже угрожая прибегнуть к уголовному или административному преследованию или судебному разбирательству, если получатели не подчинятся. После того как ему не удалось запугать Bayer, чтобы компания купила его товарные знаки, Ли подал многочисленные жалобы на 121 продавца Taobao и открыто предложил отозвать свои жалобы, если продавцы согласятся возместить ущерб.

В 2017 г. Bayer инициировала два иска против Ли Цина в окружной суд Уханя, требуя декларативного решения о ненарушении прав, прекращения действий по недобросовестной конкуренции и выплаты компенсации.

В своем решении от 8 марта 2018 г. суд сослался на ст. 2.1 Закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией и отметил, что если судебный акт нарушает принцип добросовестности и признанную деловую этику, то такой акт представляет собой недобросовестную конкуренцию.

Суд установил следующее:

- доказательств было достаточно, чтобы доказать, что Bayer является владельцем авторских прав на дизайн солнцезащитного крема Coppertone, что предшествовало применению товарных знаков Ли;
- использование компанией Bayer таких защищенных авторским правом образцов не нарушает исключительного права Ли на использование его зарегистрированных товарных знаков;
- на основании своей недобросовестной регистрации товарного знака ответчик, используя нечестные средства, подорвал конкурентные преимущества Bayer и получил прибыль от этого процесса, что представляет собой акт недобросовестной конкуренции.

Суд также обязал Ли прекратить действия в области недобросовестной конкуренции и выплатить компенсацию в пользу компании Bayer.

ВЫВОДЫ

На основе обширного исследования, посвященного обеспечению защиты авторских прав на платформах электронной коммерции и использованию новых технологий, стало очевидно, что защита прав интеллектуальной собственности в цифровую эпоху имеет решающее значение для устойчивого развития электронной коммерции и цифровой экономики. В исследовании подчеркивается значение цифрового контента для увеличения продаж и вовлечения потребителей в электронную коммерцию, а также проливается свет на проблемы, связанные с нарушением авторских прав, такие как несанкционированное воспроизведение, распространение и публичная демонстрация защищенных авторским правом материалов в интернете.

Платформы электронной коммерции служат важнейшими каналами для распространения цифрового контента — от текстов и изображений до видео и музыки, что повышает риск нарушения авторских прав. Для эффективного решения этих проблем были проанализированы различные стратегии защиты авторских прав на платформах электронной коммерции. Эти стратегии включают в себя внедрение надежной политики в области авторского права, использование таких технологических инструментов, как управление цифровыми правами (DRM) и водяные знаки, регулярный мониторинг на предмет нарушения авторских прав и принятие упреждающих мер против нарушителей.

Кроме того, в исследовании рассматриваются международные аспекты защиты авторских прав. В Соединенных Штатах Америки Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) играет ключевую

роль в защите прав интеллектуальной собственности в интернете. В нем прописаны положения о «безопасной гавани» для платформ, которые оперативно реагируют на запросы владельцев авторских прав, тем самым обеспечивая баланс между защитой прав авторов и стимулированием инноваций в интернете.

В Европейском союзе реализация Директивы ЕС по авторскому праву имеет значительные последствия для платформ электронной коммерции. Директива вводит новые обязательства для платформ по активному мониторингу и фильтрации контента, защищенному авторским правом и загружаемого пользователями, в целях усиления защиты авторских прав. Эта нормативная база отражает стремление ЕС к укреплению прав интеллектуальной собственности в цифровом пространстве. Аналогичным образом в Китае платформы электронной коммерции работают в сложной правовой среде, сочетающей элементы как государственного контроля, так и рыночной динамики. Защита интеллектуальной собственности является одним из ключевых направлений в Китае, а технологические достижения играют решающую роль в обеспечении соблюдения законов об авторском праве. Платформы используют самые современные инструменты, такие как системы обнаружения нарушений авторских прав на основе искусственного интеллекта, для оперативного выявления и удаления нарушающего авторские права контента.

В заключение отмечу, что исследование подчеркивает ключевую роль охраны авторских прав в формировании эволюции электронной коммерции и цифровой экономики. Гармонично сочетая защиту авторских прав с поощрением творчества и защитой интеллектуальной собственности, компании могут создать устойчивую экосистему, способствующую инновациям, защите интеллектуальной собственности и выгоде потребителей в глобальном масштабе. Таким образом, навигация по динамичному ландшафту электронной коммерции с помощью упреждающих мер, соблюдения правовых норм, технологических решений, международного сотрудничества и постоянной адаптации к возникающим проблемам имеет важное значение для обеспечения эффективной защиты авторских прав в цифровой сфере.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В рамках проведенного исследования можно предложить несколько стратегических решений по усилению защиты авторских прав на платформах электронной коммерции. Эти рекомендации направлены на решение проблем, связанных с нарушением авторских прав в цифровую эпоху, и обеспечение безопасной среды

для создателей контента и предприятий, работающих в интернете. Выполняя эти рекомендации, платформы электронной коммерции могут укрепить свою политику в области авторского права, внедрить технологические решения и принять упреждающие меры для эффективной борьбы с нарушениями авторских прав. Рассмотрим эти рекомендации, чтобы получить полное представление о том, как защитить права интеллектуальной собственности в цифровой среде.

1. Платформы электронной коммерции должны разработать четкую и всеобъемлющую политику в области авторского права, которая описывает правила и последствия, связанные с нарушением авторских прав. Эти правила должны быть легко доступны для пользователей и эффективно доносить до них информацию о приверженности платформы защите интеллектуальной собственности.

2. Внедрение технологий DRM может помочь предотвратить несанкционированный доступ, воспроизведение и распространение защищенного авторским правом контента на платформах электронной коммерции. Средства DRM могут шифровать цифровой контент, контролировать разрешения на доступ и отпугивать потенциальных нарушителей авторских прав.

3. Использование методов нанесения водяных знаков на цифровые активы может помочь определить происхождение материалов, защищенных авторским правом, и предотвратить их несанкционированное использование. Водяные знаки служат в качестве визуального или цифрового маркера, встроенного в контент, что позволяет владельцам авторских прав отслеживать и защищать свою интеллектуальную собственность.

4. Платформы электронной коммерции должны активно отслеживать свои веб-сайты и пользовательский контент на предмет потенциального нарушения авторских прав. Внедрение автоматизированных инструментов мониторинга и ручные проверки помогут оперативно выявлять и устранять несанкционированное использование материалов, защищенных авторским правом.

5. Необходимо обеспечить пользователей удобными механизмами коммуникации с платформой для сообщения о предполагаемых случаях нарушения авторских прав. Предоставление четких инструкций о том, как сообщать о нарушениях, и оперативное расследование инцидентов могут помочь смягчить проблемы с авторскими правами на платформах электронной коммерции.

6. Важно разработать и ввести в действие более «строгие» меры наказания для пользователей, уличенных в нарушении авторских прав на платформах электронной коммерции. Применение дисциплинар-

ных мер, таких как приостановка или прекращение действия учетной записи, может отпугнуть потенциальных нарушителей и подчеркнуть приверженность платформы соблюдению законов об авторском праве.

Приняв во внимание эти практические рекомендации, платформы электронной коммерции смогут усилить меры по защите авторских прав, снизить риски их нарушения и обеспечить безопасную среду как для создателей контента, так и для пользователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, 1886 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Digital Millennium Copyright Act, 1998. (DMCA), 17 U.S.C. § 512(c).
3. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 502–523.
4. Шугуров М.В. Парадигма модернизации авторского права Европейского союза в контексте цифровой экономики // Международное право. 2019. № 4. С. 1–26.
5. Stokes S. Digital copyright: law and practice. Bloomsbury publishing, 2019.
6. Menell P.S. Envisioning Copyright Law's Digital Future // NYL Sch. L. Rev. 2002. Vol. 46. P. 63.
7. Zenkina E. V. About current trends in global e-commerce // Beneficium. 2022. Vol. 1 (42). P. 68–73.
8. Chaffey D. E-business and E-commerce Management: Strategy, Implementation and Practice. Pearson Education, 2007.
9. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ("Directive on electronic commerce").
10. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society.
11. Pokrovskaya A. Intermediaries liability for copyright infringement: application of the "safe harbor" model // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 420. P. 06046.
12. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC.
13. Официальный сайт, онлайн ресурс: Copyright Reform: Questions and Answers. — URL: <https://digital->

- strategy.ec.europa.eu/en/faqs/copyright-reform-questions-and-answers
14. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications).
 15. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).
 16. Shapiro T., Hansson S. The DSM Copyright Directive: EU Copyright Will Indeed Never Be the Same // European Intellectual Property Review. 2019. Vol. 41 (7). P. 404–414.
 17. Chodak G. The Future of E-commerce. Springer Books, 2024.
 18. Safieddine F. M-commercem // Innovations in E-systems for business and commerce. 2017. P. 227–243.
 19. Albshaier L., Almarri S., Hafizur Rahman M.M. A Review of Blockchain's Role in E-Commerce Transactions: Open Challenges, and Future Research Directions // Computers. 2024. Vol. 13(1). P. 27.
 20. Anderson J., Johnson D. The Role of Artificial Intelligence in Enhancing E-Commerce Customer Experience // EasyChair. 2024. No 13355.
 21. Xu Chunshan v Tian Qinghong, Liu Yanbo and Shandong Shibo, 2019. — URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a6a9ba62-7f0d-4982-b60a-c0c816d42297>
 22. Bayer v Li Qing, 2017. — URL : <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a6a9ba62-7f0d-4982-b60a-c0c816d42297>
 6. Menell P.S. Envisioning Copyright Law's Digital Future // NYL Sch. L. Rev. 2002. Vol. 46. P. 63.
 7. Zenkina E.V. About current trends in global e-commerce // Beneficium. 2022. Vol. 1 (42). P. 68–73.
 8. Chaffe D. E-business and E-commerce Management: Strategy, Implementation and Practice. Pearson Education. 2007.
 9. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ("Directive on electronic commerce").
 10. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society.
 11. Pokrovskaya A. Intermediaries liability for copyright infringement: application of the "safe harbor" model // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 420. P. 06046.
 12. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC.
 13. Официальный сайт, онлайн-ресурс: Copyright Reform: Questions and Answers. — URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/faqs/copyright-reform-questions-and-answers>
 14. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications)
 15. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).
 16. Shapiro T., Hansson S. The DSM Copyright Directive: EU Copyright Will Indeed Never Be the Same / European Intellectual Property Review. 2019. Vol. 41(7). P. 404–414.
 17. Chodak G. The Future of E-commerce. Springer Books, 2024.
 18. Safieddine F. M-commercem // Innovations in E-systems for business and commerce. 2017. P. 227–243.
 19. Albshaier L., Almarri S., Hafizur Rahman M.M. A Review of Blockchain's Role in E-Commerce Transactions: Open Challenges, and Future Research Directions // Computers. 2024. Vol. 13(1). P. 27.
 20. Anderson, J., & Johnson, D. The Role of Artificial Intelligence in Enhancing E-Commerce Customer Experience // EasyChair. 2024. No 13355.

REFERENCES

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, 1886.
2. Digital Millennium Copyright Act, 1998 (DMCA), 17 U.S.C. § 512(c).
3. Ruzakov, O.A., Grin' E.S. Voprosy zashchity intellektual'noj sobstvennosti v oblasti tekhnologij virtual'noj i dopolnennoj real'nosti (VR, AR) // Vestnik perm'skogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2020. No 49. S. 502–523.
4. Shugurov M.V. Paradigma modernizacii avtorskogo prava Evropejskogo soyuza v kontekste cifrovoj ekonomiki // Mezhdunarodnoe pravo. 2019. No 4. S. 1–26.
5. Stokes S. Digital copyright: law and practice. Bloomsbury publishing, 2019.

21. Xu Chunshan v Tian Qinghong, Liu Yanbo and Shandong Shibo, 2019. — URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a6a9ba62-7f0d-4982-b60a-c0c816d42297>
22. Bayer v Li Qing, 2017. — URL : <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a6a9ba62-7f0d-4982-b60a-c0c816d42297>

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

Научная статья

УДК: 342.53:004

DOI: 10.17323/tis.2025.25197

Original article

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ПАРЛАМЕНТА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ, ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE FUTURE OF THE DIGITAL PARLIAMENT: CURRENT CHALLENGES, GLOBAL REGULATION AND THE ROLE OF PARLIAMENTARIANS

Акмаль Холматович САИДОВ

Законодательная палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан,
Ташкент, Узбекистан,
ncpch2@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9990-0655

Информация об авторе

А.Х. Сайдов — депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, академик Академии наук Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Подчеркнута роль искусственного интеллекта (ИИ) как ключевой технологии, которая трансформирует социальные, экономические и правовые структуры современного общества. Наряду с возможностями ИИ для повышения эффективности и прозрачности процессов существует ряд вызовов, связанных с этикой, правами человека и правовым регулированием. Отмечается важная роль парламентариев и международных организаций в разработке правовых и этических стандартов, обеспечивающих безопасное и ответственное использование ИИ, в минимизации рисков, таких как

- алгоритмическая предвзятость и нарушение конфиденциальности.
-
- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, права человека, этика, парламент, цифровизация, правовое регулирование, международное сотрудничество
-
- **Для цитирования:** Сайдов А.Х. Искусственный интеллект и будущее цифрового парламента: современные вызовы, глобальное регулирование и роль парламентариев // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 109–121; DOI: 10.17323/tis.2025.25197
-
- **Akmal Kh. SAIDOV**
- Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan,
- Tashkent, Uzbekistan,
- ncpch2@mail.ru,
- ORCID: 0000-0001-9990-0655
- **Information about the author**
- Akmal Kh. Saidov — Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Director

of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor

- • • •

Abstract. The author of the article emphasises the role of artificial intelligence (AI) as a key technology that is transforming the social, economic and legal structures of modern society. Along with the potential of AI to improve the efficiency and transparency of processes, there are also a number of challenges related to ethics, human rights and legal regulation. The article highlights the important role of parliamentarians and international organisations in developing legal and ethical standards to ensure the safe and responsible use of AI in order to minimise risks such as algorithmic bias and privacy breaches.

Keywords: artificial intelligence, human rights, ethics, parliament, digitalisation, legal regulation, international cooperation

For citation: Saidov A. Kh. Artificial Intelligence and the Future of the Digital Parliament: Current Challenges, Global Regulation and the Role of Parliamentarians // Trudi po Intellectualnoy Sostyennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 109–121;
DOI: 10.17323/tis.2025.25197

- Искусственный интеллект (ИИ) становится одной из ключевых движущих сил современной цивилизации, глубоко влияя на все аспекты жизни общества — от экономики и социальной сферы до политики и международных отношений. Мощные возможности ИИ обещают не только повысить эффективность и цифровизировать процессы в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении и других областях, но также рождают серьезные риски и вызовы, особенно в контексте нормативного регулирования, этики и защиты прав человека. Внедрение ИИ в государственно-правовую сферу создает уникальные возможности для повышения качества государственной и правовой жизни, включая развитие прозрачности и расширение участия граждан в демократических процессах. Вместе с тем технологии ИИ несут такие риски, как алгоритмическая предвзятость, нарушение конфиденциальности персональных данных, возможность манипулирования общественным мнением и т.д.

- Парламентарии мира играют значительную роль в создании правовых и этических основ, которые смогут обеспечить ответственный и справедливый подход к использованию ИИ в интересах всего общества. Их задача — разрабатывать и внедрять законодательные акты, которые помогут государствам, бизнес-структурам и институтам гражданского общества внедрять ИИ безопасно, цивилизованно, соблюдая права и свободы человека. Международные организации, такие как ООН, ЮНЕСКО и Межпарламентский союз (МПС), Совет Европы, Европейский Союз, а также национальные парламенты, уже вырабатывают общие правовые стандарты и подходы, направленные на создание справедливых юридических условий для применения ИИ в глобальном, региональном и национальном масштабах.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

ИИ имеет значительный потенциал как для укрепления и углубления, так и для подрыва и нарушения демократических процессов. С одной стороны, технологии ИИ могут способствовать повышению про-

зрачности деятельности государственных органов, улучшению социальных услуг и расширению гражданского участия. С другой стороны, существует риск использования ИИ для массового надзора, манипуляции общественным мнением и нарушения права на конфиденциальность личной жизни.

Основатель и бессменный председатель Давосского экономического форума К. Шваб в своей книге «Четвертая промышленная революция» [1] подчеркивает, что технологические инновации, такие как искусственный интеллект, роботизация и цифровизация, коренным образом меняют социальные, экономические, политические и правовые основы современного общества [1, с. 9–10]. Он отмечает, что эти изменения происходят в геометрической прогрессии, затрагивая все аспекты человеческой жизни, от производства до межличностного общения и взаимодействия с государственными институтами [1, с. 10–11]. К. Шваб указывает на необходимость пересмотра существующих норм и правил, для того чтобы справиться с вызовами новой технологической революции. Он считает, что управление этими изменениями должно быть основано на глобальном сотрудничестве между государствами, бизнесом и гражданским обществом [1, с. 117]. Важно разработать новые подходы, которые позволяют направить технологический прогресс на пользу всем членам общества, избегая при этом негативных последствий, таких как усиление социального неравенства и угроза личной неприкосновенности.

Поэт Райннер Мария Рильке писал: «Будущее вступает в нас... для того, чтобы стать нами еще задолго до того, как оно обретет жизнь» [2]. Мы живем в эпоху антропоцен, когда впервые в истории мира человеческая активность играет ключевую роль в формировании всех экосистем Земли [1, с. 180]. Только комплексный подход может обеспечить необходимое понимание для решения множества вопросов, возникающих в ходе Четвертой промышленной революции. Это требует создания совместных и гибких структур, которые будут отражать интеграцию различных экосистем и учитывать запросы всех заинтересованных сторон, объединяя государственный и частный сектора экономики, а также самых умных людей из всех слоев общества, независимо от национальности, расы, пола, происхождения и образования [1, с. 181–182].

Это требует системного подхода и социальной ответственности всех участников, чтобы новая технологическая парадигма соответствовала таким основным ценностям, как права человека и устойчивое развитие.

Таким образом, ИИ способен кардинально изменить современный глобальный мир, и каким будет правовое будущее — зависит от усилий, направленных на его этичное и ответственное использование.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие ИИ является одной из наиболее значимых трансформаций современного общества. Технологии ИИ проникают во все сферы жизни: от здравоохранения и образования до экономики и правосудия. Они обещают улучшить качество жизни, повысить эффективность процессов и открыть новые возможности для прогресса. Однако вместе с этими преимуществами возникают серьезные вопросы, связанные с защищкой основных прав и свобод человека.

Общепризнанные принципы и нормы Всеобщей декларации прав человека остаются стратегическими и неизменными ориентирами в эпоху цифровых технологий. Технологический прогресс не может служить оправданием для нарушения прав и свобод личности. Этико-правовые аспекты использования ИИ включают в себя принципы *прозрачности, справедливости, подотчетности и контроля*. Эти принципы напоминают нам, что технологический прогресс должен служить людям, а не создавать новые барьеры и угрозы.

Чтобы соответствовать этим общепризнанным принципам и нормам международного права в современном быстро меняющемся турбулентном мире, необходимо сделать так, чтобы цифровая революция служила интересам людей, а не наоборот. Важно, чтобы каждый алгоритм и каждая система на основе искусственного интеллекта удовлетворяли перечисленным выше основным принципам. «Мы должны обеспечить, чтобы каждый машинный процесс или система на основе искусственного интеллекта удовлетворяли таким основным принципам, как прозрачность, справедливость, подотчетность, контроль и возмещение ущерба» — подчеркнула Мишель Бачелет, бывший Верховный комиссар ООН по правам человека [3]. Алгоритмы и автоматизированные системы должны быть разработаны так, чтобы уважать достоинство каждого человека, избегать дискrimинации и несправедливости.

Одним из главных вызовов является отсутствие законодательного регулирования ИИ, что приводит к неопределенности в вопросах ответственности и подотчетности. Кроме того, существует риск массовой потери рабочих мест из-за автоматизации, что может усилить социальное неравенство.

Одной из ключевых проблем является *алгоритмическая предвзятость*, когда системы ИИ воспроизводят или усиливают существующие социальные предрассудки и стереотипы. Например, алгоритмы, используемые при найме на работу или при предоставлении кредитов, могут быть предвзятыми из-за некорректных или неполных данных, полученных

в процессе машинного обучения. Это может привести к дискриминации и нарушению права на равенство перед законом и судом. Для решения этой проблемы необходимо тщательно анализировать данные, использовать разнообразные и репрезентативные наборы данных, а также внедрять механизмы мониторинга и оценки алгоритмов.

Сбор и обработка больших объемов данных являются основой работы многих систем ИИ, что поднимает вопросы о неприкосновенности личных данных и защите персональной информации. Нарушение конфиденциальности может привести к злоупотреблениям, включая несанкционированный доступ к личным данным и массовое электронное слежение.

Прозрачность алгоритмов является ключевым фактором для установления доверия к технологиям ИИ. Системы, принимающие решения, влияющие на жизнь людей, должны быть *объяснимыми и понятными*. Это означает, что разработчики и пользователи должны иметь возможность понимать, на основании каких данных и каким образом принимаются те или иные решения. Прозрачность способствует подотчетности, позволяет выявлять и устранять возможные ошибки или предубеждения в алгоритмах.

Перспективы этико-правового регулирования ИИ включают в себя разработку международных стандартов и национальных норм, направленных на защиту прав человека в цифровую эпоху. Международное сотрудничество и диалог между государствами, организациями и экспертами являются ключевыми для создания эффективных механизмов регулирования. Важно также инвестировать в образование и повышение осведомленности общества об этических аспектах ИИ, чтобы обеспечить ответственное использование технологий.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ИИ — это одновременно глобальный вызов и возможность, и его регулирование требует международных усилий. Международные организации, такие как ООН, Межпарламентский союз, ЮНЕСКО, ОЭСР, БРИКС, Совет Европы и другие, видят в ИИ как возможности, так и потенциальные риски для человечества. Они разрабатывают стандарты и руководства, чтобы обеспечить вклад искусственного интеллекта в устойчивое развитие, соблюдение прав человека и обеспечение безопасности.

Система Организации Объединенных Наций активно вовлечена в создание глобальных этических принципов для использования ИИ. В 2021 г. ЮНЕСКО

выпустила Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта [4], которая стала международным стандартом в отношении соблюдения прав человека, способствующим устойчивому развитию.

Основной целью ООН в части использования ИИ является обеспечение его вклада в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР), таких как борьба с неравенством, улучшение доступа к образованию и охрана здоровья. Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш регулярно подчеркивает важность международного регулирования ИИ. Выступая на Саммите по безопасности ИИ в Лондоне 2 ноября 2023 г., он заявил: «Принципы управления искусственным интеллектом должны основываться на Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека» [5].

Совет Европы уделяет особое внимание тому, чтобы использование ИИ прежде всего соответствовало принципам уважения прав человека. В 2024 г. он принял Рамочную конвенцию Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права (Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law) [6], которая обязывает государства-члены соблюдать нормы прав человека при использовании ИИ. Эту Рамочную конвенцию поддержали 57 стран, включая государства, не входящие в Совет Европы, такие как США и Япония. Конвенция призвана обеспечить прозрачность, безопасность и подотчетность при использовании ИИ.

13 марта 2024 г. Европейский парламент принял Закон об искусственном интеллекте (AI Act) [7], который был одобрен Советом Европейского Союза 21 мая 2024 г. и стал одним из самых полных в мире документов по нормативному регулированию ИИ. Этот закон классифицирует ИИ по степени риска и вводит строгие требования для его использования в критически важных сферах, таких как здравоохранение и образование. ЕС стремится обеспечить баланс между инновациями и защитой прав человека. «Это первый в мире законодательный акт, направленный на борьбу с рисками, возникающими при использовании ИИ. В то же время он укрепляет доверие к применению ИИ и создает больше возможностей для всех, чтобы наилучшим образом использовать эту технологию в Европе, чтобы у людей были более хорошие условия работы, больше возможностей для обучения и более удобная жизнь благодаря этим инструментам» [8], — сказал депутат Европарламента Брандо Бенифеи.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала Принципы ИИ (AI Principles) [9], которые нацелены на ответственное и этическое использование этой технологии. Эти прин-

ципы поддерживаются 38 странами, включая партнеров ОЭСР, таких как Бразилия и Россия, и включают в себя рекомендации по разработке ИИ, который будет полезен обществу, будет защищать права человека и поддерживать устойчивое развитие.

Соблюдение баланса между технологическими инновациями и защитой прав человека — ключевая задача всех международных инициатив в области использования ИИ. Ведущие международные организации продолжают работать над совершенствованием стандартов, которые позволят использовать ИИ для общего блага, поддерживая при этом демократические ценности и уважение к правам каждого человека.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ДОГОВОР

Важным шагом в направлении международного сотрудничества в цифровой сфере стало принятие Глобального цифрового договора ООН [10] (Global Digital Compact — GDC) на Саммите будущего. Эта инициатива была представлена Генеральным секретарем ООН Антониу Гуттеришем и принята 22 сентября 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Глобальный цифровой договор в качестве приложения к Пакту во имя будущего [11]. Это стало результатом многолетней работы по созданию глобальных принципов и стандартов в цифровой сфере и отразило необходимость формирования безопасного, инклюзивного и справедливого цифрового будущего.

Глобальный цифровой договор включает в себя положения, направленные на ликвидацию цифровых разрывов, защиту прав человека в интернете, ответственное использование искусственного интеллекта и защиту цифровой инфраструктуры. С его принятием мир получил основу для нового этапа в развитии цифровых технологий и управлении ими.

Истоки Глобального цифрового договора восходят к первым международным обсуждениям роли цифровых технологий и их воздействия на общество. С начала 2000-х годов, когда интернет и цифровые технологии стали более доступными, страны во всем мире начали сталкиваться с новыми вызовами, такими как киберугрозы, недостаточная цифровая грамотность, неравномерное распределение доступа к интернету и угрозы конфиденциальности данных. Эскалация этих проблем привела к созданию различных национальных, региональных и международных инициатив, направленных на решение вопросов использования технологий ИИ.

С годами стало ясно, что проблемы ИИ не могут быть эффективно решены в рамках отдельных государств, и потребовался глобальный подход. В 2020-е

годы началась активная работа по формированию единого международного подхода к регулированию цифровых технологий. Принятие Глобального цифрового договора стало возможным благодаря долгосрочной работе экспертов, представителей государств и гражданского общества, объединившихся для достижения этого международного важного соглашения.

Современный мир сталкивается со стремительным развитием цифровых технологий, которые приносят значительные экономические, социальные, политico-правовые, гуманитарные и культурные изменения, но также создают угрозы и вызывают новые проблемы. Без согласованных правил и стандартов возникают разрывы в доступе к интернету и цифровым технологиям между странами и даже внутри них, что ведет к усилению цифрового и социального неравенства. Например, развитые страны имеют высокий уровень доступа к интернету и цифровым ресурсам, тогда как в развивающихся странах миллионы людей остаются отрезанными от этих возможностей. Глобальный цифровой договор призван преодолеть такое цифровое неравенство, помогая ускорить глобальный доступ к передовым технологиям и ресурсам ИИ.

Кроме того, развитие цифровых технологий сопровождается ростом киберпреступности и нарастанием угроз безопасности персональных данных. Компании, организации и отдельные лица сталкиваются с атаками на конфиденциальные данные и цифровую инфраструктуру. Глобальный цифровой договор отвечает на эти вызовы, предлагая меры по защите кибербезопасности и создавая основу для международного сотрудничества в цифровой области. Глобальный цифровой договор также поддерживает усилия по защите прав человека в цифровом пространстве, обеспечивая соблюдение конфиденциальности и предотвращая злоупотребления.

Глобальный цифровой договор определяет приоритетные направления, которые охватывают основные цифровые проблемы и предлагают решения для обеспечения инклюзивного и справедливого цифрового будущего.

Одна из центральных целей Договора — обеспечить равный доступ к цифровым технологиям и интернету для всех стран и групп населения. Глобальный цифровой договор предусматривает меры для инвестиций в развитие цифровой инфраструктуры и повышение цифровой грамотности, особенно в развивающихся странах. Программа включает в себя планы по обучению, поддержке образовательных инициатив и созданию доступных и защищенных цифровых ресурсов.

С ростом цифровизации возникает необходимость в обеспечении защиты личных данных и прав

человека в сети. Глобальный цифровой договор подчеркивает важность прозрачности и уважения к конфиденциальности, а также предусматривает меры по предотвращению злоупотребления данными и несанкционированного доступа. Глобальный цифровой договор также уделяет внимание защите свободы слова в интернете, при этом поддерживая меры по борьбе с кибербуллингом¹ [12] и распространением дезинформации (дипфейков²) [13].

С быстрым развитием искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных возникает необходимость в регулировании их использования. Глобальный цифровой договор устанавливает нормы для ответственного использования ИИ, направленного на благо общества. Глобальный цифровой договор определяет меры по предотвращению дискrimинации, связанной с алгоритмами ИИ, и поощряет разработку прозрачных и безопасных технологий.

Одним из ключевых аспектов договора является обеспечение безопасности цифровой инфраструктуры, от которой зависят экономические и социальные процессы в мире. Глобальный цифровой договор призывает к международному сотрудничеству в области кибербезопасности и разработке стандартов для защиты данных и инфраструктуры от угроз. Это включает в себя обмен технологиями, передовым опытом и совместную работу над созданием надежных систем защиты.

Для эффективного выполнения положений Глобального цифрового договора требуется скординированная работа государств, бизнес-сообщества, научного сообщества и гражданского общества. Национальные правительства играют важную роль в адаптации договорных обязательств к собственным законам и программам развития. Также частный сектор, включая технологические компании, должен внедрять стандарты и меры, которые поддерживают цели Глобального цифрового договора и способствуют созданию безопасной цифровой среды.

Ученые, эксперты и исследовательские организации вносят свой вклад в разработку новых технологий и изучение последствий их применения, чтобы пре-

доставить государствам и бизнесу лучшие практики и рекомендации. Гражданское общество, включая НПО и активистов, играет важную роль в отслеживании соблюдения стандартов и привлекает внимание к нарушениям, выступая за справедливое и безопасное цифровое пространство.

Принятие Глобального цифрового договора — это только начало долгого пути. Глобальный цифровой договор предусматривает регулярные обзоры его реализации и оценку его эффективности в рамках ООН, что позволит мировому сообществу адаптировать договорные положения к новым вызовам и технологическим изменениям. В ближайшие годы Глобальный цифровой договор станет основой для создания более безопасного, инклюзивного и устойчивого цифрового пространства, его положения будут развиваться, учитывая меняющиеся условия и вызовы.

Ключевым аспектом реализации Глобального цифрового договора станет поддержка развивающихся стран, которым предстоит значительная работа по созданию инфраструктуры, обучению и защите прав в цифровом мире. Международное сотрудничество, взаимопомощь и техническая поддержка призваны обеспечить успешное выполнение всех положений Глобального цифрового договора.

Таким образом, Глобальный цифровой договор — это стратегически важный документ, направленный на обеспечение справедливого и инклюзивного доступа к цифровым технологиям для всех стран и народов, создание безопасной и этичной цифровой среды и защиту прав человека в цифровом пространстве. Глобальный цифровой договор призван стать основой для нового этапа международного сотрудничества, направленного на создание лучшего цифрового будущего для всех.

МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЙ СОЮЗ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В октябре 2024 г. в Женеве, Швейцария, состоялась 149-я Ассамблея Межпарламентского союза³ (МПС), ставшая важным событием в области глобального регулирования искусственного интеллекта и его влия-

¹ Кибербуллинг — это запугивание (буллинг) с использованием цифровых технологий, которое может происходить в социальных сетях, платформах обмена сообщениями, игровых платформах и мобильных телефонах. Это повторяющееся поведение, направленное на то, чтобы напугать, разозлить или опозорить тех, кого преследуют.

² Дипфейк (от англ. deepfake: deep learning — глубокое обучение и fake — подделка) — это синтетический медиаконтент, созданный с использованием технологий искусственного интеллекта, который имитирует реальное изображение, видеоизображение или голос человека, вводя в заблуждение относительно подлинности представленной информации.

³ Межпарламентский союз — глобальная организация национальных парламентов, основанная в 1889 г. Ее миссия заключается в продвижении демократического управления, институтов и ценностей, а также в содействии миру, демократии, правам человека, гендерному равенству, молодежному участию, климатическим действиям и устойчивому развитию через политический диалог и парламентские действия. МПС объединяет 181 национальный парламент и 15 ассоциированных членов, предоставляя платформу для сотрудничества и обмена опытом между парламентариями всего мира.

ния на демократию, права человека и верховенство закона [14]. Парламентарии со всего мира собрались для обсуждения актуальных вопросов, связанных с наукой, технологиями и инновациями, в целях создания более мирного и устойчивого будущего [15].

Главной темой 149-й Ассамблеи Межпарламентского союза стало использование достижений науки и технологий для решения глобальных вызовов, таких как неравенство в доступе к технологиям, защита прав человека и борьба с климатическими изменениями. Ассамблея стала важным этапом в укреплении глобального сотрудничества и внедрении этических стандартов для технологий, в том числе искусственно го интеллекта.

По итогам работы 149-й Ассамблеи Межпарламентского союза были приняты три важных документа.

Во-первых, на Ассамблее была принята Женевская декларация «Использование науки, технологий и инноваций для более мирного и устойчивого будущего» [16], которая подчеркивает приверженность членов Межпарламентского союза к использованию Национальной технологической инициативы для достижения мира, устойчивого развития и защиты прав человека. В документе отмечено, что, несмотря на быстрое развитие технологий, существует необходимость в их ответственном и этическом применении, которое должно учитывать интересы всех слоев общества. Особое внимание в Женевской декларации удалено темам гендерного равенства, инклюзивного участия молодежи и уязвимых групп, а также обязательности соблюдения прав человека и обеспечения цифровой безопасности.

Парламентарии мира признали, что они обладают уникальной возможностью и ответственностью за разработку этико-правовых рамок для управления Национальной технологической инициативой. Они обязались направлять научно-технический прогресс на благо общества, предотвращая неравенство и нарушения прав человека, а также защищая демократические процессы от рисков, связанных с новыми технологиями, такими как ИИ.

Во-вторых, в ходе 149-й Ассамблеи была принята Резолюция «О влиянии ИИ на демократию, права человека и верховенство закона» [17]. В Резолюции подчеркивается, что ИИ несет как возможности, так и риски для современного общества. Парламентарии мира отметили, что ИИ может повысить прозрачность и подотчетность государственных органов, улучшить доступ к информации и содействовать участию граждан в политических процессах. Однако они выразили обеспокоенность тем, что ИИ также может способствовать распространению дезинформации, дискриминации и усилинию социального неравенства.

Кроме того, в Резолюции подчеркивается необходимость разработки правовой базы для ответственного использования ИИ, которая будет учитывать принципы прозрачности, подотчетности и защиты прав человека. Парламентарии призвали к международному сотрудничеству в создании стандартов, которые позволяют регулировать разработку и внедрение ИИ без ущерба для инноваций. В Резолюции также обсуждается необходимость инклюзивного подхода к разработке ИИ, который учитывал бы гендерные аспекты и предотвратил распространение предвзятости и дискриминации.

В-третьих, важным результатом 149-й Ассамблеи стало принятие Хартии Межпарламентского союза по этике науки и технологий [18]. Эта Хартия призвана стать руководством для парламентов по вопросам этического использования научных и технологических достижений, включая ИИ. Хартия подчеркивает важность инклюзивного и ответственного подхода к реализации Национальной технологической инициативы, который призван способствовать достижению целей устойчивого развития и укреплению демократических институтов. В Хартии зафиксированы принципы, которые должны лежать в основе использования технологий: *уважение к правам человека, справедливость, прозрачность, а также предотвращение любых форм дискриминации*.

Хартия поддерживает инициативы по созданию международных стандартов для ИИ и других технологий, а также призывает к усилению межпарламентского сотрудничества. Парламенты со всего мира обязались продвигать эти принципы в своих странах, содействуя этичному управлению Национальной технологической инициативой для создания более инклюзивного и устойчивого будущего.

149-я Ассамблея Межпарламентского союза стала важной вехой на пути к формированию глобальных подходов к управлению научными и технологическими достижениями. Принятие трех документов: Женевской декларации, Резолюции и Хартии Межпарламентского союза отражают приверженность международного сообщества к этическому и инклюзивному развитию технологий, в частности, ИИ. Эти документы закладывают основу для дальнейшего сотрудничества между парламентами, а также для создания нормативной базы, которая обеспечит защиту прав человека и демократических ценностей в условиях стремительного научно-технического прогресса.

149-я Ассамблея Межпарламентского союза показала, что сотрудничество на международном уровне и приверженность общим этическим стандартам являются ключевыми факторами, для того чтобы цифровые технологии служили на благо человечества, а не создавали новые угрозы и барьеры.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Национальные парламенты по всему миру начинают активно использовать технологии ИИ, чтобы повысить эффективность, продуктивность и оптимизировать свои рабочие процессы. ИИ предлагает значительные возможности для автоматизации и повышения точности, но путь от осознания его потенциала до внедрения сопровождается множеством технических и этических вызовов. Примером удачного решения этих вызовов стали «кейсы использования ИИ» [19] — разработанные парламентариями сценарии, которые наглядно демонстрируют возможности ИИ в парламентской деятельности, создавая дорожную карту для внедрения технологий ИИ.

«Кейсы использования» позволяют парламентам оценивать возможности ИИ и изучать их на парламентской практике. Они выступают своеобразным мостом между абстрактными перспективами применения ИИ и практическими задачами, стоящими перед парламентами, помогая последовательно планировать, внедрять и оценивать решения на основе ИИ. Так, «кейсы использования» отличаются от «кейс-стади» (описания уже реализованных проектов): они объясняют, как система должна работать, и служат инструментом для разработки и оценки этапов реализации ИИ.

В рамках проекта по созданию руководящих принципов управления ИИ Центр парламентских наук о данных (Parliamentary Data Science Hub)⁴ [20], координируемый Палатой депутатов Бразилии, собрал более 40 «кейсов использования», включая примеры от Парламентов Бразилии, Эстонии, Европейского парламента, а также Палаты депутатов и Сената Италии. Эти кейсы охватывают следующие области:

- 1) *системы классификации данных* — ИИ помогает систематизировать и классифицировать большие объемы информации, что важно для парламентов, работающих с огромным количеством данных;
- 2) *составление законопроектов и управление поправками* — ИИ способствует более эффективному созданию законодательных актов и управлению поправками, сокращая время и повышая точность;
- 3) *транскрипция и перевод* — автоматизация стенографических отчетов и создание субтитров для

⁴ Parliamentary Data Science (PDS) Hub — это тематическая группа, созданная в рамках Центра инноваций в парламентах (Centre for Innovation in Parliament) при Межпарламентском союзе. Основная цель PDS Hub — содействие обмену знаниями и передовым опытом в области обработки и анализа парламентских данных, а также внедрение инновационных решений для повышения эффективности парламентской деятельности.

видеоконтента с помощью ИИ помогают парламентам быстрее и точнее составлять отчеты;

- 4) *чат-боты и поддержка пользователей* — ИИ-решения на основе естественного языка помогают пользователям лучше понимать парламентские процедуры, данные, законопроекты и поправки;
- 5) *анализ общественных комментариев* — ИИ помогает анализировать большое количество отзывов и комментариев, облегчая общественное участие;
- 6) *обеспечение кибербезопасности и разработка приложений* — инструменты искусственного интеллекта, поддерживающие разработку безопасных парламентских систем.

Эти «кейсы использования» помогают парламентам опробовать ИИ на малых масштабах, прежде чем переходить к полноценной реализации. Например, парламент может применить ИИ для анализа документов в одном парламентском комитете, чтобы проверить его способность резюмировать длинные отчеты или публичные обращения. Такой подход позволяет оценить реальные результаты применения ИИ, выявить необходимые ресурсы и предусмотреть возможные трудности. В дальнейшем опыт этих тестов направляет парламенты к более крупным проектам и помогает разработать ключевые политики и этические принципы для ответственного использования ИИ.

Центр инноваций в парламентах⁵ [21] предоставляет все «кейсы использования» ИИ для свободного доступа и изучения другими парламентами, которые могут опираться на наработанный опыт и адаптировать его под свои нужды.

С ростом значимости ИИ в парламентах становится все более актуальной разработка этической и правовой базы, обеспечивающей ответственное применение технологий.

Во Всемирном докладе об электронном парламенте за 2024 г.⁶ [22] (World e-Parliament Report 2024) рассматриваются как текущие достижения, так и проблемы, связанные с применением искусственного ин-

⁵ Центр инноваций в парламентах (Centre for Innovation in Parliament, CIP) — инициатива Межпарламентского союза, направленная на поддержку парламентов в освоении и внедрении инновационных решений для повышения их эффективности и прозрачности. Центр способствует обмену передовым опытом, разработке новых инструментов и методов работы, а также укреплению сотрудничества между парламентами разных стран.

⁶ Межпарламентский союз опубликовал Всемирный доклад об электронных парламентах 2024 г., предоставляющий всестороннюю оценку использования цифровых технологий в парламентах по всему миру. Доклад основан на ответах 115 парламентов или палат из 86 стран и наднациональных парламентов.

теллекта в национальных парламентах. В отчете подчеркивается, что цифровая трансформация играет ключевую роль в модернизации парламентов, а использование ИИ становится все более важной частью парламентского процесса. Вот основные выводы Всемирного доклада.

Первый вывод. В 2024 г. 29% парламентов сообщили о применении технологий ИИ, что является значительным ростом по сравнению с 2020 г., когда ИИ использовался преимущественно на экспериментальном уровне. Сейчас ИИ внедряется для автоматизации процессов транскрипции, перевода и обеспечения кибербезопасности. В частности, технологии ИИ помогают переводить устные обсуждения в письменные стенограммы, что значительно ускоряет процесс создания парламентских отчетов и протоколов. Тем не менее использование ИИ пока не имеет всеобъемлющего законодательного регулирования. Лишь 11% парламентов установили правовые нормы, касающиеся ИИ, и 14% разработали внутренние процедуры для контроля его использования. Таким образом, правовые и нормативные аспекты остаются важной областью, требующей дальнейшего развития, поскольку парламентам предстоит решить вопросы прозрачности и ответственности при применении ИИ.

Второй вывод. ИИ является неотъемлемой частью более широкой программы цифровой трансформации в парламентах. По данным Всемирного доклада, 68% парламентов разработали долгосрочные цифровые стратегии, что свидетельствует о возрастающем внимании к цифровой модернизации. Успешная реализация ИИ требует наличия хорошей системы управления данными и четко определенных подходов к цифровой трансформации. Введение генеративного ИИ⁷ [23] также набирает обороты, и ожидается, что его применение будет расти, особенно в таких областях, как анализ данных и предоставление ответов гражданам. Для эффективного внедрения ИИ парламентам необходимо не только поддерживать высокое качество данных, но и внедрять культуру цифровых инноваций, где бизнес-процессы и ИТ-отделы работают в тесном сотрудничестве. Такие меры позволяют парламентам быстрее адаптироваться к новым технологиям и увеличивать их положительное влияние на рабочие процессы.

Третий вывод. Несмотря на растущие усилия по внедрению ИИ, парламенты, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода, сталкиваются с серьез-

ными барьерами, такими как недостаточное финансирование и нехватка квалифицированного персонала. Всемирный доклад показывает, что цифровая зрелость парламента во многом зависит от уровня дохода страны, причем парламенты в странах с высоким уровнем дохода значительно опережают по зрелости и внедрению технологий парламенты стран с низким уровнем дохода. В странах с низкими доходами многие парламенты испытывают трудности с привлечением ресурсов и подготовкой специалистов, что снижает их способность внедрять ИИ.

Для преодоления этих трудностей Всемирный доклад рекомендует парламентам установить четкие рамки управления ИИ, включая разработку этических стандартов и процедур для ответственного использования технологий. Это поможет защитить демократические ценности, гарантируя прозрачность и подотчетность при использовании ИИ. Кроме того, предлагается уделять больше внимания обучению и повышению квалификации сотрудников, а также разрабатывать и внедрять специальные программы по цифровой грамотности и кибербезопасности для членов парламента и персонала.

Четвертый вывод. Межпарламентское сотрудничество играет важную роль в процессе цифровой трансформации. Во Всемирном докладе подчеркивается, что обмен знаниями и опытом между парламентами помогает преодолевать общие проблемы, связанные с внедрением ИИ и других цифровых технологий. Например, с 2020 г. доля парламентов, участвующих в Центре инноваций Межпарламентского союза, возросла с 27 до 45%. Этот Центр, как и другие международные сети, предоставляет платформу для обмена передовым опытом и способствует укреплению потенциала парламентов в области цифровых инноваций. Во Всемирном докладе также отмечено, что крупные парламенты и парламенты в странах с высоким уровнем дохода активно поддерживают другие страны, в то время как парламенты в странах с низким уровнем дохода выражают готовность к более активному участию в будущем. Международное сотрудничество помогает парламентам быстрее адаптироваться к вызовам цифровой эпохи и находить эффективные решения.

Таким образом, Всемирный доклад демонстрирует, что ИИ играет важную роль в модернизации национальных парламентов, способствуя повышению их эффективности и прозрачности. В то же время успешное внедрение ИИ требует комплексного подхода, включающего разработку стратегий, инвестиций в инфраструктуру и людей, а также создание межпарламентских партнерств для обмена знаниями и передовым опытом в области использования технологий ИИ.

⁷ Генеративный искусственный интеллект (GenAI) — это технология, позволяющая создавать новые данные, такие как текст, изображения, музыка или видео, на основе анализа существующих данных.

БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ПАРЛАМЕНТА

Бурное развитие ИИ открывает перед обществом колоссальные возможности, но одновременно несет существенные риски. Применение ИИ обладает потенциалом для повышения качества жизни, улучшения прозрачности, эффективности и доступности государственных органов, а также стимулирования экономического и научного прогресса. Однако без адекватного правового и этического регулирования ИИ способен нанести ущерб основным правам и свободам человека, включая нарушение права на конфиденциальность и усиление социальной дискриминации. Поэтому создание международных, региональных и национальных стандартов для ИИ является не просто актуальной тенденцией, а насущной необходимостью.

В последние годы значительные усилия направлены на создание международных норм и стандартов, которые обеспечивают этическое использование ИИ. Глобальный цифровой договор ООН, Женевская декларация Межпарламентского союза и другие инициативы указывают на важность глобального сотрудничества и уважения прав человека в цифровой среде. Парламентарии, обладая уникальной возможностью регулировать и направлять развитие ИИ, обязаны принимать решения, способствующие развитию демократических институтов и защите прав и свобод каждого человека. В итоге будущее ИИ зависит от нашей способности объединить усилия и обеспечить технологический прогресс, который служит интересам и благополучию всего общества.

Для ответственного управления ИИ на глобальном уровне необходим системный и междисциплинарный подход, объединяющий усилия специалистов в областях технологий, права, этики и социальных наук.

В связи с этим можно выдвинуть предложения по дальнейшему развитию и нормативному регулированию ИИ.

Первое предложение. Необходимо обеспечить прозрачность алгоритмов и решений. Для общественного доверия важно сделать алгоритмы и процессы принятия решений на основе ИИ понятными и доступными для общественного контроля. Это предполагает разработку стандартов прозрачности, учитывающих сложность технологий и обязательства разработчиков по раскрытию информации.

Второе предложение. Важно защитить права человека и предотвратить дискриминацию. Алгоритмы ИИ должны проверяться на соответствие основным принципам прав человека. Использование ИИ должно способствовать равенству и справедливости, а не усиливать социальное неравенство.

Третье предложение. Следует юридически закрепить ответственность за действия и решения ИИ. Разработка правовых норм, определяющих, кто несет ответственность — разработчики, пользователи или государственные органы — позволит создать более безопасную среду для применения ИИ.

Четвертое предложение. Рекомендуется создание этико-правовых комитетов на национальном, региональном и международном уровнях для оценки и мониторинга использования ИИ. Эти парламентские комитеты смогут разрабатывать рекомендации, адаптированные к быстро меняющемуся технологическому ландшафту, и регулярно оценивать потенциальные риски.

Пятое предложение. Международное сотрудничество и обмен знаниями также являются ключевыми для разработки единых международных стандартов для ИИ. Сотрудничество между странами и обмен передовым опытом позволяют создать эффективные и согласованные механизмы регулирования ИИ. Разработка единых международных стандартов для ИИ, таких как инициатива ООН по Глобальному цифровому договору, станет залогом справедливого и безопасного использования технологий. Сотрудничество между странами и обмен передовым опытом позволят создать эффективные и согласованные механизмы регулирования ИИ.

Шестое предложение. Необходимо повышать образование и цифровую грамотность среди парламентариев, граждан, политиков, активистов гражданского общества и работников правоприменительных органов. Образовательные программы помогут обществу лучше понять ИИ и осознанно участвовать в демократических процессах, связанных с его применением. Повышение цифровой культуры среди парламентариев позволит им принимать более ответственные решения.

Седьмое предложение. Парламентам следует рассматривать будущее право сквозь призму юридической футурологии, которая позволяет прогнозировать и заранее учитывать правовые последствия технологических изменений. Такой подход поможет сформировать законодательство, которое не только отвечает текущим потребностям, но и подготавливает основу для регулирования долгосрочных вызовов.

Восьмое предложение. Юридическая футурология может стать фундаментом для адаптации правовой системы к будущим технологическим изменениям. Это позволит парламентам создавать гибкие и устойчивые правовые механизмы, способные эффективно защищать права и свободы граждан в условиях ускоренного научно-технического прогресса.

Девятое предложение. Следует разработать стратегии по преодолению цифрового разрыва между

странами и внутри государства между различными городами и селами, особенно в отдаленных местностях. Обеспечение равного доступа к цифровым технологиям и ИИ для всех слоев населения позволит устраниć неравенство и стимулировать экономическое развитие.

Важно эффективно использовать все предложенные инициативы, интегрируя их в единую стратегию развития и регулирования ИИ. Координация усилий и последовательная реализация этих предложений обеспечат устойчивое и безопасное развитие технологий ИИ.

Ответственный подход к регулированию ИИ должен основываться на принципах прозрачности, ответственности и уважения прав человека. Современные вызовы требуют оперативного и продуманного ответа, чтобы технологии ИИ способствовали устойчивому развитию и благополучию общества, не угрожая фундаментальным ценностям и правам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 210 с.
2. Рильке Р.М. Письма молодому поэту. М.: ACT, 2023. 160 с.
3. Бачелет М. Какую роль играют права человека в цифровой век: выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет. — URL: <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО, 2021: [офиц. сайт]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 21.10.2024).
5. Гуттерриш А. Выступление на саммите по безопасности ИИ. Лондон, 2 ноября 2023 г. // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446457> (дата обращения: 21.10.2024).
6. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // CETS No. 225, 2024. — URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatyNum=225> (accessed: 24.10.2024).
7. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (accessed: 24.10.2024).
8. Европейский союз. Закон ЕС о регулировании ИИ вступил в силу // Euronews. 01.08.2024 (дата обращения: 26.10.2024).
9. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD AI Principles overview // OECD. AI. — URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (accessed: 26.10.2024)
10. Организация Объединенных Наций. Глобальный цифровой договор // Саммит будущего // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. — URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact> (дата обращения: 23.10.2024).
11. Организация Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея. Резолюция A/RES/79/1. Пакт во имя будущего, 22 сентября 2024 г. // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. — URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
12. Кибербуллинг: что это такое и как это остановить // ЮНИСЕФ. — URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/остановить-насилие-кибербуллинг> (дата обращения: 29.10.2024).
13. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69014 EDN:DYIHIR. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69014 (дата обращения: 29.10.2024).
14. Межпарламентский союз. — URL: <https://www.ipu.org/about-us> (дата обращения: 18.10.2024).
15. Inter-Parliamentary Union. 149th Assembly and related events // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/event/149th-ipu-assembly-and-related-meetings> (accessed: 20.10.2024).
16. Inter-Parliamentary Union. Geneva Declaration: Harnessing science, technology and innovation (STI) for a more peaceful and sustainable future // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/20059/download> (accessed: 19.10.2024).
17. Inter-Parliamentary Union. The Impact of Artificial Intelligence on Democracy, Human Rights and the Rule of Law. Resolution unanimously adopted by the 149th IPU Assembly (Geneva, 17 October 2024) // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/20061/download> (accessed: 19.10.2024).
18. Inter-Parliamentary Union. IPU Charter on Ethics of Science and Technology // Inter-Parliamentary Union, 149th Assembly, 13–17 October 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/19917/download> (accessed: 19.10.2024).
19. Inter-Parliamentary Union. Use cases for AI in parliaments. — URL: <https://www.ipu.org/innovation-tracker/story/use-cases-ai-in-parliaments> (accessed: 01.11.2024).
20. Inter-Parliamentary Union. Parliamentary Data Science (PDS) Hub. — URL: <https://www.ipu.org/innovation-hub/parliamentary-data-science-thematic-hub> (accessed: 03.11.2024).

21. Inter-Parliamentary Union. Centre for Innovation in Parliaments. — URL: <https://www.ipu.org/impact/democracy-and-strong-parliaments/centre-innovation-in-parliament> (accessed: 03.11.2024).
22. World report on e-Parliament 2024. — URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2024-10/world-e-parliament-report-2024> (accessed: 05.11.2024).
23. Генеративный искусственный интеллект: чем он является, чем нет, и чем он может стать // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/208165> (дата обращения: 07.11.2024).

REFERENCES

1. Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya / per. s angl. M.: Eksmo, 2016. 210 s.
2. Rilke R.M. Pis'ma molodomu poetu. M.: AST, 2023. 160 s.
3. Bachelet M. Kakuyu rol' igrayut prava cheloveka v tsifrovoye vek: Vystuplenie Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka Mishel' Bachelet. — URL: <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age> (data obrascheniya: 21.10.2024).
4. Rekomendatsiya ob eticheskikh aspektakh iskusstvennogo intellekta // UNESCO, 2021: [ofits. sait]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000380455_rus (data obrascheniya: 21.10.2024).
5. Guterres A. Vystuplenie na sammite po bezopasnosti II. London, 2 noyabrya 2023 g. // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii: [ofits. sait]. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446457> (data obrascheniya: 21.10.2024).
6. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // CETS No. 225, 2024. — URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty whole=225> (accessed: 24.10.2024).
7. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (accessed: 24.10.2024).
8. Evropeiskii soyuz. Zakon ES o regulirovaniyu II vstupil v silu // Euronews. 01.08.2024. — URL: <https://ru.euronews.com/next/2024/08/01/the-eu-ai-act-enters-into-force> (data obrascheniya: 26.10.2024).
9. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD AI Principles overview // OECD. AI. — URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (accessed: 26.10.2024).
10. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii. Global'nyi tsifrovoy dogovor // Sammit budushchego // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii: [ofits. sait]. — URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact> (data obrascheniya: 23.10.2024).
11. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii, General'naya Assambleya. Rezolyutsiya A/RES/79/1. Pakt vo imya budushchego, 22 sentyabrya 2024 g. // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii: [ofits. sait]. — URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (data obrascheniya: 21.10.2024).
12. Kiberbulling: chto eto takoe i kak eto ostanovit' // UNICEF. — URL: <https://www.unicef.org/uzbekistan/ostanovit-nasilie-kiberbulling> (data obrascheniya: 29.10.2024).
13. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Ponyatie dipfeika v rossiiskom prave, klassifikatsiya dipfeikov i voprosy ikh pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskie issledovaniya. 2023. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.69014 EDN: DYIHIR. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69014 (data obrascheniya: 29.10.2024).
14. Mezhparlamentskii soyuz. — URL: <https://www.ipu.org/about-us> (data obrascheniya: 18.10.2024).
15. Inter-Parliamentary Union. 149th Assembly and related events // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/event/149th-ipu-assembly-and-related-meetings> (accessed: 20.10.2024).
16. Inter-Parliamentary Union. Geneva Declaration: Harnessing science, technology and innovation (STI) for a more peaceful and sustainable future // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/20059/download> (accessed: 19.10.2024).
17. Inter-Parliamentary Union. The Impact of Artificial Intelligence on Democracy, Human Rights and the Rule of Law. Resolution unanimously adopted by the 149th IPU Assembly (Geneva, 17 October 2024) // Inter-Parliamentary Union, 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/20061/download> (accessed: 19.10.2024).
18. Inter-Parliamentary Union. IPU Charter on Ethics of Science and Technology // Inter-Parliamentary Union, 149th Assembly, 13-17 October 2024. — URL: <https://www.ipu.org/file/19917/download> (accessed: 19.10.2024).
19. Inter-Parliamentary Union. Use cases for AI in parliaments. — URL: <https://www.ipu.org/innovation-tracker/story/use-cases-ai-in-parliaments> (data obrascheniya: 01.11.2024).
20. Inter-Parliamentary Union. Parliamentary Data Science (PDS) Hub. — URL: <https://www.ipu.org/innovation-hub/parliamentary-data-science-thematic-hub> (accessed: 3.11.2024).
21. Tsentr sposobstvuet obmenu peredovym opytom, razrabotke novykh instrumentov i metodov raboty,

- a takzhe ukrepleniyu sotrudnichestva mezhdu parlamentami raznykh stran. (data obrascheniya: 3.11.2024).
22. World report on e-Parliament 2024. — URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2024-10/world-e-parliament-report-2024> (accessed: 5.11.2024).
23. Generativnyi iskusstvennyi intellekt: chem on yavlyaetsya, chem net, i chem on mozhet stat' // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii. — URL: <https://www.un.org/ru/208165> (data obrascheniya: 7.11.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ СПБГУ

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION: EXPERIENCE OF SPBU

Владислав Владимирович АРХИПОВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
v.arhipov@spbu.ru,
ORCID: 0000-0003-4566-1454

Виктор Борисович НАУМОВ

Институт государства и права Российской академии
наук, Москва, Российская Федерация,
nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Владимир Андреевич СТАРОСТЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
v.starostenko@spbu.ru,
ORCID: 0009-0006-3055-257X

Артем Алексеевич НЕСТЕРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
artem.nesterov@spbu.ru,
ORCID: 0009-0004-2797-3504

Информация об авторах

В.В. Архипов — профессор СПбГУ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, директор Центра исследования проблем информационной безопасности и цифровой трансформации СПбГУ, руководитель юридической группы Центра искусственного интеллекта и науки о данных СПбГУ, доктор юридических наук

В.Б. Наумов — главный научный сотрудник Сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, руководитель проекта «Сохраненная культура», внешний консультант Центра исследования проблем информационной безопасности и цифровой трансформации СПбГУ, ассоциированный

- член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, доктор юридических наук
- В.А. Старостенко — проректор по цифровой трансформации и информационной безопасности СПбГУ
- А.А. Нестеров — ведущий специалист Проектного офиса цифровой трансформации СПбГУ
- **Аннотация.** Исследуются этические аспекты применения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе в высших учебных заведениях. Основная проблема заключается в определении границ допустимого использования ИИ в высшем образовании, в том числе при написании академических работ и прохождении аттестационных испытаний. Цель исследования заключается в формировании общих представлений об использовании ИИ в высшем образовании на основе опыта Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Для достижения цели применялись анализ исторических условий и контекста деятельности СПбГУ, а также изучение этических норм и правил, прямо или косвенно регулирующих использование ИИ в образовательной деятельности, в том числе разработанных и внедренных самим университетом. Разрабатываются конкретные практические кейсы использования ИИ студентами и преподавателями и рассматриваются вопросы этичности подобного использования. По результатам исследования в СПбГУ разрабатывается «Меморандум об использовании искусственного интеллекта в образовательном процессе». В исследовании даются рекомендации по использованию ИИ в образовании с учетом критической необходимости сохранения творческого начала и самостоятельности в образовательном процессе. Несмотря на потенциальные преимущества использования ИИ в образовательном процессе, необходимо тщательно контролировать его применение, чтобы сохранить основные принципы университетского образования и не способствовать

снижению интеллектуальных и творческих навыков и возможностей человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, большие генеративные модели, цифровая трансформация, высшее образование, этика, право

Для цитирования: Архипов В.В., Наумов В.Б., Старостенко В.А., Нестеров А.А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании: опыт СПбГУ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 122–135; DOI: 10.17323/tis.2025.25343

Vladislav V. ARHIPOV

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
v.arhipov@spbu.ru,
ORCID: 0000-0003-4566-1454

Victor B. NAUMOV

State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Vladimir A. STAROSTENKO

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
v.starostenko@spbu.ru,
ORCID: 0009-0006-3055-257X

Artem A. NESTEROV

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
artem.nesterov@spbu.ru,
ORCID: 0009-0004-2797-3504

Information about the authors

Arhipov V.V. — Professor of SPbU, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Director of the Centre for Research on Information Security and Digital Transformation of SPbU, Head of Legal Group of the Center of AI and data science of SPbU, Doctor of Legal Sciences
Naumov V.B. — Principal Researcher of the Sector of Information Law and International Information Security, Institute of Information Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the “Preserved Culture” project, External consultant of the Centre for Research on Information Security and Digital Transformation SPbU, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights, Doctor of Legal Sciences

- Starostenko V.A. — Vice-Rector for Digital Transformation and Information Security of SPbU
- Nesterov A.A. — leading specialist of Digital Transformation Project Office of SPbU
- **Abstract.** The article explores the ethical aspects of the use of artificial intelligence (AI) in the educational process within higher education institutions. The main problem is to determine the boundaries of AI use in higher education, including the areas of academic papers and attestation. The aim of the study was to form general ideas about the use of AI in higher education based on the experience of St. Petersburg State University (SPbU). In order to achieve the aim, the authors analyzed the historical conditions and context of SPbU activity and studied the ethical norms and rules regulating the use of AI in educational activities, including those developed and implemented by the university itself. The article discusses specific practical cases of AI use by students and teachers and considers the ethical issues of such use. Based on the ideas expressed in this paper, SPbU develops “Memorandum on the Use of Artificial Intelligence in the Educational Process”. The study provides recommendations on the use of AI in education based on the need to preserve creativity and autonomy in the educational process. Despite the potential benefits of using AI in the educational process, it is necessary to carefully control its use in order to preserve the basic principles of university education and not to contribute to the impoverishment of an individual’s intellectual and creative skills and capabilities.

Keywords: artificial intelligence, large generative models, digital transformation, higher education, ethics, law

- **For citation:** Arhipov V.V., Naumov V.B., Starostenko V.A., Nesterov A.A. The Use of Artificial Intelligence in Higher Education: Experience of SPbU // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 122–135; DOI: 10.17323/tis.2025.25343

Позиция авторов не является официальной позицией СПбГУ и (или) иных организаций, с которыми аффилированы авторы, и может с ней не совпадать.

Авторы выражают благодарность к.ю.н. доценту СПбГУ Е.В. Сыченко и заместителю директора Центра исследования проблем информационной безопасности и цифровой трансформации СПбГУ С.Ю. Севрюкову за критическое рецензирование текста и предложения по отдельным формулировкам, группе обучающихся магистратуры СПбГУ 23.М16-ю (программа «Информационное право и защита данных») М.П. Соловьевскому, Т.А. Роевой, А.Ж. Пагову и К.С. Крючкову за предварительные обсуждения практических сценариев использования искусственного интеллекта в образовании, а также аспирантам СПбГУ С.С. Митрохину и И.В. Шевелеву, участвовавшим в предварительной работе.

Технологии искусственного интеллекта (далее также — ИИ) развиваются стремительно, но не менее стремительно развиваются и способы их применения — как добросовестного, так и недобросовестного, как способствующие прогрессу, так и создающие явно негативные тренды для общества и человека. В настоящей статье представлен один из возможных подходов к определению места ИИ в образовательной деятельности, описанный с учетом авторского понимания обширного предметного опыта Санкт-Петербургского государственного университета (далее также — СПбГУ, Университет). Задача данных рассуждений заключается не в формулировке казуистических правил, а в выражении общих принципов в связи с историей и контекстом деятельности Университета. В качестве методологической идеи представления проблематики выбрана не «кодификация», а приведение репрезентативных примеров, явно свидетельствующих о возможной позиции по вопросу ИИ. Статья посвящена преимущественно этическим вопросам, но там, где это возможно, затрагивает общие юридические вопросы (например, из области персональных данных или авторского права) и тематику технического регулирования (только в пределах необходимого минимума).

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СПБГУ

Задача определить подход к использованию ИИ в образовании всталась перед Санкт-Петербургским государственным университетом, как и перед другими высшими учебными заведениями России, в историческом смысле совсем недавно. В то же время СПбГУ, отпраздновавший свое 300-летие в 2024 г., является одной из старейших образовательных организаций высшего образования страны¹ [1], и за долгие годы своей деятельности Университетом были выработаны принципы и правила, определяющие то, чем университетское образование отличается от иных видов и ступеней образования.

Принципы и правила образовательной деятельности СПбГУ составляют часть единой традиции, которая была заложена в момент основания. В разное время они могли находить выражение в разных источниках, быть в большей или меньшей степени кодифицированы, но для них всегда были характерны единство и преемственность.

Материальные условия и научно-технический контекст деятельности Университета оказывали воздействие на особенности применения рассматриваемых принципов и правил, но не меняли такие принципы и правила по существу. За свою многолетнюю историю Университет был свидетелем появления самых разных видов медиа, изменения их социального и экономического значения — от периода распространения печатных книг до радио, телевидения, компьютеров и информационно-телекоммуникационных сетей.

Сейчас происходит всестороннее проникновение систем ИИ во все виды деятельности, включая систему образования. И то, что происходит, может быть представлено как очередной этап изменения информационной культуры. Он очень важен, и он — особенный, но при том это один из многих этапов в последовательном развитии способов создания, обработки и представления информации и знаний. Поэ-

¹ Часть 1 ст. 1 Федерального закона от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете».

тому вместе с тем, что неизбежно изменится по мере всеобщего распространения ИИ, сохранится и то, что должно будет остаться неизменным, — все, что связано с основами духовной культуры и самостоятельной человеческой личностью.

ПОНИМАНИЕ ИИ В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современной науке используются различные определения ИИ, и по поводу них ведутся дискуссии. Тем не менее для практических целей разработки общих принципов использования ИИ в области образования нам достаточно сосредоточиться на основных элементах «центрального значения» этого словосочетания.

Первый элемент — использование таких технологий, которые позволяют получать не предопределенный человеком строгим образом и заранее результат. Это отличает ИИ от «старых» компьютерных алгоритмов. Данный элемент является «абсолютным», поскольку он логически выделяет технологии ИИ из числа иных компьютерных технологий и при этом не предполагает историческую относительность.

Второй — это применение данных технологий в тех областях, которые ранее предполагали применение усилий (в том числе знаний, умений и навыков) со стороны человека, в качестве замены таким усилиям. Данный элемент, как ни странно, является «относительным». Появление как новых видов медиа в целом, так и конкретных частных изобретений подразумевало такую замену чаще, чем может показаться, в том числе в области образования.

Так, с распространением компьютеров и мобильных устройств обучающиеся стали гораздо больше печатать на клавиатуре (физической или виртуальной) и гораздо меньше писать от руки. Данный пример в том числе заставляет задуматься: почему это изменение не вызывало таких дискуссий, как сейчас вызывают технологии ИИ?

Указанное понимание ИИ соответствует и основным положениям главных документов стратегического планирования. Так, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 в ред. от 15.02.2024) [2] вводит два определения, которые имеют принципиальное значение для дальнейшего рассуждения:

- «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интел-

лектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (п. «а» ч. 5);

- «большие генеративные модели — модели искусственного интеллекта, способные интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например, об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и тому подобное) на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их» (п. «н» ч. 5).

Эти определения не является бесспорными, существуют другие точки зрения, в том числе в системе юридической науки. В частности, можно выделить и иной подход, когда под ИИ понимается как «информационная система, результаты функционирования которой являются непредсказуемыми для человека по причине способности соответствующей системы самостоятельно определять порядок решения заданных для нее задач (в том числе в силу применения технологий самообучения)» [3].

Общеизвестно, что большие генеративные модели — это та разновидность ИИ, которая вызывает больше всего вопросов в сфере образования, и именно большие генеративные модели взяты за основу в качестве основного референтного объекта для исследования.

Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов в сфере генеративного искусственного интеллекта, разработанная Альянсом в сфере искусственного интеллекта, объединившим под своим началом множество крупнейших российских компаний, дает следующее понятие сервиса на основе генеративного ИИ: «технологическое решение, обеспечивающее за счет применения технологий искусственного интеллекта возможность самостоятельного создания голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений на основании текстового или иного запроса пользователя, а также создание инструментов для разработчиков, позволяющих создать вышеупомянутые продукты» [4, с. 1].

Исходя из понятия «новые медиа», выработанного в современной науке, в частности из культурологического подхода к пониманию данного термина [5], можно сделать вывод, что ИИ — это объект «новых медиа». Однако что делает ИИ по-настоящему новым и какие конкретно когнитивные функции человека он

имитирует так, что может выдавать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их?

Полагаем, что в ответ на этот вопрос может быть высказана следующая междисциплинарная гипотеза. ИИ (большие генеративные модели) может быть рассмотрен как пример качественно новой технологии, которая претендует на то, чтобы (в широком метафорическом смысле слова) заменить память, воображение и аналитические навыки человека, причем сделать это на основе «обучения» на больших данных, которые образно можно считать объективным выражением части «коллективной памяти», на основе которой создается генеративная модель. Таким образом, генеративная модель в некотором смысле становится выражением инструмента, сходного с воображением и имеющего похожий на аналитическую обработку функционал².

Таким образом, данная гипотеза учитывает в том числе то обстоятельство, что некоторые из видов ИИ допускают постановку вопроса о такой интерпретации, согласно которой ИИ — это «новое медиа», которое также может быть интерпретировано как «новая письменность» или новый элемент письменной культуры (это еще предстоит решить в междисциплинарных исследованиях), и он в дополнение к логическому аппарату и (или) когнитивным функциям в чистом виде в некотором смысле «заменяет» память и воображение.

Разумеется, такая характеристика ИИ, хотя и наглядна, но в некоторых случаях может обоснованно показаться излишне поэтичной, поскольку в реальных сценариях ИИ обычно может восприниматься как вспомогательное техническое средство, пусть и устроенное сложнее, чем предшествующие технологии работы с информацией. Также важно отметить, что это «новое медиа» кардинально отличается от известных сейчас тем, что роль человека в нем ограничена, а в определенных случаях человек из создания контента может быть технологически исключен.

В отношении последнего критически существенными являются два обстоятельства.

Во-первых, в определенных сферах человеческой жизнедеятельности замена или ограничение роли человека в медиасреде представляется невозможной, а в некоторых — недопустимой по различным соображениям.

² «Логическое упражнение», которое лежит в основе данной гипотезы, может отчасти показаться основанным исключительно на литературных или риторических приемах, однако авторам статьи представляется, что оно не лишено и научных оснований — как минимум с учетом научного понимания памяти и воображения, а также того функционального значения, которые некоторые системы ИИ, при определенных видах использования, получают в образовательном процессе.

Во-вторых, при использовании ИИ физические и юридические лица должны иметь возможность идентифицировать используемые средства (технологии) и результаты их функционирования именно как связанные с ИИ.

Таким образом, помимо этического регулирования для ряда сфер потребуется «закрепить законодательные требования по самоидентификации устройств и решений на основе технологии искусственного интеллекта, без которой их взаимодействие с субъектами права должно быть признано незаконным. Это обеспечит для субъектов право знать, с чем они взаимодействуют, и будет способствовать принятию разумных и информированных решений, участвовать ли в отношениях с использованием роботов или искусственного интеллекта или нет» [6].

При подготовке данной статьи некоторые авторы (В.Б. Наумов, В.В. Архипов) также подчеркнули следующее: указанные ранее обстоятельства должны лечь в основу так называемого права на отказ от цифровых технологий, оно «должно стать универсальным правом человека и гражданина, развиваться совместно с формируемыми сейчас требованиями к идентификации объектов в сфере использования ИИ и служить как общей цели обеспечения антропоцентричности в цифровом мире, так и сохранению формировавшихся веками человеческих ценностей» [7]. Этот тезис может быть обоснован с разных точек зрения. В частности, представляется, что некритическое и обязательное применение цифровых технологий, исключающее такую возможность, не может быть согласовано с традиционными религиозными представлениями. Так, среди прочего, этот тезис соглашается с концепцией аксиологических пределов применения технологий ИИ, следующих из фундаментальных идей, заложенных в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [8]. Представление о том, что «технологизированный» (технически воспроизводимый, воспроизводимый без непосредственного творческого участия или восприятия человека) объект теряет свои качества, определяющие его духовное значение, в целом характерно для социально-гуманитарного дискурса XX в. В частности, такого рода трансформация объекта, по В. Беньямину, «политизирует» его [9], а Ж. Бодрийяр, воспринимаемый авторами не как «глашатай», а как «скептик» постмодерна, связывал триумф кода с формированием симуляков и смертью означаемого [10, 11]³.

³ В данном абзаце выражена отдельная позиция В.Б. Наумова и В.В. Архипова, которая может не совпадать с позициями соавторов.

Очевидно, что сфер использования генеративного ИИ уже немало и их будет становиться все больше. Часть из них — более заметны и существенны в человеческой деятельности, часть — менее, и должен иметь место дифференцированный подход к оценке этических (а затем и правовых) моментов использования ИИ. При этом нужно осознавать цели и задачи образования, в том числе высшего, когда в современных реалиях не лишен смысла вывод о том, что учиться обращению с ИИ надо всем, но в процессе данного обучения следует помнить, что выпускник Университета должен уметь все делать сам.

ОБЩИЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА: КОНТЕКСТ ИИ

Согласно п. 4 Устава СПбГУ (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.2010 № 1241) [12], Санкт-Петербургский государственный университет — это творческое сообщество профессоров, преподавателей, обучающихся, научных работников, инженерно-технических работников, деятельность которых направлена на постижение истины, утверждение гуманизма и справедливости. Творчество, истина, гуманизм и справедливость — все эти понятия «человекоразмерны» [13].

Основной вызов университетского образования заключается в том, что системы ИИ, претендующие на замену памяти и воображения, исключают из процесса появления нового уникального результата (суть творчества) самого субъекта. В свете вероятной неизбежности всестороннего распространения технологий ИИ задачей Университета является сохранение такого творческого субъекта в системе образования.

В центре университетского образования находится личность. Оперирование системами ИИ — это прежде всего технический навык. Он нужен и важен уже сейчас, однако он может быть лишь одним из многих технических навыков, которому должен в перспективе учить Университет. Важно отметить, что получение этого навыка не должно заменить освоение навыков создания произведений непосредственно человеком. Также представляется существенным, что порядок их освоения должен четко соблюдаться и использование ИИ должно изучаться позже.

Выпускник СПбГУ может быть (а в перспективе ближайшего будущего, возможно, и должен быть) специалистом по работе с генеративным ИИ с университетским образованием, но можно предположить, что такая квалификация сама по себе не подразумевает обязательного наличия именно университетского образования и тем более не делает его «устаревшим».

В СПбГУ также принят Кодекс универсанта Санкт-Петербургского государственного универси-

тета (принят Ученым советом СПбГУ, Протокол № 7 от 26.09.2016) [14], который разработан в целях обеспечения предусмотренной Уставом СПбГУ обязанности работников и обучающихся СПбГУ следовать нравственным и культурным традициям Университета, общепринятым моральным, нравственным и этическим нормам, бережно относиться к духовным ценностям.

Среди данных ценностей в том числе отмечены следующие:

- развивать и поддерживать профессиональную компетентность, повышать уровень своих знаний и качество педагогического мастерства, заботясь о развитии научного знания и основанного на нем образования как высших ценностей деятельности университетского сообщества (п. 1);
- соблюдать нормы научной этики, беспристрастно и объективно оценивать знания, умения и профессиональные достижения коллег и обучающихся, уважая свободу мысли и слова, в том числе и свободу творчества (п. 4);
- быть принципиальным в поиске истины и отстаивании собственного мнения в сочетании с уважением к мнению других, независимо от их социального и должностного положения, пола, возраста, расы, национальности, убеждений и других обстоятельств (п. 5);
- уважать право интеллектуальной собственности, быть добросовестным при получении, представлении и оценке результатов научной и иной творческой деятельности, не допускать plagiarisma, контрафакции и иных нарушений интеллектуальных прав (п. 6);
- считать несовместимым со статусом универсанта использование недобросовестных приемов и способов при прохождении текущей, промежуточной и итоговой аттестации и ее оценке (п. 7).

Представляется, что некоторые из этих ценностей могут стать основой для ограничения использования технологий ИИ в образовательной деятельности, установлены дополнительных правил и процедур, направленных на обеспечение добросовестности участников образовательного процесса, а в отдельных случаях даже предполагать исключение использования систем ИИ в образовании. Во многом это связано с уже обозначенной идеей, согласно которой в центре Университета находится личность.

Например, чтобы повышать уровень своих знаний, их нужно иметь (а не «делегировать» содержащей их памяти нейросети). Формирование знаний и профессиональных мнений — задача, которая должна реализовываться лично, хотя нейросети могут помочь на каких-то этапах. Точно так же, как и любые

принципы решения творческих (изобретательских) задач и сопутствующие им приемы и способы. Кодекс университета СПбГУ предписывает быть принципиальным в поиске истины и отстаивании собственного мнения в сочетании с уважением к мнению других. Но чтобы отстаивать собственное мнение, его необходимо иметь, а до того — выработать, а не генерировать в готовом виде с помощью нейросети. Хотя это не исключает опосредованного использования генеративных моделей — например, для поиска вдохновения или формулировки гипотез.

В то же время необходимо подчеркнуть, что подход, рассматриваемый в настоящей работе, не означает, что высшие учебные заведения должны учить студентов делать без ИИ буквально все то, что они могут делать с ИИ, в том же смысле, в котором еще до распространения систем ИИ студентов не обязывали использовать, например, бумажные книги вместо электронных или отказываться от инструментов поиска в интернете. Что принципиально — вследствие использования ИИ результаты обучения студентов не должны быть хуже, чем без него, и, главное, это не должно привести к потере или деградации навыков, которые развиваются в человеке без ИИ.

Особо следует отметить, что Кодекс университета СПбГУ устанавливает, что проходить промежуточную аттестацию необходимо без применения запрещенных приемов и способов, предполагающих использование различных технических средств, к которым теперь относятся и большие генеративные модели. Данный запрет, на первый взгляд, не вызывает вопросов, однако применительно к ИИ следует более подробно уделить ему внимание, поскольку применение рассматриваемого положения может зависеть от направления, специальности, формы аттестации и способа использования нейросети. По этой причине данный вопрос будет рассмотрен отдельно далее в настоящей статье.

В дополнение к собственным этическим правилам СПбГУ присоединился к Кодексу этики в сфере ИИ Альянса в сфере ИИ (далее — Кодекс этики ИИ) [15]. Кодекс этики ИИ содержит отдельные этические принципы, которые могут найти достаточно однозначные, прямые и естественные интерпретации в контексте образовательной деятельности и с учетом основных положений, изложенных в настоящем документе ранее. В частности, речь идет о следующих принципах.

Согласно п. 1.1 Кодекса этики ИИ, разрабатываемые технологии ИИ «должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и наи-

высшего расцвета личности, учитывать ключевые ценности, такие как: сохранение и развитие когнитивных способностей человека и его творческого потенциала; сохранение нравственных, духовных и культурных ценностей...» Пункт 1.2 Кодекса этики ИИ предписывает способствовать «сохранению автономии и свободы воли человека в принятии им решений, права выбора и в целом сохранению интеллектуальных способностей человека как самостоятельной ценности и системообразующего фактора современной цивилизации». Запрещается при этом допускать разработку систем ИИ, которые целенаправленно вызывают негативные последствия для развития когнитивных способностей человека.

Ни одна из этих целей не может быть достигнута в том случае, если Университет будет потворствовать недискриминационному использованию систем ИИ для выполнения учебных заданий. В то же время это не означает, что Университет должен препятствовать открытому, прозрачному и соответствующему целям и задачам университетского образования освоению навыков работы с большими генеративными моделями, подобно тому, как освоение любых «новых медиа» являлось частью университетского образования на протяжении веков. И Кодекс этики ИИ в п. 5.2 подчеркивает необходимость «следовать принятым в профессиональном сообществе практикам, поддерживать должный уровень профессиональной компетенции, необходимый для безопасной и эффективной работы с системами ИИ, содействовать повышению профессиональной компетенции работников в области ИИ, в том числе в рамках программ и образовательных дисциплин по этике ИИ».

Важно для настоящего исследования и то, что гораздо более ранний документ — «Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте», связанный с регулированием роботов, предлагал расширенный принцип безопасности при использовании новых технологий робототехники и ИИ, указывая в том числе на возможное причинение вреда человечеству: «Создание, внедрение и использование роботов должно осуществляться при условии максимального обеспечения безопасности человека, общества и государства, а также непричинения вреда человеку, человечеству, живым существам и всей их среде обитания» [16, с. 131]. Из указанных положений можно сделать вывод, что при повсеместном использовании генеративного ИИ, в частности при обучении по программам высшего образования, нацеленном на самостоятельное освоение новых навыков студентами, может произойти замещение естественных творческих способностей, что изменит человечество и нанесет ему вред. И по этой причине в том числе нельзя упу-

скать из внимания этические стандарты применения технологий ИИ в образовании.

Таким образом, использование ИИ в образовательной деятельности должно подчиняться как общим, выработанным за долгое время практики этическим стандартам университетской жизни, так и специальным этическим принципам из области ИИ. И с точки зрения одних, и с точки зрения других в центре университетского образования находится человек, способный достичь профессиональных результатов самостоятельно, имеющий собственные знания и мнение. Тем не менее часть таких знаний может и должна включать в себя сами навыки взаимодействия с ИИ, и с этой точки зрения особое значение имеет вопрос о том, что же в университетской деятельности должно считаться в нынешних условиях «самостоятельным» и «добропорядочным».

В завершение следует признать, что рассмотренные подходы к общим этическим правилам являются неполными и требующими привлечения к анализу проблематики специалистов из областей науки, непосредственно занимающихся исследованием психологии и мышления человека и иных специалистов, которые могли бы помочь ответить на вопрос, как повлияют на способности человека и возможности человеческого существа и человеческую цивилизацию в целом происходящие сейчас процессы практического массового фактического внедрения генеративного ИИ, в том числе для его использования детьми.

КРИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭТИКИ ИИ В ОБРАЗОВАНИИ: «САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» И «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ»

Все общие принципы и подходы, представленные ранее, необходимо оценить исходя из типовых сценариев прохождения различных испытаний в учебном процессе. Все перечисленные сценарии примерны и приводятся «при прочих равных условиях», поскольку применение любых правил очень сильно зависит от конкретных существенных обстоятельств.

Согласно п. 4.2.9 Правил обучения по основным образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и среднего профессионального образования в СПбГУ (Приложение к Приказу от 29.01.2016 № 470/1) [17] (далее — «Правила обучения»), «зачетные и экзаменационные задания выполняются студентом самостоятельно. Использование технических устройств, заранее подготовленных материалов, а также консультирование с другими студентами во время проведения зачета (экзамена) являются основанием для удаления студента с зачета (экзамена) с выступлением оценки «не засчитено»

(«неудовлетворительно»)». Схожие правила установлены для государственных экзаменов в п. 9.6.7.

Зачеты и экзамены, проводимые в классической форме исходя из целей и задач образования в конкретном случае, представляют собой простейший случай для текущего обсуждения. Любое использование систем ИИ не допускается.

Далее будут приведены обобщенные сценарии использования студентами ИИ при прохождении каких-либо академических испытаний. По каждому из сценариев нами делается вывод о допустимости/недопустимости применения ИИ в подобных ситуациях. Примеры будут приводиться на основе прохождения испытания в классической форме: студент получает задание и должен дать на него ответ на основе своих знаний — либо очно, либо онлайн с прокторингом. При этом важно, что сдаваемый предмет и поставленный вопрос не связаны с навыками работы с генеративным ИИ.

СЦЕНАРИЙ 1. «НЕЙРОСЕТЬ ВМЕСТО ШПАРГАЛКИ»

Студент использует мобильное устройство с доступом к генеративной модели и формулирует ответ. Такое поведение означает, что испытание проходится несамостоятельно и недобросовестно. По существу, в этом сценарии мало что нового, и он больше всего похож на «надиктовку» ответа. От классической шпаргалки, подготовленной самостоятельно, это отличается в худшую сторону тем, что даже способ обхода правил студентом не создается самостоятельно.

СЦЕНАРИЙ 2. «ЗВОНOK ДРУГУ С НЕЙРОСЕТЬЮ»

Студент использует микрофон либо иным образом дистанционно связывается с коллегой, имеющим доступ к генеративной модели, и формулирует ответ. Такое поведение означает, что испытание проходится несамостоятельно и недобросовестно. По существу, это классический сценарий «надиктовки» ответа. В нем нет каких-либо отличий от обычного варианта.

СЦЕНАРИЙ 3. «НЕПРОВЕРЕННЫЕ ШПАРГАЛКИ»

Студент использует самостоятельно подготовленные шпаргалки, причем ответы на вопросы сгенерированы с помощью большой генеративной модели по промптам студента, которые он не перепроверял на достоверность. Хотя сценарий, при котором готовится шпаргалка, предполагает определенную самостоятельность подготовки к экзамену и в академической среде он неформально оценивается как менее строгое

«моральное преступление» («студент все же что-то делал самостоятельно»), практическая разница здесь заметна — это недобросовестная практика, при этом, в целом, не особенно включающая элемент самостоятельности подготовки.

СЦЕНАРИЙ 4. «ПРОВЕРЕННЫЕ ШПАРГАЛКИ»

Студент использует самостоятельно подготовленные шпаргалки, причем ответы на вопросы сгенерированы с помощью большой генеративной модели по промпту студента. В этот раз студент постарался и дополнительно проверил их на достоверность. Возможно, его навыки привели к тому, что ответы получились вполне достойными. Хотя данный сценарий предполагает определенную самостоятельность подготовки к экзамену и в академической среде он неформально оценивается как гораздо менее строгое «моральное преступление» (мало того, что «студент все же что-то делал», так и шпаргалки верные), практическая разница все же снова невелика — это все равно несамостоятельная и недобросовестная практика. Другое дело, что в этом случае она не отличается от классического сценария самостоятельной подготовки шпаргалок и считается, что для процесса индивидуального обучения и, например, последующей пересдачи на «отлично» этот процесс категорически не является рекомендуемым, но при определенном стечении обстоятельств может быть в какой-то степени полезен.

Представляется, что форма проведения зачета или экзамена никак не влияет на рассматриваемое правило. Об этом следующий пример.

СЦЕНАРИЙ 5. «ДОМАШНЯЯ РАБОТА НЕЙРОСЕТИ»

Зачет или экзамен сдаются в каком-либо «асинхронном» варианте. Например, студент выполняет работу по заданию преподавателя за определенное время до экзамена, и такая форма предусмотрена рабочей программой. Или же аттестация считается пройденной, если студент выполняет определенное количество более простых письменных работ в течение семестра. Если во всех таких случаях студент использует один или несколько способов, описанных в предыдущих сценариях, по-отдельности, в комбинации или с незначительными вариациями, это будет по-прежнему несамостоятельным и недобросовестным. Особенность этой ситуации заключается только в том, что на ее примере становится очевидно, что такого рода форма и задания возможны в тех случаях, когда есть разумные основания доверять тому, что студенты не будут злоупотреблять использованием различных технических средств (например, речь идет о таких фор-

мах обучения и коллективах, для которых характерны высокая мотивация и стремление студентов получить подробную обратную связь в отношении своих работ, что редко возможно на массовых курсах), или же в случае, если использование нейросетей является частью задания.

Приведенный выше сценарий может свидетельствовать о том, что дистанционную и асинхронную форму проверки знаний целесообразно сразу ориентировать на то, чтобы студенты могли попрактиковаться и в навыках работы с генеративным ИИ (в свою очередь, это означает, что преподаватели также должны совершенствоваться в таких навыках, чтобы правильно ставить задачи).

В качестве дополнительного рассуждения следует отметить, что актуальные версии поисковых систем общего назначения (Google, «Яндекс») или специализированные (поиск публикаций по семантическому сходству в eLibrary и других электронных библиотеках) используют большие языковые модели. Еще один пример — Perplexity.ai и «Яндекс Нейро», которые, по сути, остаются поисковыми сервисами, но в сочетании с большими языковыми моделями меняют формат выдачи, хотя минимально или вообще не искают исходные тексты, подходящие под критерии поиска. Задание сформировать запрос к таким новым поисковым системам, ознакомиться с результатами, изучить ресурсы, на основе которых выдан ответ, может быть рассмотрено в качестве самостоятельной работы. В данном случае недобросовестность связана с фактом использования шпаргалок, а не со способами поиска информации для их подготовки.

В свою очередь, классические экзамены и зачеты, которые, вероятно, всегда будут оставаться в учебных планах по фундаментальным дисциплинам, должны проводиться в такой форме, при которой использование технических средств, в том числе генеративных нейросетей, будет невозможно или максимально затруднено. В теории это в том числе может быть аргументом в пользу устных экзаменов. В то же время, разумеется, вопрос об устных экзаменах — не самый простой с точки зрения организационных возможностей для их проведения, особенно в организациях с большим количеством обучающихся. Возможно, решение проблемы может быть найдено в направлении применения самого ИИ в ходе приема экзаменов, в том числе в «синхронном» виде, при наличии процедур и правил, гарантирующих непосредственное участие человека в случае возникновения спорных ситуаций.

Если изменить любой сценарий и добавить условие о том, что навыки работы с генеративным ИИ в соответствующей области и в соответствующем

объеме являются обязательной частью задания, ситуация будет выглядеть совсем иначе (см. сценарий 6).

СЦЕНАРИЙ 6. «ШКОЛА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С ИИ»

Предмет и задание связаны с навыками работы с генеративным ИИ (это важно). Студент использует мобильное устройство с доступом к выбору различных генеративных моделей и формулирует ответ. Было бы нерационально, если бы процесс прохождения данного испытания выглядел иначе — использование ИИ в таком случае является не только правильным, но и необходимым условием. Хотя, возможно, здесь должны подниматься вопросы о том, какая конкретно генеративная модель используется и на каком основании. В любом случае, даже при несоответствии, использование студентом какого-то варианта своей генеративной модели (или доступа к альтернативной генеративной модели), отличающейся от предложенных для целей заданий, будет уже формальным нарушением другого, менее высокого уровня, а не таким нарушением, которое связано с посягательством на идеалы университетского образования. Также на этом примере видно, что использование навыков работы с генеративным ИИ в ограниченных по времени испытаниях проверяет несколько иные навыки, чем в относительно свободных по времени асинхронных мероприятиях.

Сложнее обстоят дела с курсовыми работами. Согласно п. 6.1 Правил обучения, «курсовая работа представляет собой самостоятельное научное исследование, выполняемое студентом в процессе освоения основной образовательной программы в соответствии с утвержденной темой под руководством сотрудника СПбГУ из числа профессорско-преподавательского состава».

Действительно, курсовые работы в наибольшей степени похожи на ситуацию с использованием нейросетей при сдаче экзаменов или зачетов в асинхронной форме (см. сценарий 7).

СЦЕНАРИЙ 7. «ИИ, КОТОРЫЙ НАПИСАЛ КУРСОВУЮ»

При подготовке курсовой работы студент использовал нейросеть для написания ее текста и (или) для проведения исследовательской/аналитической работы, которая по своему смыслу должна быть выполнена самостоятельно⁴. По сути, это мало отличается

⁴ Например, он должен самостоятельно ознакомиться с содержанием источников, самостоятельно продумать обоснование определенных тезисов и тому подобное — все, что со-

ется от использования нейросетей при сдаче экзаменов, а фундаментально — незначительно отличается в принципе от любых иных случаев, при которых работа в целом выполняется несамостоятельно (например, когда студенту пишет курсовую работу его коллега, или когда курсовая выполняется «на заказ»). Данную ситуацию нельзя оценить иначе как пример несамостоятельной и недобросовестной практики. Как и ранее, особенность этой ситуации заключается в том, что крайне сложно обеспечить контроль за надлежащим выполнением задания (что может означать перспективы изменения подхода к аттестации, но не изменение подхода к оценке самостоятельности и добросовестности).

В то же время следует отметить, что подготовка курсовой работы сама по себе представляет собой сложную, многоаспектную и многоплановую интеллектуально-творческую деятельность (разумеется, при условии, что она выполняется самостоятельно и добросовестно). Рассмотрим еще несколько неодинаковых по своему содержанию сценариев.

СЦЕНАРИЙ 8. «КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ»

При подготовке курсовой работы студент не использовал нейросеть для написания ее текста. Однако студент не читал один или несколько источников, содержание которых воспроизводит у себя в работе⁵. Вместо этого он использовал нейросеть для краткого изложения содержания. Данную ситуацию нельзя оценить иначе как пример несамостоятельной и недобросовестной практики (в данном случае предлагается ориентироваться на те ситуации, в которых прямое знакомство с основным источником необходимо не только для его технического отражения в тексте, но и для того, чтобы автор работы оценил его форму и содержание в рамках той составляющей процесса подготовки работы, которая связана с развитием его непосредственных навыков). Как и ранее, особенность этой ситуации заключается в том, что крайне сложно обеспечить контроль за надлежащим выполнением задания, что может означать перспективы изменения подхода к аттестации, но не изменение подхода к оценке самостоятельности и добросовестности.

В продолжение этого направления необходимо рассмотреть и альтернативные сценарии, при которых

ставляет суть познавательной деятельности в смысле идеалов, описанных в первых частях настоящего документа.

⁵ Во избежание дополнительных дискуссий подчеркнем, что речь идет не о ситуации, когда автор приводит второстепенную цитату из второстепенного источника, который не читал полностью, а о сценарии, когда студент в принципе не читал основной источник, который подробно разбирает в работе.

студенты не используют нейросеть для написания ее текста и (или) для проведения исследовательской/аналитической работы, которая по своему смыслу должна быть выполнена самостоятельно наподобие получения краткого содержания основных источников.

СЦЕНАРИЙ 9. «ГЕНЕРИРОВАНИЕ ИДЕЙ»

Студент использовал нейросеть для того, чтобы она предложила ему несколько вариантов ключевых тезисов. Каждый из них он впоследствии обдумал, переформулировал и улучшил, часть — отбросил. Таким образом, нейросеть была использована как источник первоначальных идей (гипотез), которые впоследствии были обработаны, осмыслены и обоснованы автором. При таком подходе работу можно считать самостоятельной и добросовестной с точки зрения академической этики, однако возникают сложности более серьезного характера — раньше такую функцию воображения играли иные инструменты либо человек натурально генерировал идеи, сейчас это могут делать нейросети. В то же время это этический вопрос для всего человечества, а не только для СПбГУ.

СЦЕНАРИЙ 10. «ЧУЖИЕ МЫСЛИ»

Как и в предыдущем сценарии, студент использовал нейросеть для того, чтобы она предложила ему несколько вариантов ключевых тезисов. Все эти тезисы студент взял и представил в необработанном по смыслу и непроверенном виде, выдав за сделанные непосредственно им. При таком подходе работу нельзя считать самостоятельной и добросовестной с точки зрения академической этики, а фундаментальные вопросы не возникают вовсе.

СЦЕНАРИЙ 11. «ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД С ДРУГОГО ЯЗЫКА»

Студент провел адекватную работу с первоначальными гипотезами, полученными с помощью нейросети, использовал ряд источников на иностранных языках, с которыми ознакомился с использованием перевода с иностранного языка на русский с помощью нейросети, и даже включил несколько цитат в переводе на русский. Факт использования нейросети им указан не был, но пользовательское соглашение сервиса нейросети позволяло использовать результаты без указания. Специальность студента не является филологической, в ходе проверки курсовой не проверяются знания иностранного языка. При прочих равных условиях работа выполнена самостоятельно и добросовестно.

СЦЕНАРИЙ 12. «НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД С ДРУГОГО ЯЗЫКА»

Как и в предыдущем сценарии, студент провел адекватную работу с первоначальными гипотезами, полученными с помощью нейросети, использовал ряд источников на иностранных языках, с которыми ознакомился с использованием перевода с иностранного языка на русский с помощью нейросети, и даже включил несколько цитат в переводе на русский. Факт использования нейросети он указал, хотя пользовательское соглашение сервиса нейросети позволяло использовать результаты без указания. Специальность студента — филологическая, а в ходе проверки курсовой проверяются знания иностранного языка. При прочих равных условиях работа выполнена, как минимум в соответствующей части, несамостоятельно и недобросовестно. Студент при таких условиях должен демонстрировать свои собственные навыки.

Этот ряд можно продолжить, но заметен простой принцип: ИИ можно использовать как инструмент тогда, когда он не заменяет тот навык, который должен быть продемонстрирован самим обучающимся. Например, если студент с направления, относящегося к точным наукам, использует нейросеть для перевода с одного языка на другой — это допустимо, если он использует нейросеть для тех расчетов, которые должен по смыслу задания сделать самостоятельно, — то нет.

На первый взгляд, с выпускными квалификационными работами (далее — ВКР) ситуация еще сложнее. Согласно п. 9.2.8 Правил обучения, «ВКР представляет собой выполненную студентом (несколькими студентами совместно) работу, демонстрирующую уровень подготовленности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности». При этом ВКР может быть выполнена и в форме стартапа (п. 9.2.9), что значительно расширяет контекст данной формы проверки.

В то же время представляется, что все соображения, высказанные ранее применительно к курсовым работам, подлежат применению и в отношении ВКР с учетом следующих изменений. ВКР, как отмечено ранее, должна показывать «уровень подготовленности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности». Это подразумевает как наличие знаний, умений и навыков, которые выпускник должен уметь продемонстрировать и без использования нейросети, так и обязательное соблюдение этических и юридических принципов использования нейросетей.

В связи с этим представляется, что для ВКР особенно остро встает вопрос о требованиях прозрачности и протоколирования того объема, в котором были использованы результаты функционирования нейро-

сетей. Если в случае с курсовыми работами прозрачность в данном вопросе — это вопрос прежде всего академической честности, то в случае с ВКР данное обстоятельство составляет часть особенных, сквозных компетенций новых условий цифрового мира. Во многих случаях использование ИИ может рассматриваться как использование иных методов исследования, но факт использования таких методов должен быть надлежащим образом декларирован.

СЦЕНАРИЙ 13. «ВКР БЕЗ ПРОТОКОЛА»

Выпускник написал ВКР и успешно ее защитил. Впоследствии выяснилось, что его ВКР (часть ВКР) представляет собой сочетание исключительно искусно соединенных результатов функционирования различных нейросетей. Специальность студента не связана с навыками использования нейросетей. В какой-то части ВКР включает в себя цитаты в переводе, сделанном нейросетью, без указания этого обстоятельства и без редакционной обработки автором ВКР. В какой-то части — расчеты, сделанные нейросетью, которые проверялись автором с помощью другой нейросети. В нескольких частях работы использованы аналогичные результаты. Они выполнены на высоком уровне за счет высоких навыков работы с генеративным ИИ, дробления задач на мелкие части, особой организации процесса. Никакой декларации об использовании нейросетей нет. В выдачах результатов деятельности нейросети есть материалы, нарушающие законодательство о персональных данных и об интеллектуальной собственности. С объективной точки зрения, это недобросовестная и несамостоятельная работа. Ее высокая результативность свидетельствует о том, что ее «автор» имеет высочайшие навыки работы с генеративным ИИ, но не о знаниях в области своей специальности. Работу можно считать «блестящей аферой», но не доказательством подготовленности к самостоятельной профессиональной деятельности. Как и в других похожих случаях, история стара как мир, просто использован ИИ.

Ранее подчеркивалась важность критерия, согласно которому использование нейросети может соответствовать или не соответствовать специальности. В том случае, если речь идет о проверке готовности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности, вопрос должен рассматриваться особым образом.

СЦЕНАРИЙ 14. «НЕПРОВЕРЕННЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ДРУГОЙ ОБЛАСТИ»

Выпускник написал ВКР и успешно ее защитил. Впоследствии выяснилось, что его ВКР в пределах своей

специальности выполнена, по существу, ответственно, добросовестно и на очень высоком уровне. Например, это была ВКР по психологии. В то же время ВКР включала в себя раздел, связанный с описанием юридических основ деятельности профессиональных психологов в области, соответствующей основному предмету ВКР. Этот раздел был подготовлен с помощью нейросети, литературно обработан, но не проверен содержательно. Он содержит ошибки. Автор не претендует на получение юридической специальности, но ВКР направлена на проверку подготовленности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности. Этика (а в некоторых случаях и законодательство) предполагает, что автор не должен давать безответственных консультаций из той области специальности, в которой он не претендует на какие-либо знания. В данном случае следует считать, что подход автора был ошибочным, а безответственные обобщения юридических комментариев от нейросети говорят не в пользу подготовленности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности как таковой.

Принципы использования нейросетей самими преподавателями подчинены тем же общим соображениям: нейросеть может применяться как помощник в образовательной деятельности (для формулировки заданий, их проверки и т.д.) при условии, что преподаватель делает это добросовестно и ответственно.

СЦЕНАРИЙ 15. «ПОМОЩЬ ИИ В ЗАДАНИЯХ. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР»

Преподаватель разрабатывал задания для студентов. Первоначальные редакции заданий были сформулированы с использованием нейросети. В формулировках заданий отсутствовали ошибки, что преподаватель смог подтвердить, проверив их. Главное, что преподаватель проверил задания не только на предмет формального отсутствия ошибок, но и на предмет того, как они будут восприниматься студентами, насколько эти задания соответствуют смыслу и ценностям дисциплины, как эффективно их можно будет пояснить тем студентам, которым это потребуется. В таком случае вполне допустимо считать, что преподаватель делегировал ИИ «рутинную творческую работу», и в данном случае это этично.

СЦЕНАРИЙ 16. «ПОМОЩЬ ИИ В ЗАДАНИЯХ. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР»

Преподаватель использовал нейросеть для проверки работ студентов и формулировки обратной связи. Проверил результаты поверхностно. Оказалось, что

ряд комментариев был недостаточно точным, ряд содержал ошибки и «галлюцинации» [18] в результатах деятельности нейросети. Качество проверки оказалось недопустимым. Разумеется, это нельзя считать добросовестным и ответственным исполнением своих обязанностей.

В целом, представляется, что как студенты, так и преподаватели несут ответственность за содержание текста, полученного с помощью ИИ, и должны обеспечивать его проверку как минимум на соответствие действительности (в том смысле, в котором это применимо к их области знаний), требованиям законодательства и правилам языка, на котором сформулированы результаты такого текста. Предполагаем, что в работе необходимо учитывать, каким образом использовался ИИ при ее написании.

На основе идей, изложенных в настоящей статье, СПбГУ в настоящий момент проводит разработку и внедрение в образовательную систему публичного декларативного документа — «Меморандума об использовании искусственного интеллекта в образовательном процессе», который может быть применен при работе над проектом предметного программного документа для всей системы российского высшего образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» // «Собрание законодательства РФ». 2009. № 46. Ст. 5418.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 с изменениями от 15 февраля 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> — ст. 0001201910110003.
3. Архипов В.В., Брагинец А.Ю., Грачева А.В., Наумов В.Б. На пути к юридическому определению искусственного интеллекта // Информационное право. 2021. № 4. С. 24.
4. Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов в сфере генеративного искусственного интеллекта. — URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2024/03/13/GenAi_Declaration_Ai_Alliance_Russia_FpNJ2Lc_82yB8pD.pdf (дата обращения: 17.01.2025).
5. Manovich L. The Language of New Media. Massachusetts: MIT Press, 2001. 307 p.
6. Наумов В.Б. Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 66/
7. Наумов В.Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 36.
8. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 294–306.
9. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240 с.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2016. 240 с.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 5-е изд. М.: Добросвет, 2000. 392 с.
12. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2010 г. № 1241 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Санкт-Петербургский государственный университет"» // «Собрание законодательства РФ». 2011. № 4. Ст. 605.
13. Баранов В.А. Человекоразмерность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8).
14. Кодекс универсанта Санкт-Петербургского государственного университета. — URL: <https://spbu.ru/sites/default/files/kodeks-universanta.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).
15. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. — URL: <http://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 08.01.2025).
16. Наумов В.Б., Незнамов А.В. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте: подходы к идентификации и вопросам безопасности // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. научных трудов / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М.: Канон Плюс, РООИ «Реабилитация», 2018. 264 с. ISBN 978-5-88373-515-7. EDN YANLN.R.
17. Правила обучения по основным образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и среднего профессионального образования в Санкт-Петербургском государственном университете. — URL: https://spbu.ru/sites/default/files/2024-08/rules_study.pdf (дата обращения: 08.01.2025).
18. Галлюцинации нейросетей: какие ошибки допускает ИИ и почему так происходит. — URL: <https://1ps.ru/blog/ai/2024/gallyuczinaczi-nejrosetej-kakie-oshibki-dopuskaet-ii-i-pochemu-tak-proisxodit/> (дата обращения: 12.06.2024).

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon ot 10 nojabrja 2009 g. No 259-FZ "O Moskovskom gosudarstvennom universitete imeni M.V. Lomonosova i Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete" // "Sobranie zakonodatel'stva RF". 2009. No 46. St. 5418.
2. O razvitiu iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii: Uzak Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. No 490 s izmeneniyami ot 15 fevralya 2024 g. // Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> St. 0001201910110003.
3. Arkhipov V.V., Braginets A.Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B. Na puti k yuridicheskemu opredeleniyu iskusstvennogo intellekta // Informatzionnoe pravo. No 4. 2021. S. 24.
4. Deklaratsiya ob otvetstvennoy razrabotke i ispol'zovanyy servisov v sferye generativnogo iskusstvennogo intellekta. — URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2024/03/13/GenAi_Declaration_Ai_Alliance_Russia_FpNJ2Lc_82yb8pD.pdf (data obrashcheniya: 17.01.2025).
5. Manovich L. The Language of New Media. Massachusetts: MIT Press, 2001. 307 p.
6. Naumov V.B. Teoreticheskie informatzionno-pravovye voprosy identifikatsii v tsifrovoy sfere // Informatzionnoe pravo. 2020. No 4 (66). S. 7.
7. Naumov V.B. Pravo na otkaz ot tsifrovyykh tekhnologiy v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. No 10 (122). S. 36.
8. Kropachev N.M., Arhipov V.V. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste cifrovoj transformacii obshhestva: teoretyko-pravovye aspekty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2023. T. 14. Vyp. 2. S. 294–306.
9. Ben'jamin V. Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnicheskoy vosproizvodimosti. M.: Medium, 1996. 240 s.
10. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljaci / per. s fr. A. Kachalova. M.: POSTUM, 2016. 240 s.
11. Bodrijar Zh. Simvolicheskij obmen i smert'. 5-e izd. M.: Dobrosvet, 2000. 392 s.
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 dekabrja 2010 g. No 1241 "Ob utverzhdenii ustava federal'nogo gosudarstvennogo bjudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovaniya "Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet" // "Sobranie zakonodatel'stva RF". 2011. No 4. St. 605.
13. Baranov V.A. Chelovekorazmernost kak regulatyivnaya osnova bytiya // Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel. 2016. No3 (8).
14. Kodeks universantov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — URL: <https://spbu.ru/> sites/default/files/kodeks-universanta.pdf (data obrashcheniya: 08.01.2025).
15. Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta. — URL: <http://a-ai.ru/code-of-ethics/> (data obrashcheniya: 08.01.2025).
16. Naumov V.B., Neznamov A.V. Model'naja konvencija o robototehnike i iskusstvennom intellekte: podhody k identifikacii i voprosam bezopasnosti // Dinamika institutov informatsionnoy bezopasnosti. Pravovye problemy: Sb. nauchnykh trudov / otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talabina. M.: Kanon Plyus, ROOI "Reabilitatsiya", 2018. 264 p. ISBN 978-5-88373-515-7. EDN YANLN.R.
17. Pravila obucheniya po osnovnym obrazovatelnym programmam bakalaviata, spetsialiteta, magistratury i srednego professionalnogo obrazovaniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. — URL: https://spbu.ru/sites/default/files/2024-08/rules_study.pdf (data obrashcheniya: 08.01.2025).
18. Gallyutsinatsii neirosetei: kakie oshibki dolskaet li i pochemu tak proiskhodit. — URL: <https://1ps.ru/blog/ai/2024/gallyucinacii-neirosetej-kakie-oshibki-dopuskaet-li-i-pochemu-tak-proixodit/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОСТРОЕНИИ

STUDY OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHT PROBLEMS IN PRACTICAL APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SHIPBUILDING

Владислав Валерьевич СОМОНОВ

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия;
Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия,
vlad@ltc.ru,
ORCID: 0000-0002-5289-8233

Людмила Дмитриевна ЕГОРОВА

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия,
Lyudmila.churzina@yandex.ru,
ORCID 0009-0000-1687-7788,
SPIN-код: 6346-0059

Александр Сергеевич ТАРАСОВ

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия,
tara_s1@rambler.ru,
ORCID 0000-0001-9324-9435,
SPIN-код: 4898-4126

Информация об авторах

В.В. Сомонов — ведущий инженер, магистрант
Л.Д. Егорова — старший преподаватель кафедры международного морского права
А.С. Тарасов — заведующий кафедрой международного морского права, кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В свете активного развития технологий искусственного интеллекта и их интеграции в различные отрасли промышленности, в том числе и в судостроение, возникает необходимость в правовом регулировании вопросов охраны разработок, созданных с его помощью. Целью данного исследования является анализ ключевых проблем обеспечения режима правовой охраны

- ны технических решений, создаваемых при практическом применении искусственного интеллекта в судостроении.
- В ходе работы изучены нормативные правовые акты, касающиеся регулирования использования искусственного интеллекта, описаны примеры его практического использования в судостроении и судоходстве в нашей стране,
- разработаны рекомендации по решению возникающих проблем при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности в области судостроения.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, результат интеллектуальной деятельности, правовая охрана, техническое решение, патент, судостроение

- **Для цитирования:** Сомонов В.В., Егорова Л.Д., Тарасов А.С. Исследование проблем права интеллектуальной собственности при практическом применении искусственного интеллекта в судостроении // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 136–143; DOI: 10.17323/tis.2025.25496

•

Vladislav V. SOMONOV

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia; National Research University ITMO, St. Petersburg, Russia,
vlad@ltc.ru,
ORCID: 0000-0002-5289-8233

Lyudmila D. EGOROVA

St. Petersburg State Marine Technical University,
• St. Petersburg, Russia,
Lyudmila.churzina@yandex.ru,
ORCID 0009-0000-1687-7788,
SPIN-code: 6346-0059

Alexandr S. TARASOV

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia,
tara_s1@rambler.ru,
ORCID 0000-0001-9324-9435,
SPIN-code: 4898-4126

Information about the authors

V.V. Somonov — leading engineer, graduate student
L.D. Egorova — senior lecturer of the Department of international maritime law
A.S. Tarasov — head of the Department of international maritime law, Candidate of History Sciences, Associate Professor

Abstract. In light of the active development of artificial intelligence technologies and their integration into various industries, including shipbuilding, there is a need for legal regulation of the issues of protection of developments created with its help. The purpose of this research is to analyse the key problems of legal protection of technical solutions created by practical application of artificial intelligence in shipbuilding. In the course of the work the normative legal acts concerning the regulation of the use of artificial intelligence are studied, examples of its practical use in shipbuilding and shipping in our country are described, recommendations on the solution of arising problems in the legal protection of the results of intellectual activity in the field of shipbuilding are developed.

Keywords: artificial intelligence, result of intellectual activity, legal protection, technical solution, patent, shipbuilding

For citation: Somonov V.V., Egorova L.D., Tarasov A.S. Study of Intellectual Property Right Problems in Practical Application of Artificial Intelligence in Shipbuilding // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 136–143; DOI: 10.17323/tis.2025.25496

-
-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское судостроение переживает значительные изменения, которые способствуют формированию нового, более конкурентоспособного облика. Это происходит благодаря цифровизации, развитию научно-технического потенциала, оптимизации и модернизации производственных мощностей [10]. В процессе стремительного перехода от классического машинного производства к цифровому происходит активное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различных отраслях промышленности, в частности в судостроении [11].

Совершенствование ИИ способствует расширению возможностей автоматизации и роботизации в судостроении. Развитие ИИ в этой отрасли приводит к созданию роботизированных систем, осуществляющих управление отдельными этапами и производством в целом, что позволяет перейти на новый уровень роботизации в отрасли, осуществив переход от ручного управления оборудованием к машинному управлению.

Применение ИИ в судостроении не только улучшает эффективность производственных процессов, но и открывает новые горизонты для инноваций. Это подтверждается его использованием в проектах по созданию «цифровой верфи» на Онежском судостроительно-судоремонтном заводе и Средне-Невском судостроительном заводе [1, 12, 19]. За счет внедрения ИИ происходят обновление производственной структуры, уменьшение количества дефектов, улучшение качества изделий, формируется система мониторинга и управления используемыми материалами, а также создается интегрированная информационная система для цифрового производства [12, 19].

Применение ИИ также ускоряет работу по проектированию и строительству судов, выполняемую в рамках проектов, имеющих длительные сроки, за счет эффективного управления проектами, что приводит к достижению положительных результатов.

В ходе своей работы ИИ генерирует большие объемы данных, среди которых могут содержаться дополнительные патентоспособные решения, не относящиеся напрямую к поставленной задаче и схожие с теми, которые мог создать инженер. Это приводит к воз-

никновению споров и дискуссий о своевременном обеспечении для них правовой охраны, патентовании, дальнейшей защите от незаконного использования конкурентами, о получении прибыли от распоряжения исключительными правами, правосубъектности самих модулей ИИ в данной ситуации [13]. Для объективного разрешения споров стоит принимать во внимание специфику применения ИИ в судостроении, что позволит классифицировать создаваемые их этих данных технические решения как патентоспособные объекты и корректно определять их разработчика и его вклад в создание объекта интеллектуальной собственности.

Все перечисленное выше свидетельствует о необходимости проведения дополнительного исследования, посвященного анализу проблем правовой защиты технических решений, создаваемых искусственным интеллектом в области судостроения, с учетом особенностей его применения в различных сферах, касающихся судостроения.

Цель исследования — выявление основных направлений применения ИИ в судостроении, где могут возникать патентоспособные решения при его использовании, анализ основных трудностей в обеспечении режима правовой охраны для них, выработка рекомендаций для преодоления барьеров при охране и патентовании решений, генерируемых ИИ в области судостроения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использованы системный подход, методы изучения и обобщения, анализа и синтеза данных. Были проанализированы различные информационные источники, среди которых: Гражданский кодекс РФ (ГК РФ); паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект», в рамках которого планируется внедрение искусственного интеллекта для беспилотных судов и создания систем «Умный порт» [2]; Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [3]; Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [4]; Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта [5]; проекты стандартов, научные статьи, новостные ленты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сайты газет.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОСТРОЕНИИ

В результате исследования информационных источников выяснилось, что среди множества направлений

применения ИИ в судостроении в качестве основных можно выделить следующие приведенные ниже.

- *Оптимизация при проектировании судов.* С использованием специально разработанных алгоритмов глубокого обучения при проектировании судов становится возможным учет больших объемов данных со множеством параметров, включая гидродинамические характеристики, энергопотребление и прочность материалов. Например, таким образом проектируют электрическую подсистему корабля. При этом необходимые для расчетов данные берутся из базы проектов последних лет и адаптируются под разрабатываемые конструкторские решения [18].
- *Использование в системах управления движением судна/корабля и в портовых интеллектуальных информационно-телекоммуникационных системах* [20]. Различные функциональные блоки судна и портов эффективно контролируются и управляются автоматизированными системами, использующими ИИ. Эти системы включают в себя навигацию, маневрирование, управление двигателями судна и оборудованием портов. Существует также предварительный Национальный стандарт Российской Федерации ПНСТ 866-2023 «Системы искусственного интеллекта на водном транспорте», действующий с 01.01.2024 до 01.01.2027 [6]. Стандарт включает в себя множество сценариев применения, охватывающих различные аспекты использования искусственного интеллекта в судоходстве. Среди них: автономное управление, предотвращение столкновений, прогнозирование технического обслуживания, оптимизация маршрутов, энергосбережение, обеспечение безопасности и управление рисками, поддержка принятия решений, мониторинг окружающей среды, оптимизация грузоперевозок, управление чрезвычайными ситуациями, обучение персонала, интеллектуальный контроль за контейнерами, взаимодействие с пассажирами, мониторинг грузопотоков, управление терминалами, формирование рекомендаций и требований, а также применение искусственного интеллекта в портовых сервисах.

Южнокорейская компания HD Korea Shipbuilding & Marine Engineering успешно завершила строительство и ввела в эксплуатацию первое в мире судно, оснащенное искусственным интеллектом. Судно представляет собой массивный балкер водоизмещением 180 тыс. тонн, работающий на сжиженном природном газе. ИИ на борту судна состоит из двух автоматизированных систем управления двигателями, разработанных совместно компаниями HD Korea

Shipbuilding & Marine Engineering и H-Line Shipping. Эти системы используют алгоритмы искусственного интеллекта для оптимизации работы двигателей и повышения эффективности судна и представляют собой интегрированные решения для мониторинга состояния судна (HiCBM) и для обеспечения безопасного управления им (HiCAMS). Эти системы в реальном времени отслеживают состояние основного оборудования, включая маршевые двигатели, компрессоры и насосы, и предупреждают о возможных проблемах во время плавания.

Благодаря использованию ИИ HiCBM способна обнаруживать и предотвращать потенциальные поломки, обеспечивая безопасное движение судна. HiCAMS использует бортовые видеокамеры для анализа событий, связанных с безопасностью в режиме реального времени, повышая уровень защиты судна и его команды [16].

Обслуживание и ремонт судов [6, 15, 16]. Технологии прогнозирования отказов и диагностики состояния оборудования на основе ИИ позволяют предупреждать возможные проблемы, а также оптимизировать расписание технического обслуживания.

Обучение и симуляция [17]. Виртуальные тренажеры на основе ИИ позволяют обучать экипажи судов в условиях, максимально приближенных к реальным, что способствует повышению их квалификации и безопасности на борту.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (РИД), СОЗДАННЫХ ИИ, И ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В последнее время вопрос охраны как «прямых», так и «побочных» РИД, возникающих вследствие применения ИИ, не просто требует теоретического рассмотрения, а заставляет принимать практические меры, учитывая, что ИИ достиг уровня, на котором он способен конкурировать с человеком (разработчиком) [9], создавая большое число ранее не запланированных технических решений. При этом современное производство в судостроении и судоходство невозможно представить без применения сложных вычислительных систем, использующих различные типы ИИ для своей работы и приводящих к необходимости обеспечения своевременной правовой охраны результатов использования.

В Декларации этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта [5] отмечается важность критической оценки получаемых с помощью ИИ результатов, но при этом использовании не должна быть исключена возможность

человеческого взаимодействия в процессе исследовательской деятельности. ИИ следует применять как вспомогательный инструмент, а не заменять им человеческий интеллект. Согласно Кодексу этики в сфере искусственного интеллекта [3], акторы должны использовать ИИ в соответствии с заявленным предназначением в выбранной предметной области для решения определенных прикладных задач, соблюдать законодательство Российской Федерации на всех этапах его использования, включая права на интеллектуальную собственность. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [4] подчеркивается, что технологии с применением ИИ относятся к области конкуренции между разными странами, позволяют получать значимые результаты в стратегически важных сферах экономического развития, позволяют сократить временной промежуток от прикладного исследования к производству продукта. В ней уделяется внимание обеспечению защиты объектов интеллектуальной собственности (ОИС), возникающих при создании и обучении модулей ИИ.

Среди проблем, связанных с правовой охраной интеллектуальной собственности, возникающей при практическом применении так называемого сильного ИИ в судостроении, можно выделить ряд основных.

- *Низкая культура поведения в области управления интеллектуальной собственностью у организаций, осуществляющих разработки в области судостроения с использованием ИИ*, приводит к отсутствию долгосрочных стратегий по их правовой охране, в том числе патентным правом, что не позволяет своевременно предотвращать незаконное, без разрешения правообладателя, их использование другими компаниями и способствует возникновению ущерба или как следствие упущенной выгоды.
- *Отсутствие четких критериев определения творческого вклада автора и ИИ при создании с его помощью РИД* — как основных, на которые было нацелено его применение, так и побочных, возникающих при его работе, что осложняет экспертизу заявок для их правовой охраны, а также приводит к ошибочным выводам как со стороны заявителей, так и со стороны проверяющих ведомств [9]. Примером может являться отказ в предоставлении правовой охраны изобретению, в заявке на которое в качестве автора был указан ИИ наименованием Dabus, разработанный и обученный для генерирования и развития новых идей [21]. Различные исследователи заявляют, что отказ по таким заявкам снижает мотивацию в разработке систем ИИ, вынуждает скрывать

от широкой общественности сущность новых технических решений в этой области и охранять их в виде ноу-хау.

В результате размытости критерииев предоставления правовой охраны РИД, полученных с помощью ИИ, а также неоднозначности при определении автора и правообладателя такого результата могут возникать споры по установлению субъекта, обладающего исключительным правом между разработчиком и юридическим лицом, правообладателем прав на ИИ. Если разработчики ИИ не урегулировали вопросы прав на созданные с его помощью технологии, то это затрудняет их масштабирование и внедрение в производство в области судостроения. Проблема заключается в определении правового режима результатов деятельности ИИ и характера исключительных прав в отношении него. В настоящее время в законодательстве и научной доктрине отсутствует единый подход к решению данного вопроса [18]. При этом наблюдаются приведенные ниже проблемы.

- *Нет четкого перечня условий для допустимого использования чужих РИД при разработке в области судостроения при помощи ИИ и робототехники.* Это приводит к необходимости использовать чужие результаты, либо заключая лицензионное соглашение, либо без него — с риском возникновения правовых споров о нарушении исключительных прав.
- *Требуется совершенствование регламента закрепления прав на РИД, созданные с использованием ИИ для исключения спорных ситуаций [21].*

Разработки технических решений в области судостроения с применением ИИ, согласно законодательству, могут охраняться патентным правом, в котором, согласно ст. 1345 ГК РФ, выделяют исключительные права, право авторства и иные права (например, право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец) [7]. Важно определить, как должны быть распределены эти права на патентоспособные решения, созданные ИИ самостоятельно, между разработчиком ИИ, лицом, предоставившим данные для расчета, или пользователем, или тренером, обучавшим ИИ. При этом в судостроении вследствие использования ИИ могут возникать патентоспособные результаты, относящиеся к национальной безопасности, например средствам вооружения и военной технике, методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, и, согласно законодательству, охраняемые как секретные изобретения, имеющие специальное регулирование (ст. 1401–1405 ГК РФ). Они не публикуются в реестре и бюллетенях Роспатента для

публичного доступа, отправляются для экспертизы в Министерство обороны РФ, а передача этих сведений производится в соответствии с законодательством о государственной тайне.

В действующем ГК РФ отдельно не предусмотрено правовое регулирование результатов, созданных ИИ, поэтому они относятся к «непоименованным объектам» гражданских прав. В ст. 1228 ГК РФ не закреплен правовой режим продуктов, созданных нейросетями [8]; согласно ей, имущественные права можно получить на охраняемые РИД, созданные человеком.

МЕРЫ, ПРЕДПРИНИМАЕМЫЕ ГОСУДАРСТВОМ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ, И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ РИСКА ПО НЕПРЕДСТАВЛЕНИЮ СВОЕВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ДЛЯ РЕШЕНИЙ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИИ В ОБЛАСТИ СУДОСТРОЕНИЯ

Для решения обозначенных проблем в октябре 2020 г. в Государственную думу РФ был внесен законопроект, предлагающий закрепить исключительные права на РИД, созданные ИИ, за правообладателем программы, благодаря которой появился данный результат. При этом возникает монополия разработчика ИИ на результаты, им созданные. В результате вопрос использования ИИ для создания РИД требует как теоретического изучения, так и нормативного регулирования.

Концепция развития регулирования в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденная Правительством Российской Федерации 19 августа 2020 г., определяет основные направления трансформации системы нормативного регулирования в России и в контексте охраны РИД указывает на необходимость определения следующих аспектов.

Целесообразность расширения толкования понятия творческого вклада и предоставления правовой охраны таким результатам, как ОИС в другой форме. Если это будет признано целесообразным, то следует определить субъект, который будет обладать исключительными правами на РИД, а также условия и возможные исключения для представления правовой охраны этим результатам.

Условия допустимого использования РИД третьих лиц при разработке и применении систем ИИ и робототехники, особенно в процессе машинного обучения. Также необходимо усовершенствовать порядок закрепления прав на РИД, созданные с использованием технологий ИИ и робототехники [9].

В случае перехода прав на ИИ и своевременного невыявления среди данных полученных на более ранних этапах его работы трудно без четкого учета определить, кто является автором и имеет право подавать заявку на патентоспособное решение, созданное с помощью ИИ.

Для облегчения ситуации с закреплением авторства в России по инициативе Минэкономразвития РФ в 2025 г. будет введен специальный реестр открытий и произведений, созданных с помощью ИИ. Правообладатели смогут самостоятельно вносить информацию о своих разработках в реестр, который не будет дублировать данные из Роспатента и заменять процедуру регистрации прав на РИД, но предоставит возможность заявлять о создании технических решений до их официального оформления. Для бизнеса этот реестр будет служить витриной для поиска партнеров в области ИИ и обеспечит оперативное взаимодействие с государственными органами [22].

В качестве рекомендаций для сокращения рисков по непредставлению своевременной правовой охраны решениям, сгенерированным ИИ в области судостроения, можно предложить следующие:

- разработчикам ИИ, тренерам, его обучающим, и пользователям при создании решений в области судостроения необходимо постоянно собирать и накапливать данные, полученные в ходе применения ИИ в области судостроения, для их первоначальной охраны как ноу-хау в режиме коммерческой тайны благодаря усилинию мер по информационной безопасности компаний и для их дальнейшей оценки в целях своевременного патентования в виде традиционных объектов или дожидаться введения специальных по примеру инициатив о новом объекте интеллектуальных прав со стороны председателя Совета Федерации по отношению к вычислительной модели как наиболее важной составляющей компьютерной программы [23];
- органам законодательной и исполнительной власти (Роспатент и др.) необходимо усовершенствовать текущее законодательство в целях введения отдельного объекта или дополнительного трактования имеющихся норм для интеллектуальной собственности, относящейся к цифровым результатам, созданным при использовании ИИ;
- закрепить право на подачу заявок на патентование за правообладателем ИИ вне независимости от времени генерации технического решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам выполненного исследования получены следующие результаты.

1. Обнаружена проблема, связанная с отсутствием четких правил и нормативных документов, регламентирующих правовую охрану побочных РИД, созданных ИИ при разработках в области судостроения.
2. Определены ключевые области применения ИИ в судостроении, где могут возникать патентоспособные технические решения.
3. Проанализированы последствия игнорирования вопроса правовой охраны технических решений в судостроительной отрасли.
4. Предложены рекомендации для решения проблем, связанных с правовой охраной РИД в судостроении, созданных при участии ИИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 октября 2019 г. № 2553-р. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/563615576> (дата обращения 07.10.2024).
2. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект»: Документ справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/5-1.pdf> (дата обращения 07.10.2024).
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // сайт Комиссии по реализации Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. — URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 07.10.2024).
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // национальный портал в сфере искусственного интеллекта. — URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (дата обращения 10.10.2024).
5. Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта // сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937054455.pdf> (дата обращения 10.10.2024).
6. Системы искусственного интеллекта на водном транспорте. Варианты использования: Предварительный Национальный стандарт Российской Федерации. — URL: <https://gostassistent.ru/doc/130bff41-5363-4e56-b68d-cfdcb2a9ee9e> (дата обращения 02.10.2024).
7. ГК РФ Статья 1345. Патентные права: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. ГК РФ Статья 1228. Автор результата интеллектуальной деятельности // Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Монографии, учебники, учебные пособия, специальная литература

9. Калягин В.О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 28 с.

Научные статьи и иные публикации в периодической печати

10. Дудко М.В., Дудко О.Ю. Цифровизация и цифровая трансформация судостроения в РФ // Гипотеза. 2022. № 3(20). С.59–66.
11. Шаров С.А. Искусственный интеллект в морской отрасли и его регулирование международным правом // Океанский менеджмент. 2024. № 1(24). С. 43–46.
12. Александров Д.О. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере судостроения: сб. науч. трудов I Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право». В 6 т. Т. 4. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета. 2022. С. 30–34.
13. Лосев С.С. К вопросу о правовом режиме результатов деятельности систем искусственного интеллекта: сб. трудов междунар. круглого стола «Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики». Минск, 2022. С. 201–210.
14. Середохо В.А., Макеев С.М. Проект «Цифровая верфь»: создание экосистемы предприятия для развития цифрового производства // Инновации. 2019. № 9 (251). С. 19–22.
15. Епихин А.И. Основные тренды внедрения технологий искусственного интеллекта в управлении морскими автономными надводными судами / А.И. Епихин, Игнатенко А.В., Д.Е. Студеникин, Е.В. Хекерт // Эксплуатация морского транспорта. 2021. № 1. С. 88–96.
16. Щеглов Д.К. Возможное применение искусственного интеллекта в судостроении и судоремонте / Д. К. Щеглов, Т.Г. Суровцева, М.Н. Ещенко, А.А. Ухов // Судостроение. 2024. № 3. С. 52–56.
17. Фомина И.К. Виртуальные тренажеры при дистанционном обучении плавсостава / И.К. Фомина, С.Н. Тарануха / Interactive science. 2017. Vol. 11. P. 145–148.

18. Ткаченко И.Н. Проблема определения принадлежности права интеллектуальной собственности на результаты, созданные технологией искусственного интеллекта // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 5-5 (80). С. 132–137.
19. Главгосэкспертиза России. В Карелии создадут первую в России «цифровую верфь» [Электронный ресурс]: сайт информационного агентства. — URL: https://www.akm.ru/press/v_karelii_sozdadut_peruyuu_v_rossii_tsifrovuyu_verf/ (дата обращения 07.10.2024).
20. Пономарев А. Китайский центр проектирования и исследования кораблей разработал систему, которая проектирует электрические системы военных кораблей // digitalocean.ru. — URL: <https://digitalocean.ru/n/ai-ships> (дата обращения 07.10.2024).
21. Калинчева М. О некоторых вопросах правовой охраны изобретений, созданных искусственным интеллектом: информационный портал zakon.ru. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/02/25/o_nekotoryh_voprosah_pravovoij_ohrany_izobretenij_sozdannyh_iskusstvennym_intellektom (дата обращения 02.10.2024).
22. В 2025 году в России запустят реестр ИИ открытых: информационный портал allo.tochka.com. — URL: <https://allo.tochka.com/news/ii-reestr> (дата обращения 02.10.2024).
23. Валентина Матвиенко поручила Роспатенту ввести в России охрану вычислительных моделей // онлайн журнал «Монокль». — URL: <https://monocle.ru/2024/02/20/to-chto-tsennno-ne-okhranyayem-poydut-li-soft-patenty-v-zachetku-glavam-regionov/> (дата обращения 07.10.2024).

REFERENCES

1. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya sudostroitel'noj promyshlennosti na period do 2035 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 oktyabrya 2019 goda № 2553-r. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/563615576> (data obrashcheniya 07.10.2024).
2. Pasport federal'nogo proekta "Iskusstvennyj intellekt": Dokument sprav.-pravovoij sistemy "Konsul'tantPlyus". — URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/5-1.pdf> (data obrashcheniya 07.10.2024).
3. Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta: sajt komissii po realizacii Kodeksa etiki v sfere iskusstvennogo intellekta. — URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (data obrashcheniya 07.10.2024).
4. Nacional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda // nacional'nyj portal

- v sfere iskusstvennogo intellekta. — URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (data obrashcheniya 10.10.2024).
5. Deklaraciya eticheskikh principov sozdaniya i ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta // sajt Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki". — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937054455.pdf> (data obrashcheniya 10.10.2024).
 6. Sistemy iskusstvennogo intellekta na vodnom transporte. Varianty ispol'zovaniya: Predvaritel'nyj Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. — URL: <https://gostassistent.ru/doc/130bff41-5363-4e56-b68d-cfdcb2a9ee9e>. (data obrashcheniya 02.10.2024).
 7. GK RF Stat'ya 1345. Patentnye prava: Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ (red. ot 30.01.2024). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".
 8. GK RF Stat'ya 1228. Avtor rezul'tata intellektual'noj deyatel'nosti. [Elektronnyj resurs]: Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ (red. ot 30.01.2024). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".
- Monografii, uchebniki, uchebnye posobiya, special'naya literatura**
9. Kalyatin V.O. Problema mashinnogo tvorchestva v sisteme prava: regulirovanie sozdaniya i ispol'zovaniya rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti s primenением iskusstvennogo intellekta, zarubezhnyj optyt i rossijskie perspektivy. M.: Izdatel'skij dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 28 s.
- Nauchnye stat'i i inye publikaci v periodicheskoy pechati**
10. Dudko M.V., Dudko O.Yu. Cifrovizaciya i cifrovaya transformaciya sudostroeniya v RF // Gipoteza. 2022. No 3(20). C. 59–66.
 11. Sharov S.A. Iskusstvennyj intellekt v morskoj otrasi i ego regulirovanie mezhdunarodnym pravom // Okeanskij menedzhment. 2024. No 1(24). C. 43–46.
 12. Aleksandrov D.O. Problemy pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v sfere sudostroeniya: Sb. nauchnyh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Cifrovye tekhnologii i pravo". V 6 t. T. 4. Kazan': Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovacionnogo universiteta, 2022. S. 30–34.
 13. Losev S.S. K voprosu o pravovom rezhime rezul'tatov deyatel'nosti sistem iskusstvennogo intellekta: Sb. trudov mezhdunar. kruglogo stola "Teoretiko-prikladnye perspektivy pravovogo obespecheniya razvitiya ekonomiki". Minsk, 2022. S. 201–210.
 14. Seredoho V.A. Proekt "Cifrovaya verf'": sozdanie ekosistemy predpriyatiya dlya razvitiya cifrovogo proizvodstva / V.A. Seredoho, S.M. Makeev // Innovacii. 2019. No 9 (251). S. 19–22.
 15. Epikhin A.I. Osnovnye trendy vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v upravlenii morskimi avtonomnymi nadvodnymi sudami / A.I. Epikhin, A.V. Ignatenko, D.E. Studenikin, E.V. Hekert // Ekspluataciya morskogo transporta. 2021. No 1. S. 88–96.
 16. Scheglov D.K. Vozmozhnoe primenenie iskusstvennogo intellekta v sudostroenii i sudoremonte / D.K. Scheglov, T.G. Surovceva, M.N. Eshchenko, A.A. Uhov // Sudostroenie. 2024. No 3. S. 52–56.
 17. Fomina I.K. Virtual'nye trenazhery pri distancionnom obuchenii plavostava / I.K. Fomina, S.N. Tarantuha // Interactive science. 2017. Vol. 11. P. 145–148.
 18. Tkachenko I.N. Problema opredeleniya prinadlezhnosti prava intellektual'noj sobstvennosti na rezul'taty, sozdannye tekhnologiej iskusstvennogo intellekta // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 5-5 (80). P. 132–137.
 19. Glavgosekspertiza Rossii. V Karelii sozdadut pervyyu v Rossii "cifrovyyu verf'" // sajt informacionnogo agentstva. — URL: https://www.akm.ru/press/v_karelii_sozdadut_pervyyu_v_rossii_tsifrovyyu_verf/ (data obrashcheniya 07.10.2024).
 20. Ponomaryov A. Kitajskij centr proektirovaniya i issledovaniya korablej razrabotal sistemу, kotoraya proektiruet elektricheskie sistemy voennyh korablej // digitalocean.ru. — URL: <https://digitalocean.ru/n/ai-ships> (data obrashcheniya 07.10.2024).
 21. Kalincheva M. O nekotoryh voprosah pravovoj ohrany izobretenij, sozdannyh iskusstvennym intellektom [Elektronnyj resurs]: informacionnyj portalzakon.ru. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/02/25/o_nekotoryh_voprosah_pravovoj_ohrany_izobretenij_sozdannyh_iskusstvennym_intellektom (data obrashcheniya 02.10.2024).
 22. V 2025 godu v Rossii zapustят reestr II otkrytiy [Elektronnyj resurs]: informacionnyj portal allo.tochka.com — URL: <https://allo.tochka.com/news/ii-reestr> (data obrashcheniya 02.10.2024).
 23. Valentina Matvienko poruchila Rospatentu vvesti v Rossii ohranu vychislitel'nyh modelej // onlajn zhurnal "Monokl". — URL: <https://monocle.ru/2024/02/20/to-cto-tsенно-ne-okhranyayem-poydut-li-soft-patenty-v-zachetku-glavam-regionov/> (data obrashcheniya 07.10.2024).

**О Кафедре ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным,
культурным и информационным
правам НИУ «Высшая
школа экономики»**

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более тысячи кафедр и 45 специализированных кафедральных сетей в 125 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

unesco

Chair

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center "UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights" (abbreviated as "UNESCO Chair at the HSE University") was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 1000 Chairs and 45 specialized chair networks in 125 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal presented in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:

109028, Moscow, B. Trekhsvyatitelsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru